

# ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2020. Том 39, № 1

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

**Учредитель:** Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

**Издатель:** НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

### Главный редактор

*И.Ф. Исаев*, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

### Ведущий редактор

*Е.И. Ерошенкова*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ»

### Заместители главного редактора:

*О.Н. Прохорова*, доктор филологических наук, профессор, директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ»

*А.П. Короченский*, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ»

*В.Н. Ирхин*, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры педагогического института НИУ «БелГУ»

### Члены редколлегии:

*О.В. Александрова*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)

*Н.А. Асташова*, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (Брянск, Россия)

*Ж. Багана*, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ»

*М. Геруля*, доктор гуманитарных наук, профессор Силезского университета, (г. Катовице, Польша)

*Л.Р. Дускаева*, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики

*С.С. Ермаков*, доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания Харьковской государственной академии дизайна и искусств (г. Харьков, Украина)

*К. Жиро*, доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (Испания)

*Х. Людвиг*, доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

*И.А. Нагорный*, доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, профессор (г. Чанчунь, Китай)

*У. Перси*, доктор филологии, профессор Университета Бергамо (Италия)

*Л.С. Подымова*, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

*А.В. Полонский*, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ»

*В.Я. Порхомовский*, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)

*А. Пстыга*, профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка и переводоведения Гданьского университета (Гданьск, Польша)

*Ж. Риё*, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)

*Е.В. Стоянова*, профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020  
Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Дата выхода 30.03.2020. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

## СОДЕРЖАНИЕ

### ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 5 **Куянцева Е.А.**  
Современные информационные процессы в медиапространстве Украины
- 15 **Литовская А.С.**  
Ретроспектива развития подтекста в России
- 25 **Привалова И.В.**  
Деиндивидуализация сообщений в блогосфере

### ПЕДАГОГИКА

- 36 **Ерошенкова Е.И.**  
Генезис формирования просоциальной установки будущих педагогов в деятельности студенческих педагогических отрядов
- 47 **Зеленина Е.В.**  
Оптимизация психолого-педагогических условий развития научно-исследовательских компетенций в процессе подготовки будущих переводчиков (на примере дисциплины «Основы теории немецкого языка»)
- 58 **Черниенко Ю.А.**  
Библиотечные ресурсы для развития детства
- 66 **Чикина Ю.Ю.** Способы создания комфортного социально-психологического климата на занятии в условиях информатизации образования (на примере уроков географии)

### ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 75 **Архипов С.В.**  
Черты португальской устной речи в памятниках письменной речи португальского языка XVI в. (по материалам произведений Ф. де Оливейры)
- 83 **Блажевич Ю.С.**  
Проблемы автохтонных языков в Западной Африке (на примере Камеруна и Нигерии)
- 90 **Ельникова А.В., Беспалова Е.А.**  
Формат развлекательного радио как фактор, определяющий речевую культуру радиожурналиста (на примере «Европы Плюс»)
- 100 **Кригер Е.И.**  
Структурно-семантические особенности новых лексических единиц группы «общественная жизнь» образованных в начале XXI века (по материалам газет NEW YORK POST и NEW YORK DAILY NEWS)
- 111 **Пэнбо Чжао**  
Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «вода» в китайском языке
- 119 **Черемохина Д.А., Чеботарева И.М.**  
Когнитивные основания интеракции в маркетинговом дискурсе
- 130 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

# ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

## 2020. Volume 39, № 1

Previously magazine was published under the title "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ).

**Founder:** Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

**Publisher:** Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

### EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

#### Chief Editor

*I.F. Isaev*, Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

#### Commissioning editor

*E.I. Eroshenkova*, Associated Professor of the Department of Pedagogy (Belgorod National Research University)

#### Deputies of chief editor:

*O.N. Prohorova*, Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

*A.P. Korochensky*, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

*V.N. Irkhin*, Professor of Department of Pedagogy, Doctor of Pedagogical Sciences (Belgorod National Research University)

#### Members of Editorial Board:

*O.V. Aleksandrova*, Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, doctor of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

*N.A. Astashova*, Head of the Department of Art Education of the Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Bryansk, Russia)

*J. Baghana*, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philology, Professor of National University «BelSU»

*E.P. Belozertsev*, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)

*M. Gierula*, Doctor of Humanities, professor of the Silesian University, Katowice (Poland)

*L. R. Duskaeva*, Professor, doctor of Philology, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University (Saint Petersburg, Russia), head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics

*S.S. Ermakov*

Professor of the Department of Physical Education of Kharkov State Academy of Design and Arts, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Kharkov, Ukraine)

*X. Giro*, Ph.D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Spain)

*H. Ludwig*, professor of The University of Münster, doctor of philosophy (Münster, Germany)

*I.A. Nagorny*, professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

*H. Persi*, Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Italy)

*L.S. Podymova*, Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

*A.V. Polonskiy*, Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, Doctor of Philology, Professor

*V.Y. Porkhomovsky*, Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

*A. Pstyga*, Professor, doctor of Philology, head of the Department of Russian language and translation studies at the University of Gdansk (Gdansk, Poland)

*J. Rieu*, Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis, Professor, Doctor of Philology (Nice, France)

*E.V. Stoyanova*, Head of the Department of Russian Language of Shumen University, named after bishop Konstantin Preslavsky, Doctor of Philology, Professor (Shumen, Bulgaria)

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. Page layout by P.V. Goleusov. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Date of publishing 30.03.2020. The layout was pre-pared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

## СОДЕРЖАНИЕ

### JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 5 **Kuiantseva E.A.**  
Modern information processes in the media of Ukraine
- 15 **Litovskaya A.S.**  
Retrospective of subtext development in Russia
- 25 **Privalova I.V.**  
Deindividualization of messages in the blogosphere

### PEDAGOGICS

- 36 **Zelenina E.V.**  
Optimization of psychological and pedagogical conditions for developing scientific research competences in translator training (on the example of the discipline "Basic theory of the German language")
- 47 **Eroshenkova E.I.**  
Genesis of formation of prosocial installation of future teachers in the activities of student pedagogical orders
- 58 **Cherniyenko Yu.A.**  
Library resources for childhood development
- 66 **Chikina Yu.Yu.**  
Ways to make a comfortable socio-psychological climate in the lesson in the conditions of education informatization (on the example of lessons of geography)

### LINGUISTICS

- 75 **Arkhipov S.V.**  
Features of spoken portuguese language in monuments of written language in portuguese from XVI century (on base of works written by F. de Oliveira)
- 83 **Blazhevich Yu.S.** Problems of indigenous languages in West Africa (illustrated by Cameroon and Nigeria)
- 90 **Elnikova A.V., Bepalova E.A.**  
Entertainment radio format as a factor defining the speech culture of a radio journalist (using the examples of "Europa Plus" radio)
- 100 **Kruger E.I.**  
Structural semantic particularities of new lexical units of civic life at the beginning of the 2000's as reflected in the newspapers NEW YORK POST and NEW YORK DAILY NEWS
- 111 **Zhao Pengbo**  
Semantic features of phraseological units with the "water" component in the Chinese language
- 119 **Cheremokhina D.A., Chebotareva I.M.**  
Cognitive bases of interaction in a marketing discourse
- 130 **INFORMATION ABOUT AUTHORS**

# ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

## JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 32.019.52

DOI: 10.26907/2542-4242.2020.39.1.5-12

### СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ УКРАИНЫ

### MODERN INFORMATION PROCESSES IN THE MEDIA OF UKRAINE

**Е.А. Куянцева**  
**E.A. Kuiantseva**

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,  
Луганская Народная Республика, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

Luhansk Taras Shevchenko national university,  
2 Oboronnya St, Luhansk, 91011, Luhansk People's Republic

E-mail: elenakul@list.ru

#### **Аннотация**

Информационные процессы украинской медиасферы последних лет изучены недостаточно в силу разных причин, в том числе и политических. Объективно изучать характеристики современного информационного поля украинские ученые часто не имеют возможности из-за идеологического давления, особенно сильного после событий 2014 года. В связи с этим автором поставлена цель изучить общие тенденции развития информационных процессов на Украине, а именно функционирование информации в условиях открытости современного общества и соответствующую смену характера потребления и производства информации в масс-медиа; проанализировать возможности интерпретации информации в СМИ, выявить иллюзию демократических проявлений в масс-медиа с имитацией диалога с обществом, а по сути исследовать функционирование журналистики в условиях олигархизации СМИ. Сделана попытка объяснить некоторые явления в информационном поле государства, потерявшего свой суверенитет. Также уделено внимание вопросу влияния украинской медиакритики на информационное наполнение украинских массмедиа и его характер. Указано на важные свойства медиакритики в аспекте ее влияния на информационную политику Украины. Результаты исследования будут интересны для изучения условий работы журналистов в украинском медиапространстве с учетом существующего информационного противостояния Украины и России.

#### **Abstract**

Information processes of the latest years in Ukrainian media sphere were not learnt enough as a result of many different reasons including political. Ukrainian specialists often do not have an opportunity to study the characteristics of modern media space with objective mind because of potential consequences and ideological pressure exceptionally strong after 2014 year events. In this case the author set a goal to study common tendencies of the information processes development in Ukraine, and particularly, information functioning in terms of outspokenness in modern society and associated changes in mass media consumption behaviour and production; to analyze opportunities of information interpretation in media sources, to reveal illusion of exercise of democracy in media with imitation of a dialogue with the society, but in fact, to explore newsmaking functioning under the condition of media

oligarchization. It was made an attempt to explain some phenomena in the media space of a country which lost its sovereignty. Some attention is paid to the question of the Ukrainian media criticism influence on the information content of Ukrainian media and the character of this content. It is demonstrated of the important media criticism characteristics in relation to its influence on the information policy of Ukraine. The results of the study will be interesting for studying the working conditions of journalists in the Ukrainian media space, taking into account the existing informational confrontation between Ukraine and Russia.

**Ключевые слова:** информационное общество, медиакритика, информация, информационные процессы, массмедиа, русофобия.

**Keywords:** information society, media criticism, information, information processes, media, Russophobia.

---

## Введение

Современные ученые констатировали наступление эры информационного общества, которое пришло на смену прошлым формам существования человеческой цивилизации – аграрной и индустриальной. Но уже в самом информационном обществе, в котором «наибольшее количество людей занято обработыванием и порождением информации» [Почепцов, Чукут, 2008, с. 11], происходят различные изменения. Наиболее интересными для нас представляются процессы, связанные с информационным противостоянием Украина – Россия. После известных событий 2014 года, а именно – незаконной смены власти на Украине, русофобия стала одной из центральных тем информационной политики Украины.

Изучать внутриукраинские информационные процессы в медиасфере довольно проблематично, в особенности из-за того, что украинские исследователи не имеют возможности объективно рассматривать эту область. В украинской науке обозначилась тенденция к критике внутренних проблем и даже называются основные их причины – отсутствие самостоятельной информационной политики государства и его субъектности в геополитической плоскости, но настоящие, глубинные причины не указываются. Практически неизученной является такая важная область украинской журналистики, как медиакритика в контексте ее влияния на информационное противоборство Украины и ею обозначенного противника – Российскую Федерацию.

Имеющиеся труды по медиакритике на Украине Н. Габор [2010], Ю. Голодниковой [2009], О. Довженко [2010], Б. Потятиника [2017] в той или иной степени политизированы, хотя, безусловно, представляют интерес для изучения обозначенной темы. Диссертация А. Сулим [2015] одно из наиболее обширных исследований украинской медиакритики, сосредоточена на ее типологии и контент-анализе. Таким образом, объемных исследований медиакритики в аспекте современной политической борьбы нет. Недостаточно изучено и украинское информационное поле, поскольку ученые на Украине не имеют возможности сделать это без политического влияния, возросшего после 2014-го года. Имеющиеся исследования украинской медиакритики Э. Хмеленко [Хмеленко, 2006, 2009] относятся к началу 2000-х.

Проследить общую динамику развития информационных процессов на Украине в медиасфере, обратив внимание на роль медиакритики в информационной политике украинского государства – такова цель нашего исследования.

## Теоретическое обоснование

Основной метод исследования – теоретический анализ украинской медийной практики и значения медиакритики в контексте информационного поля, сформированного в республике. Поскольку в своем исследовании мы попытались очертить современные ин-

формационные процессы в медиaprостранстве Украины, связанные с противостоянием Украина-Россия, то опирались на труды известного украинского ученого, плодотворно работающего в сфере информационных войн – Георгия Почепцова. Его публикации последнего времени хоть и резки в оценках прежде всего России, но в них есть много ценных мыслей по поводу Украины и ее информационной политики.

В проблеме, связанной с влиянием медиакритики на массовую аудиторию, мы брали во внимание монографию А. Короченского – одного из наиболее известных российских теоретиков, изучающих медиакритику.

В процессе изучения специфики информационного поля Украины мы опирались на уже имеющиеся результаты обстоятельного анализа текстового наполнения известных украинских журналов в сфере медиакритики – «Телекритики», «Медиапсихологии и медиаобразования» и др.

Первое, на что мы бы указали в изменениях, связанных с функционированием информационного общества – это его так называемая открытость (об этом писали ученые Г. Почепцов [2008], А. Чичановский [2010]).

Действительно, сейчас информация находится в относительно открытом доступе – насколько это возможно и в сравнении с предыдущими эпохами, где информацию часто приходилось добывать, искать, передавать. Зачастую информация находилась под цензурным контролем. Цифровые технологии и бурное развитие сети Интернет сделали возможным еще большее тиражирование информационных потоков и ускорили их распространение. Это повлекло за собой некоторые изменения в вопросах информационного противостояния. Сейчас информации стало настолько много, а скорость ее передачи настолько велика, что практически невозможно скрыть случившееся важное событие, представляющее интерес для общественности. Проще спрятать важную информацию в океане новостей или же должным образом интерпретировать событие. Например, совершенно по-разному трактовались в украинских СМИ и на федеральных российских каналах такие факты, как отставка главы Национального банка Украины Валерии Гонтаревой, кредитование Украины Международным валютным фондом, реформы и.о. министра здравоохранения Украины Ульяны Супрун.

Второе, на что мы обращаем внимание, – это возможности интерпретации медиаконтента. Одним из ключевых понятий в этом аспекте является медиакритика. Российский ученый, проф. А.П. Короченский в монографии «"Пятая власть"? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка» указывает на особенности и потенциал медиакритики: «Особая область журналистики – медиакритика – имеет некоторые точки соприкосновения с литературной и художественной критикой, другими видами критико-познавательной деятельности, что определяется некоторым родством их социальной сущности и функций <...> Медиакритике <...> свойственен интерес к процессу создания медийных произведений...» [Короченский, 2002, с. 18]. Свойства и возможности медиакритики имеют огромное влияние на интерпретацию информации, поданную в современных медиа: авторы журналистских текстов переосмысливают реальность в своих публикациях, медиакритика работает с этой интерпретацией, расставляя уже в созданной медиареальности акценты. «Учитывая отраженный, преобразованный характер этой отображенной реальности, уместен вопрос о степени полноты и истинности тех картин действительности, которые предлагают своей аудитории средства массовой информации, а также о социальных последствиях их деятельности» [Короченский, 2002, с. 20]. Огромный поток информации, каждый день исходящий из различных СМИ на массовую аудиторию, порождает запрос на структурирование информации, объяснения происходящего в мире. Огромное количество СМИ даже породило такое явление, как фрагментация общественной повестки дня, то есть отсутствие согласия относительно значимости и приоритета различных тем (об этом писали Дж. Эди и С. Мейрик [Edu, Meirick, 2018]). На наш взгляд, это приводит к тому, что современные люди, потребляя информацию из разных СМИ, могут ощущать



себя живущими в разных реальностях. Запутаться в калейдоскопе ежесекундно происходящих событий весьма легко, так что для реципиента важен выбор информатора.

Мы можем наблюдать сейчас огромное количество «экспертов» по важным вопросам как в традиционных СМИ, так и в электронных. Это могут быть как действительно компетентные люди, так и персонажи, имитирующие свою осведомленность по многим вопросам. Каждому человеку хочется потреблять объективную и качественную информацию, исходящую от достойного специалиста. Медиакритика в этом отношении может удовлетворить такую потребность реципиента. Более того, медиакритика способна анализировать информацию и интерпретировать ее научно. Критик научно-методологически подготовлен, «способен к концептуальному рациональному осмыслению рассматриваемых явлений и процессов» [Короченский, 2002, с. 34]. Подтверждение научности медиакритики – это ее «опора на исследования содержания СМИ и медийной деятельности, выполнение с применением социологических, контент-аналитических, статистических и иных научных методик» [Короченский, 2002, с. 35].

### Медиакритика и информационные процессы на Украине

На Украине медиакритика является важной и крайне влиятельной составляющей информационной войны, происходящей на постсоветском пространстве, направленной на уменьшение влияния России в мировом пространстве на всех уровнях, в том числе и географическом, и культурно-ментальном. К огромному сожалению, вынуждены признать, что многолетняя стратегия выстраивания враждебного информационного пространства сделала свое дело – индекс вражды по отношению к России очень высок именно в масс-медиа Украины.

Некоторые исследователи, характеризуя украинское медиaprостранство (в данном случае до 2014 года), отмечали наличие демократических изменений и ориентацию на лучшие образцы европейской журналистики (например, Э. Хмеленко [2006, 2009]). Такое впечатление могло сложиться из-за большого количества публикаций в СМИ с критикой политических деятелей, в том числе и президента страны, описанием коррупционных схем обогащения чиновников, анализом серьезных социальных и политических проблем страны. По нашему мнению, о демократических ценностях в украинской журналистике не стоит говорить оптимистично даже до событий 2014-го года. Наличие негласной цензуры, особенно в региональных СМИ, которые, как известно, весьма влиятельны в наш век глобализации, поскольку отвечают на информационные запросы обычных людей, живущих не в столицах мировых держав, весьма активно обсуждалось учеными еще в годы относительной стабильности на Украине (об этом писала Н. Захарова [2010]).

Кроме этой проблемы, весьма ярко очерчена и проблема принадлежности практически всех СМИ Украины олигархам. Олигархизация СМИ активно началась в 90-е годы XX века, и к десятым годам XXI века говорить о реализации высоких стандартов журналистики в независимых СМИ, объективно освещающих события в стране и за рубежом, стало сложно. Впрочем, наличие материалов, раскрывающих важные проблемы украинского общества, схемы обогащения украинских политиков, протесты журналистов против цензуры, – все это могло дать некоторую иллюзию появления демократических ценностей в журналистике. Но нужно помнить, что на Украине все влиятельные СМИ уже давно имеют своих хозяев-олигархов, а критика соперников и власти – обычное дело для медиаконтента двух десятилетий этого века, особенно в контексте политической борьбы примерно равных сил за ключевые должности в правлении государства.

Правда, не можем не отметить, что критические публикации о коррупционных схемах далеко не всегда имели логичное, ожидаемое продолжение – снятие с должности чиновника, суд над ним и наказание. Как правило, после публикации коррупционер благополучно продолжал свою деятельность. Политик, запятнанный скандалами, после которых в стране с высокими стандартами демократии и свобод, ему не было бы места на по-



литическом Олимпе, благополучно появляется вновь, пополняет собой ряды оппозиционеров или находит общий язык с действующей властью (например, Ю. Тимошенко, П. Порошенко, М. Саакашвили). Это было одно из проявлений некоего парадокса, возникшего в украинском информационном поле: из-за критики политических деятелей, часто весьма справедливой и даже жесткой, складывалось ощущение, что со свободой слова на Украине все благополучно, но на деле такие проявления демократии оказывались заказными публикациями или передачами, целью которых была попытка дискредитации политического соперника.

Украинская журналистика так и не стала «четвертой властью», которая могла бы показать срез общественного мнения о жизненно важных проблемах и оказать влияние на развитие государства. Пристальное изучение резонансных скандалов указывало на то, что это влиятельные люди «заказали» неугодного политика, часто с санкции западных кураторов. Вспомним, например, долгоиграющий проект, как домоклов меч, нависающий над президентом Л.Д. Кучмой – убийство Георгия Гонгадзе, заказчиком которого, по всем подозрениям, выходил сам глава государства. В случае необходимости дело Гонгадзе появлялось в медиа с последующими соответствующими обвинениями в адрес властей.

В случае с двумя революциями, пережитыми Украиной в 2004 и 2014 годах, следует говорить о технологии смены неугодной власти (проще говоря – о госперевороте) под видом волны гнева народа, которому надоело терпеть несправедливость, засилье цензуры и другие неприятности. Для отправной точки народного возмущения использовался, как правило, повод, внезапно ставший главной проблемой в жизни общества, – например, многочисленные «нарушения» во время выборов президента страны в 2004 г. или нежелание властей Украины подписывать ассоциацию с ЕС, преподнесенную в СМИ как путь в Европу с последующим членством в Европейском Союзе. Во времена «помаранчевой» революции (2004 г.) и революции «гидности» (2014 г.) поддержка в СМИ прозападного пути развития Украины была колоссальной. Медиакритика также активно работала в том же направлении, доказывая правильность такого выбора на научном уровне.

Третьей особенностью информационного пространства Украины следует назвать следующее: наличие в украинских медиа довольно широкого диапазона проблем и их последующего обсуждения в имитации диалога с общественностью, воспринимаемого как проявления демократии в журналистской сфере, на самом деле являющегося реализацией мягкой силы в формировании прозападного информационного поля на Украине. Критика украинских политических деятелей разрешена, но зато вытеснялся медиа-контент, приветствующий добрососедские отношения с Россией. Материалы о российском лидере В.В. Путине в украинских СМИ носили исключительно негативную оценку его деятельности (доказательно об этом в статье Е. Мурюкиной [2015]). Постепенно, год за годом, выстраивалось информационное поле, в котором все меньше места оставалось позитивной оценке России современной и подавалась только негативная информация о прошлом «большого соседа» – СССР. Положительная информация о совместной истории Украины и России, о стратегически важных и взаимовыгодных отношениях, о едином народе – подобная информация встречалась только лишь в пророссийской прессе (чаще всего в Крыму до его вхождения в состав России).

О проблемах в украинских СМИ писал известный медиакритик П. Александров: в прессе, претендующей на звание качественной и влиятельной (газет «Зеркало Недели», «День», журналов «Корреспондент» и «Коммерсантъ-Украина» и др.), можно наблюдать такие негативные явления, как «погоня за сенсационностью, отсутствие альтернативных точек зрения, неполнота освещения как украинской, так и зарубежной жизни из-за недостаточно разветвленной корреспондентской сети, дефицит сдержанности в оформлении и стиле публикаций» [Александров, 2006]. По сути медиакритик говорит о слабом инфор-

мационном поле страны, на деле – его отсутствии. Украина существует в чужих информационных полях, а значит, не способна отстоять свои государственные интересы и суверенитет. Схожую мысль мы находим и у Г. Почепцова: «Украина не может выработать собственную модель действительности, собственную точку зрения. Поэтому мы и ходим между западным и российским вариантами взгляда на мир» [Почепцов, 2015].

Копируя некоторые внешние проявления западной журналистики, отрицая и критикуя традиции советской журналистики и общие проблемы с российской, украинская медиасфера не реализовалась в своей уникальности и самостоятельности. Известный украинский журналист Ю. Макаров в интервью для «Телекритики» называет украинскую журналистику «чрезвычайно незрелой», а новости – «бедненькие, но чистенькие» [Макаров, 2015].

### **Направленность украинской медиакритики**

О проблеме отсутствия собственного информационного поля, работающего на интересы страны, украинские ученые говорят давно. На наш взгляд, это не только не удивительно, но и закономерно. В современном мире собственное информационное поле имеют только государства, обладающие реальным суверенитетом. События на Украине 2014-го года ясно показали, что страна давно утратила свою субъектность как международный политический игрок, соответственно, все влиятельные СМИ контролируются или олигархами, зависимыми от давления Запада, или же непосредственно западными организациями либо политиками. Яркие примеры: некоммерческий проект «Телекритика» создан благодаря целевому гранту правительства США, Центр «Медиареформы» открыт на базе Национального университета «Киево-Могилянская академия» при поддержке правительства Великобритании, долгая история с попытками создания общественного телевидения (громадського ТВ) на Украине, увенчавшаяся «успехом» (по совпадению в ноябре 2013 года при возникновении протестов из-за отказа подписания ассоциации с ЕС) при финансовой поддержке посольств США и Нидерландов на Украине.

В подобных условиях особое внимание следует уделить медиакритике как влиятельной части информационной сферы. А.П. Короченский, изучивший значение этого феномена в современном мире, указывает на одну из важнейших функций медиакритики – научность, что является ее высшим атрибутом [Короченский, 2002]. В этом аспекте медиакритика опирается на контент-анализ, использует научные методы познания. В украинском информационном поле при поддержке западных организаций годами последовательно выстраивалась информационная проекция России как врага Украины, как враждебной территории с компрометирующим прошлым (наследница тоталитарного СССР) и закономерно проблемным настоящим – виновница войны с Грузией в 2008-м, источник газовых войн с Украиной, аннексировавшая Крым и оккупировавшая Донбасс. С 2014-го года русофобия в СМИ Украины выходит на качественно новый уровень, становится краеугольным камнем внутренней и внешней политики Украины. В таких условиях «независимый» медиакритик, взявшийся анализировать материалы украинских массмедиа, имеет возможность работать на дальнейшее углубление русофобии в украинском информационном пространстве, поставляя материал для информационной войны с Россией, доказывая ее враждебность уже «научно». В итоге русофобия в украинских массмедиа получает весьма существенную подпитку и продолжает далее усиливаться. Динамика ее развития приблизительно такова: антироссийские выпады в СМИ вызывают у публики раздражение, через время наступает привыкание, и враждебное отношение к России становится едва ли не нормой, после 2014-го года русофобия является уже едва ли не требованием ко всему медиаконтенту Украины.

Для примера приведем выводы, сделанные Мурюкиной Е.В на основе анализа журнала «Медиакритика», с 2003 года выпускающегося Институтом медиаэкологии Львовского национального университета имени И. Франко и Западно-украинским центром «Новая журналистика»: «Наш анализ показывает, что основные функции медиакри-

тических текстов следующие: аналитическая, идеологическая, политическая, информационно-коммуникативная; просветительская, образовательная, регулятивно-корпоративная. Необходимо отметить, что они заданы и развиваются в соответствии с современной украинской политической конъюнктурой, векторно ориентированной на Евросоюз и оппозиционно настроенной по отношению к России. Большинство медиатекстов излишне политизированы, что не позволяет опираться на широкий спектр мнений по освещаемой проблеме» [Мурюкина, 2016, с. 84].

Анализируя тексты сайта «Медиапсихология и медиаобразование», исследователь также указывает на «определённый уровень политизации» [Мурюкина, 2016, с. 85]. О сайте «Медиаобразование» она пишет: «Особое место в материалах данного сайта отводится антироссийской направленности, что логично, поскольку обусловлено позицией учредителей сайта и укладывается в рамки существующей на Украине в настоящее время русофобии» [Мурюкина, 2016, с. 88].

В таких условиях, на наш взгляд, наблюдаются некоторые эффекты спирали молчания (термин Э. Ноэль-Нойман [Noelle-Neumann, 1993]): если на Украине кто-то симпатизирует России, то предпочтет умолчать об этом под давлением, оказываемым СМИ во многих сферах. Приведем несколько примеров. В свое время В. Янукович победил на выборах в 2010-м благодаря растиражированному стереотипу, что он пророссийский кандидат. Соответственно от президента Януковича ожидали поступков, подтверждающих пророссийскую позицию – негативной оценки деятельности С. Бандеры, но он побоялся сделать выбор прямо и окончательно, долго увиливал от ответа, ссылаясь на то, что в этом вопросе должны разобраться историки. В наши дни В. Зеленский получил поддержку от населения Украины в первую очередь как антагонист П. Порошенко. Но вот мы слышим от него слова, что Бандера – по-прежнему герой («і це класно», – говорит в своей манере действующий глава государства). Затем последовало обвинение в адрес России, что она виновата в развязывании второй мировой войны наравне с Гитлером. Подобные выпады со стороны президента Украины вызвали волну возмущения. При этом вполне возможно, что на самом деле В. Зеленский как человек, а не политик так не считает, но вынужден говорить. Если знать подоплеку информационных процессов на Украине, то все становится понятным. У президента Украины В. Зеленского нет иного пути, как продолжать русофобскую политику своего предшественника – таково требование Запада.

Впрочем, несмотря на общее антироссийское направление украинского медиаконтента, стоит отметить работу альтернативных политических журналистов-блогеров, которые не боятся высказывать свое мнение о происходящих на Украине событиях весьма жестко и критично. Как правило, свою позицию подтверждают фактами, результатами исследований и пристальным изучением подробностей и обстоятельств. Это Олеся Медведева (интернет-издание «Страна.иа», блог «Ясно Понятно»), Анатолий Шарий (YouTube-канал Анатолия Шария), Татьяна Монтян (видеоблог на YouTube).

### Заключение

В ходе нашего исследования мы указали на некоторые важные особенности современных информационных процессов, происходящих на Украине: в эпоху бурного развития цифровых технологий невозможность скрыть информацию компенсируется нужной интерпретацией событий, в чем важную роль играет медиакритика.

Внешне украинская медиасфера могла показаться достаточно демократичной, что и отмечали исследователи. Но за внешними атрибутами демократических процессов в украинских СМИ происходило формирование прозападного информационного поля, враждебного по отношению к России. Современная Украина не имеет реального суверенитета и соответственно и не имеет своего информационного пространства, где она была бы пол-

новластной хозяйкой, отстаивающей свои интересы. Медиа Украины находятся под внешним управлением в тех или иных формах, в том числе и посредством влиятельных организаций, в свое время именно с этой целью созданных.

Медиакритика Украины в создавшихся условиях является серьёзным игроком в современных информационных процессах, происходящих в стране. Подпитываемая Западом медиакритика поддерживает русофобское направление контента в украинских СМИ. Но существуют и альтернативные мнения среди политических журналистов-блогеров, которые высказываются не в духе существующего на Украине информационного мейнстрима.

Изучение влияния медиакритики на общий характер информационного противостояния Украина-Россия видится перспективным и требующем дальнейшей работы в этом направлении. Данное исследование вносит вклад в теорию информационных войн, в изучение медиакритики как части информационного противоборства соседствующих стран, имеющих общую историю и тесные связи между братскими народами. Его результаты будут интересны в первую очередь журналистам-практикам, также они могут привлечь внимание и теоретиков, рассматривающих современные информационные процессы в медиасфере.

### Список литературы

1. Александров П. 2006. Мифы качественной прессы. URL: <http://www.mediackrytyka.info/> (дата обращения: 12.12.2019)
2. Короченский А.П. 2002. «Пятая власть»? феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов-на-Дону, Международный институт журналистики и филологии, 270 с.
3. Мурюкина Е.В. Информационная война на страницах российской и украинской прессы: сравнительный анализ. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 3 (06). URL: <http://se.if-mstuca.ru> (дата обращения: 05.12.2019)
4. Мурюкина Е.В. 2016. Сравнительный анализ украинских и белорусских сайтов по медиакритике и медиаобразованию. *Медиаобразование. Media Education*, 2: 80–96.
5. Почепцов Г.Г. 2012. Информационные войны: базовые параметры. URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar9.htm> (дата обращения: 29.11.2019)
6. Почепцов Г.Г. 2014. Новые варианты информационной войны. Российско-украинский конфликт. URL: <http://glavcom.ua/articles/22920.html> (дата обращения: 26.11.2019).
7. Хмеленко Э.В. 2006. Медиакритика на Украине. В кн.: *Журналистика и медиаобразование в XXI веке. Сборник научных трудов Международной науч.-практ. конференции*. Под ред. А.П. Короченского. Белгород, Изд-во БелГУ: 194–197.
8. Хмеленко Э.В. 2009. Украинская медиакритика: демократический потенциал и информационно-политический ресурс. *Молодой ученый*, 2: 197–199.
9. Габор Н. 2010. Дещо про п'яту владу. *Медіакритика*. URL: <http://www.mediakrytyka.info/onlayn-zhurnalistyka/descho-pro-pyatu-vladu.html> (дата звернення: 30.11. 2019).
10. Голоднікова Ю.А. 2009. Парадокси української медіакритики. *Медіакритика*, 16. URL: <http://www.mediakrytyka.info/drukovani/paradoksy-ukrayinskoji-mediakrytyky.html> (дата звернення: 30.11. 2019)
11. Довженко О. 2010. Медіакритика в Україні: недоросла й недооцінена. *Медіакритика*, 18: 8–16.
12. Захарова Н. 2010. Українська суспільно-політична газета як джерело до вивчення проблем викладання історії в Україні на рубежі ХХ–ХХІ століття. *Вісник Дніпропетровського університету. Серія Історія та археологія*, 18: 111–118.
13. Потятиник Б. 2017. Медіакритика в системі журналістської освіти України: Львів – Київ – транзит // *Вісник Львівського університету. Серія Журналістика*, 42: 54 – 60.

Potyatynuk B. 2017. Mediakrytyka v systemi zhurnalist-s'koyi osvity Ukrayiny: L'viv – Kyiv – tranzyt [Media criticism in the system of Ukrainian journalistic education: Lviv. Kyiv. Transit]. Visnyk L'vivs'koho universytetu. Seriya Zhurnalistyka, 42: 54 – 60. (in Ukraine).

14. Почепцов Г.Г., Чукут С.А. 2008. Інформаційна політика. К., Знання, 663 с.

15. Сулим А.А. 2015. Медіакритика в Україні: функції, тематика, проблематика. Дис. ... кандидата наук із соц. комунікацій. Дніпропетровськ, 241 с.

16. Чичановский А.А., Стариш А.Г. 2010. Информационные процессы в структуре мировых коммуникационных систем. К., Грамота, 586 с.

17. Edy J.A., Meirick C. 2018. The fragmenting public agenda: capacity, diversity, and volatility in responses to the “Most important problem” question. *Public opinion quarterly*, 4: 661–685.

18. Noelle-Neumann E. 1993. *The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin*. Chicago, University of Chicago.

19. Noelle-Neumann E. 1991. The Theory of Public Opinion: The Concept of the Spiral of Silence. In J. A. Anderson (Ed.), *Communication Yearbook*, 14: 256–287.

### References

1. Alexandrov P. 2006 Mify kachestvennoy pressy [Myths of quality press]. Available at: <http://www.mediakrytyka.info/> (accessed: 12.12.2019)

2. Korochensky A.P. 2002. “Pyataya vlast”? Fenomen mediakritiki v kontekste informatsionnogo rynku [“Fifth power”? the phenomenon of media criticism in the context of the information market]. Rostov-na-Donu, Mezhdunarodny institute zhurnalistiki i filologii, 270 p.

3. Mouryukina E.V. 2015. Informatsionnaja vojna na stranitsah rossiyskoy i ukrainskoy pressy: sravnitelny analis [The information war on the pages of the Russian and Ukrainian press: a comparative analysis]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*, 3 (06). Available at: <http://ce.ifmstuca.ru>. (accessed: 05.12.2019)

4. Mouryukina E.V. 2016. Sravnitelny analiz ukrainskih i belorusskih saytov po mediakritike i mediaobrazhovaniyu [Comparative analysis of Ukrainian and Belarusian sites on media criticism and media education]. *Mediaobrazhovaniye. Media Education*, 2: 80–96.

5. Pocheptsov G.G. 2012. Informatsionnye voyny: bazovye parametry [Information Wars: Basic Parameters]. Available at: <http://psyfactor.org/psyops/infowar9.htm> (accessed: 29.11.2019)

6. Pocheptsov G.G. 2014. Novyye varianty informatsionnoy voyny. Rossiysko-ukrainskiy konflikt [New options for information war. Russian-Ukrainian conflict]. Available at: <http://glavcom.ua/articles/22920.html> (accessed: 26.11.2019)

7. Hmelenko E.V. 2006. Mediakritika na Ukraine [Media criticism in Ukraine.]. In: *Zhurnalistika I m v ediaobrazhovaniye v XXI veke [Journalism and Media Education in the 21st Century]*. Ed.: A.P. Korochenskogo. Belgorod, Pabl. BelGU: 194–197.

8. Hmelenko E.V. 2009. Ukrainskaja mediakritika: demokraticheskiy potentsial i informatsionno-politicheskiy resurs [Ukrainian media criticism: democratic potential and information and political resource]. *Molodoy ucheny*, 2: 197–199.

9. Habor N. 2010. Deshcho pro p'yatu vladu [Something about the fifth power. Media criticism]. *Mediakrytyka*. Available at: <http://www.mediakrytyka.info/onlayn-zhurnalistyka/deshcho-propyatu-vladu.html> (accessed: 29.11.2019). (in Ukraine).

10. Holodnikova YU.A. 2009. Paradoksy ukrayins'koyi mediakrytyky [Paradoxes of Ukrainian media criticism] *Медіакритика*, 16. URL: <http://www.mediakrytyka.info/drukovani/paradoksy-ukrayinskoyi-mediakrytyky.html> (accessed: 30.11.2019). (in Ukraine).

11. Dovzhenko O. 2010. Mediakrytyka v Ukrayini: nedorosla y nedootsinena [Media criticism in Ukraine: immature and underestimated]. *Mediakrytyka*, 18: 8 – 16. (in Ukraine).

12. Zakharova N. 2010. Ukrayins'ka suspil'no-politychna hazeta yak dzhereło do vyvchennya problem vykladannya istoriyi v Ukrayini na rubezhi XX–XXI stolittya [Ukrainian socio-political newspaper as a source for studying the problems of the history of teaching in Ukraine at the turn of the 20th – 21st centuries]. *Visnyk Dnipropetrovs'koho universytetu. Seriya Istoriya ta arkhеolohiya*, 18: 111–118. (in Ukraine).



13. Potyatynk B. 2017. Mediakrytyka v systemi zhurnalist-s'koyi osvity Ukrayiny: L'viv – Kyiv – tranzyt [Media criticism in the system of Ukrainian journalistic education: Lviv. Kyiv. Transit]. Visnyk L'vivs'koho universytetu. Seriya Zhurnalistyka, 42: 54 – 60. (in Ukraine).
14. Pocheptsov G.G., Chukut S.A. 2008. Informatsiyna polityka [Information politics]. K., Znaniya, 663 p. (in Ukraine).
15. Sulym A.A. 2015. Mediakrytyka v Ukrayini: funktsiyi, tematyka, problematyka [Media criticism in Ukraine: functions, subjects, problems]. Dys. ... cand. of science in social communication. Dnipropetrovs'k, 241 p.). (in Ukraine).
16. Chichanovsky A.A., Starish A.G. Informatsionnye protsessy v strukturi svitovykh komunikatsionnykh system [Information processes in the structure of world communication systems]. K., Gramota, 586 p.
17. Edy J.A., Meirick C. 2018. The fragmenting public agenda: capacity, diversity, and volatility in responses to the “Most important problem” question. Public opinion quarterly, 4: 661–685.
18. Noelle-Neumann E. 1993. The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin. Chicago, University of Chicago.
19. Noelle-Neumann E. 1991. The Theory of Public Opinion: The Concept of the Spiral of Silence. In J. A. Anderson (Ed.), Communication Yearbook, 14: 256–287.

### **Ссылка для цитирования статьи**

#### **For citation**

Куюнцева Е.А. 2020. Современные информационные процессы в медиaprостранстве Украины. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (1): 5–140

DOI<sup>320</sup>: 63548: 9/2; 62/4242/5; /3/7/36<sup>0000</sup>

Kuiantseva E.A. 2020. Modern information processes in the media of Ukraine. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 39 (1): 5–14 (in Russian). DOI<sup>320</sup>: 63548: 9/2; 62/4242/5; /3/7/36<sup>0000</sup>

УДК 316.77:001.12/.18; 070:001.12/.18  
DOI'32В: 635148: 9/2; 62/4242/5; /3/37/46''''

## РЕТРОСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ПОДТЕКСТА В РОССИИ RETROSPECTIVE OF SUBTEXT DEVELOPMENT IN RUSSIA

**А.С. Литовская**  
**A.S. Litovskaya**

Воронежский государственный университет,  
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

Voronezh State University,  
1 University Square, Voronezh, 394006, Russia

E-mail: ann.litovskaya93@mail.ru

### **Аннотация**

В трудах отечественных филологов мы можем встретить различные подходы к исследованию текста. Особая роль в подобных работах отводится подтексту. Однако до сих пор никто не предпринимал попытки проследить проявление подтекста в российском историческом контексте с точки зрения журналистики. Поэтому целью данного исследования является попытка рассмотрения различных проявлений подтекста с момента возникновения письменности на Руси и до современных телепрограмм. Начальный этап связан с развитием письменности на Руси. В это время имплицитные смыслы выражаются преимущественно с помощью риторических приемов. С развитием книгопечатания и появлением печатных газет происходит усиление цензуры и идейного надзора за СМИ. В этот момент подтекст вновь трансформируется, беря на вооружение олицетворение и юмор. С появлением на страницах газет иллюстраций в виде картинок, появляется карикатура – мощное средство передачи подтекста. Дальнейшее развитие подтекста в нашей стране было обусловлено текущей политической ситуацией. С развитием и распространением телевидения подтекст начинает проявлять себя как с помощью вербальных, так и с помощью невербальных средств – мимики, жестов, интонирования. В современной сетевой среде он становится одним из ключевых факторов формирования комьюнити, своеобразным средством активации соучастия аудитории.

### **Abstract**

In the works of Russian philologists, we can meet various approaches to the study of the text. A special role in such works is assigned to the subtext. However, so far no one has attempted to trace the manifestation of subtext in the Russian historical context from the point of view of a journalist. Therefore, the purpose of this study is an attempt to consider various manifestations of the subtext from the moment of writing in Russia to modern television programs. Having analyzed the theoretical and empirical material, we came to the conclusion that the subtext in its development went through several stages. The initial stage is associated with the development of writing in Russia. At this time, implicit meanings are expressed primarily through rhetorical devices. With the development of printing and the advent of the first printed newspapers, censorship and ideological oversight of the media has intensified. At this moment, the subtext is again transformed, taking on the arsenal of personification and humor. With the appearance of illustrations in the form of pictures on the pages of newspapers, a caricature appears – a powerful means of conveying subtext. Further development of the subtext in our country was due to the current political situation. For example, during the formation of Soviet power and World War II, the subtext was the most powerful tool for political propaganda. With the development and distribution of television, the subtext begins to manifest itself both through verbal and nonverbal means – facial expressions, gestures, intonation. In the modern network environment, it is becoming one of the key factors in the formation of the community, a kind of means of activating audience complicity.

**Ключевые слова:** подтекст, история, литературные жанры, цензура.

**Key words:** subtext, history, literary genres, censorship.

## Введение

История развития подтекста неразрывно связана с развитием публицистики и журналистики. В России авторы начинают прибегать к выражению имплицитных смыслов в тексте для того, чтобы избежать цензурных нападков и преследований. В разное время, в зависимости от внешней и внутренней политики страны, её социально-экономического устройства менялись и функции подтекста, и способы его выражения. К сожалению, в современной отечественной науке практически отсутствуют комплексные исследования, иллюстрирующие проявления подтекста именно в СМИ. Большинство работ, посвященных исследованию скрытых смыслов, разворачивается вокруг анализа художественно-публицистических текстов, существующих теорий текста или коммуникативных ситуаций на иностранных языках. Например, известны в данной области работы И.В. Арнольд [1974], И.А. Стернина [1979], И.Р. Гальперина [2005], Л.Г. Кайды [2010], Е.И. Лелис [2013], и ряда других исследователей, чьи научные идеи послужили отправной точкой в нашем исследовании. Вместе с тем мы не обнаружили работ, которые рассматривали бы подтекст в ретроспективе как в его печатных формах, так и в аудиовизуальных произведениях. Наше исследование представляет собой попытку компенсировать этот пробел.

Основной задачей данного исследования станет выявление ключевых вех в развитии подтекста, а также способов его проявления. Эмпирическим материалом послужат русскоязычные медиатексты в их печатной и аудиовизуальной форме, а ключевыми методами исследования станут текстологический, историко-функциональный и сравнительно-типологический анализ доступных нам документов.

## Основная часть

Корни развития подтекста уходят в древнерусскую литературу, огромное влияние на развитие которой сыграло крещение Руси. В этот же период постепенно начинает формироваться система литературных жанров. Их можно разделить на «мирские» и «духовные» [Кусков, 2003, с. 5]. Что касается подтекста в это время, то он проявляется с помощью схожих средств, но выполняет разные функции. В «мирской» части впервые имплицитные смыслы начинают проявляться с помощью элементов политической манипуляции, которые необходимы для создания определенного образа в памяти потомков. В «духовной» части подтекст выражается с помощью иносказаний, олицетворений, а также аллегорий, метафор и, конечно, символизма. Вспомним, например, христианские притчи «О сеятеле», «О плевелах», «О злых виноградарях» и другие, а также творения латинских раннехристианских авторов [Прутцков, 2012, с. 248].

Анализ же светских памятников древнерусской литературы показывает, что авторы стремились не только показать аудитории достойный пример жизни, но и воздействовать на нее с помощью подтекста. В качестве примера рассмотрим «Поучение Владимира Мономаха». В данном случае подтекст «скрыт» в назидательном характере повествования и передан с помощью цитат из Священного Писания, а также аллегорий и сравнений: *«Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба»*<sup>1</sup>. Как мы видим, стилистика данного отрывка напоминает нам строчки из писания. В данном случае подтекст выражен с помощью аллегорий «просящий хлеба» – терпящий нужду в чем-то; «Господь поддерживает руку его» – Бог помогает, удача сопутствует и т.д. С помощью подтекста Владимир Мономах дает необходимые знания о жизни потомкам.

Следующим важным этапом в развитии подтекста можно считать начало XVIII века. В России это время ознаменовано появлением частных периодических изданий, которые с помощью иронии и сарказма пытались привлечь внимание соотечествен-

---

<sup>1</sup> Поучение Владимира Мономаха [Электронный ресурс]. URL:[https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir\\_Monomah/pouchenie/](https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Monomah/pouchenie/) (дата обращения 17.11.2019).



ников к экономическим, политическим и культурным проблемам того времени. К примеру, А.Н. Сумароков в журнале «Трудолюбивая пчела»<sup>1</sup> активно использует иносказание и иронию. Так, в тексте «Разговоры мертвых» он с помощью иносказаний обличает множество человеческих пороков: скупость, тщеславие, расточительство. Подтекст здесь актуализируется словосочетаниями «титла привязывается», «пустая титла», «фортуна слепа», которые намекают на ситуацию неравенства.

Следующим этапом развития подтекста становится создание карикатур, яркие примеры которых мы находим в начавшем выходить в 1859 году сатирическом еженедельнике «Искра» [Бережной, 2004]. Например, на одной из картинок был изображен господин, который нес большую связку книг. Встречный прохожий спрашивает его: «Донесете ли вы это?» «Помилуйте, – отвечает тот, – и не это доносил» [Лебедева, 1959, с.16]. Подтекст здесь реализуется не только с помощью картинки, но и через использование многозначности слова «донести».

Не менее важной вехой в развитии подтекста, стали произведения И.А. Крылова, который использовал весь его иронический потенциал. Причем в его произведениях впервые был использован подтекст сразу на двух уровнях – семантическом и композиционном. Вспомним, например, его книгу очерков и фельетонов «Почта духов» (1789 г.)<sup>2</sup>. Подтекст «первого уровня» формируется с помощью олицетворения. Повествование ведется не от лица рассказчика, а как бы от лица «водяных, воздушных и подземных духов». Подтекст «второго уровня» реализуется с помощью некоторых риторических приемов. Например, с помощью противопоставления Крылов показывает свое отношение к «модным щеголям», бездумно копирующим западную моду. Иван Андреевич продолжает здесь линию Фонвизина и Новикова, считая, что нам не стоит копировать западный уклад жизни, каким бы привлекательным он не был. На наш взгляд, «ветер» в данном контексте обозначает модные веяния или тенденции, которые, к сожалению, в «грязи» (то есть в наших, российских реалиях) не приживаются. Также подтекст реализуется через перечисление и гиперболу: автор ставит в один ряд с нечистой «пьяных подъячих» и «злых вельмож», то есть, по сути чиновников, намекает на то, что социальное расслоение в стране существует в катастрофических масштабах и предлагает «протереть глаза» – то есть смотреть на суть проблемы.

В XX веке полемика в СМИ лишь усилилась [Махонина, 2002; Есин, 2003]. Связано это было, прежде всего, с изменениями в государственном строе. С точки зрения развития подтекста заметную роль сыграл в то время Влас Дорошевич с его фельетонами. В его текстах активно используется прием «типизирования» персонажей. Например, вспомним текст «Поэтесса. Рассказ одного критика». С помощью описания лишь некоторых характерных черт предполагаемого действующего лица, Влас Михайлович добивается поистине карикатурного сходства с реальными людьми, встретиться с которыми может любой из нас и по сей день. Причем автор абстрагируется от поступков своих героев, не осуждая и не одобряя их, он просто описывает ситуацию, активно используя подтекст. Итак, ситуация, описанная в «Поэтессе», следующая: некий «г-н Пулеметов» (говорящая фамилия) приходит в газету к условному «литературному критику», кладет ему на стол «книжку г-жи Пулеметовой. В ней 764 стихотворения»<sup>3</sup> с немедленным требованием опубликовать в ближайшем номере газеты отзыв, причем непременно положительно-хвалебного содержания. И дальше по большому счету можно было бы ничего не писать, просто отказав Пулеметову. Но ведь задача Дорошевича в другом: высмеять нравы, показав всех и никого конкретно. Поэтому в тексте появляется набор аргументов, которыми

<sup>1</sup> Сумароков А. Н. Разговоры мертвых [Электронный ресурс]. URL: <http://sumarokov.lit-info.ru/sumarokov/publicistika/public-23.htm> (дата обращения 17.11.2019).

<sup>2</sup> Крылов И.А. Почта духов [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/18vek/krylov/01text/vol1/01prose/001.htm> (дата обращения 17.11.2019).

<sup>3</sup> Дорошевич В. М. Поэтесса [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/82540-poetessa-rasskaz-odnogo-kritika.html> (дата обращения 17.11.2019).

Пулеметов пытается уговорить редактора написать отзыв. Первый аргумент – лесть («*Мы ваши ужасные поклонники. В особенности жена! Прямо влюблена. Утром, знаете, как только проснется, еще в постели, первым делом: «Где он?». Это про вас, а не про что-нибудь другое*»<sup>1</sup> – фраза направлена на то, чтобы подчеркнуть «значимость» литературного критика в жизни семьи – жена влюблена, только о вас и говорит; вторым аргументом явилась фраза «*Я вам скажу, как родному отцу!*»<sup>2</sup> (что должно расположить к себе критика, так как родным людям доверяют все самое ценное, сокровенное, что не расскажут другому); наконец, самый «сильный» аргумент Пулеметов произносит в конце, говоря о том, что «*моя жена беременна и выпустила стихи!*». Казалось бы, достаточно просто поздравить будущего отца и на этом разойтись, но ведь здесь Пулеметов намекает на известный стереотип: у беременных женщин часто меняется настроение. В качестве аргумента Пулеметов использует шантаж, манипулируя словами врача о том, что жене никак нельзя волноваться: «*Доктор говорит: "Малейшее волнение...". А она выпустила стихи. Первый неблагоприятный отзыв – и она сбросит! – Как сбросит? – Младенца сбросит! Не донесет и сбросит! Ради бога! Когда будете писать, имейте это в виду! Она сбросит!*»<sup>3</sup>. То есть чистой манипуляцией, шантажом, игрой со стереотипами Пулеметов фактически заставляет критика написать отзыв. Дорошевич, описывая эту ситуацию, дает понять читателю, что такие «авторы» попадают очень часто, но не понимают главного – важно не количество написанного, а его качество.

После падения царизма власть взяли в руки большевики. Подтекст в то время обогатился за счет политической манипуляции и пропаганды. Писателям и журналистам оставалось либо эмигрировать, либо учитывать интересы и вкусы правящей партии [Исключить всякие упоминания..., 1995]. Но иногда и в столь непростой политической ситуации находились те, кто пытался с помощью подтекста донести до своего читателя определенные мысли, которые наверняка не понравились бы советской цензуре. Примером могут служить тексты Л. Сосновского («Тяжелые дни Волховстроя», «Лед пошел», «Смагин» и др.), которые, с одной стороны, воспевали «человека труда», не желающего сил и времени для общественной пользы, а с другой стороны – показывали всю неприглядную сторону советской бюрократии [Кузнецов, 2003].

Рассмотрим подробнее текст «Смагин». В нем Сосновский пользуется намеком, чтобы передать имплицитный смысл: «*Возьмите городскую промышленность. Вот я, Смагин, чумазый рабочий, изобрел топку для нефтяных паровозов. Моя топка экономнее многих других. Её испытывали специалисты и признали, что она хороша, дает столько-то процентов экономии. А ходу ей нет. Только на одной дороге она пошла. А почему? Надо издать инструкцию для всех дорог*»<sup>4</sup>. Подтекст выражен фразой «*а ходу нет*», нет широкого применения этой идеи. Парадокс: мысль хорошая, все работает, а дальше в широкое производство не идет. Но автор не просто с горечью констатирует этот факт. Он идет дальше, объясняя читателю с помощью подтекста, почему так происходит: «*Вот уже полтора года хожу я по большевикам, пороги обвиваю. Прошу заняться инструкциями. Ребята надо мной смеются. Дурак ты, – говорят, – Смагин. Ну, что ты подметки треплешь. Ты бы часа два поработал в мастерской, починил велосипед, керосинку, швейную машину – вот тебе на пуд хлеба хватит. А ты инструкции у большевиков ищешь. Не будет никаких инструкций для слесарей и мыловаров. Брось ты свои глупости*»<sup>5</sup>. Подтекст выражен через отрицание («не будет никаких инструкций») и сравнение («для слесарей и

<sup>1</sup> Дорошевич В. М. Поэтесса [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/82540-poetessa-rasskaz-odnogo-kritika.html> (дата обращения 17.11.2019).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Сосновский Л. С. Смагин [Электронный ресурс] URL: [http://az.lib.ru/s/sosnowskij\\_1\\_s/text\\_1921\\_smagin.shtml](http://az.lib.ru/s/sosnowskij_1_s/text_1921_smagin.shtml) (дата обращения 17.11.2019).

<sup>5</sup> Там же.

мыловаров»). Это означает, что нет инструкций для людей рабочих профессий, которым, по идее, они нужны больше всех, чтобы наладить качественное производство.

Отдельного внимания заслуживает история подтекста периода Второй мировой войны. Многочисленные очерки, фронтовые заметки, плакаты и лозунги – везде можно было встретить пропаганду, выраженную через «двойные» смыслы [Brooks, J. 1985]. Особенно сильно подтекст обогатился за счет плакатов и листовок, которые часто использовали как союзники нашей страны, так и противники.

На протяжении Великой Отечественной войны агитация и пропаганда играли значительную роль [Kenez, P. 1985]. Подтекст в этом процессе был первейшим способом воздействия на массы. Предлагаем обратить внимание на творчество Кукрыниксов – коллектив художников-графиков и живописцев. Интересно выражение подтекста через использование «зоообразов». Данный прием был весьма частотным. Так, Кукрыниксы стремились подчеркнуть бесчеловечный характер фашистов. Рассмотрим конкретные примеры. В карикатуре, созданной художниками в 1941 году, мы видим Адольфа Гитлера, обгладывающего кость, и его союзников в образах собак у «хозяйского стола», готовых в любой момент эту кость проглотить – Бенито Муссолини, Миклоша Хорти, Йозефа Тисо, Йона Антонеску<sup>1</sup>. Все эти люди слушались команды немецкого вождя, как преданные собаки, не задумываясь о последствиях. Появление кости в данном контексте тоже кажется нам неслучайным – это намек на жертв войны и концлагерей, погибших от рук вышеназванных лиц.

Наконец, становление отечественного телевидения прошло в своем развитии три этапа. Обратимся к периодизации, предложенной В. Кацевым в книге «История отечественной журналистики»: первый этап (1907–1957 гг.), второй этап (1957–1970 гг.), третий этап (1970–1985) [Кацев, 2004]. Конечно, данная периодизация весьма условна, но все же позволяет вычленить некоторые вехи в истории развития подтекста на телеэкране. Остановим свое внимание на втором и третьем этапе как наиболее продуктивном с точки зрения создания готового информационного продукта. Как подтекст выражал себя в условиях тотальной цензуры? Вообще, возможен ли он был?

Давайте проанализируем некоторые популярные программы с точки зрения выражения в них имплицитного смысла. Из истории мы знаем, что в Советском Союзе едва ли не на всех этапах его существования царила жесткая цензура [Gorham, 2003]. Однако даже на советском телевидении мы можем найти примеры, когда журналистам удавалось обходить жесткие цензурные рамки именно с помощью подтекста. Например, при анализе выпусков музыкально-юмористических передач (таких как «Кабачок "13 стульев"», «Вокруг смеха», «Утренняя почта»), которые выходили в период с 1966 по 1991 годы, мы обратили внимание на то, что во всех трех вышеназванных программах практически отсутствуют какие-либо остросоциальные и политические темы. Казалось бы, где ещё можно в завуалированной, «легкой» форме сказать всё, что думаешь о советской власти и ситуации в стране? Но в этих программах присутствуют довольно безобидные шутки только о каких-то общих темах: о семье, погоде, самих ведущих и так далее. На современном молодежном сленге такие шутки называются «подколами». Вот, например, в одном из выпусков «Кабачка» актеры произносят такие реплики: «– Вы что, с Луны свалились? – Нет, я из дома»<sup>2</sup> и так далее.

<sup>1</sup> Гитлер и кость. URL: <http://kotindom.ru/art/11-kukryniksy-voennye-plakatyvelikoy-otechestvennoy-voyny.html> (дата обращения 17.11.2019).

<sup>2</sup> Кабачок 13 стульев. URL: <https://yandex.ru/video/preview?filmId=1142660772014622217&text=кабачок%2013%20стульев%20вы%20с%20луны%20свалились&from=tabbar&parent-reqid=1574019933989543849895127817416282300129-man1-3576> (дата обращения 17.11.2019).

Совершенно иначе складывалась ситуация в новостных и аналитических передачах [Remington, 1981]. Например, выпуски программы «Международная панорама», выходящей с 1969 по 1991 гг. на ЦТ Гостелерадио СССР. Здесь уже подтекст выражен более ярко по ряду причин. Во-первых, программа носит политический характер. Во-вторых, программа строится на контрасте социалистического СССР и остального мира, где с помощью создания определенного подтекста авторам удается умело манипулировать общественным мнением. Примером может служить выпуск под названием «Информационное невежество американцев». Программа начинается с того, что ведущий Леонид Липовецкий пытается опровергнуть слова знаменитой американской журналистки Барбары Уолтерс о том, что американцы – самая информированная нация: «В Нью-Йорке, например, передачи идут уже круглые сутки, а по вечерам работают не менее 20 каналов»<sup>1</sup>. Затем ведущий задает студентам колледжа ряд общих вопросов, связанных с СССР, и американские подростки с трудом могут сразу правильно ответить. «Так в действительности обстоят дела с "информированностью" американской публики»<sup>2</sup>, – ехидно произносит журналист за кадром. И сами вопросы, и тон ведущего, и подводка к синхронам американских студентов – всё говорит нам о глубоком предубеждении журналиста в отношении опрошенных им респондентов. Впрочем, почти каждый выпуск программы посвящен неприкрытой пропаганде хорошей жизни в Советском Союзе. Авторы программы с помощью разных манипуляций с экранном изображением и текстом создают определенную картину действительности [Rogers, 1971].

Исследуя современное состояние подтекста на российском телевидении, можно сделать вывод о том, что он присутствует в различных телепередачах, а характер его представленности зависит, прежде всего, от жанра конкретной телепрограммы и имиджа телеведущего [Шестерина, 2019]. Последнее отличает его от подтекста печатных медиа, поскольку имидж включает существенный спектр невербальных средств. Следовательно, и подтекст в телепередачах, как правило, выражается с помощью сочетания вербальных и невербальных компонентов. Подобная «двойственность» обусловлена самой природой аудиовизуальных СМИ. Как отмечает доктор филологических наук, профессор А.М. Шестерина, аудиовизуальную информацию можно разделить на две большие категории – аудиальные и визуальные субмодальности [Шестерина, 2011, с. 86]. Аудиальные позволяют воспринимать слова и звуки, громкость, тон (резкий или мягкий), длительность, непрерывность или прерывность, темп (быстрее или медленнее обычного). К визуальным относят цветность изображения, местоположение в кадре, яркость и контрастность, подвижность, размер. Что касается вербальных аудиальных форм выражения подтекста, то, как отмечает исследователь Н.С. Валгина, «в системе категорий лингвистических фрагментов текст есть функционально, содержательно и структурно завершенное речевое единство, скрепленное авторской модальностью. Любой текст – разнофункциональный и разномодальный – это прежде всего совокупность предложений-высказываний, которые, группируясь на основе смысловых и структурных (межфразовых) связей, объединяются в единицы текста – межфразовые единства, компоненты или фрагменты текста, наконец, целое речевое произведение» [Валгина, 2004 с. 27].

Множество разнообразных форм и функций подтекста мы нашли, проанализировав ток-шоу («Время покажет», «60 минут»), юмористические передачи («Вечерний Ургант», «Comedy Club» и др.), трэвел-шоу («Орел и Решка») и различные художественные фильмы и сериалы. Меньше всего подтекста мы обнаружили в информационных («Время», «Итоги» и др.) и познавательных («Открытая наука», «Игра в бисер» и др.). Например, большое значение в психологическом проявлении подтекста имеет несовпадение «картинки» и звука. Этим способом выражения подтекста часто пользуются в новостных выпус-

<sup>1</sup> Международная панорама. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JkJYco0Bmzo> (дата обращения 17.11.2019).

<sup>2</sup> Там же.

ках. В одном из эфиров итогового выпуска телепрограммы «Вести»<sup>1</sup> во время обсуждения цен на российский газ для турецких коллег Владимир Путин говорит о том, что цены на российский газ устанавливает не Газпром, а мировое сообщество. В этот же момент камера как бы невзначай выхватывает сидящего в зале турецкого дипломата, который демонстративно смеется во время этих слов.

На вербальном уровне подтекст может быть выражен с помощью иносказаний, актуализации энциклопедических сведений, актуализации стереотипов, использования в одной коммуникативной ситуации разных значений одного и того же слова и т.д. [Стернин, 2011]. Особенно эти приемы частотны в юмористических шоу и молодежных телепрограммах. Например, в одном из выпусков «Вечернего Урганта» ведущий говорит: «*Пример Лолиты показывает: не все Дуремары приносят пиявки, которые действительно помогают*»<sup>2</sup>. Алчные врачи не помогают. Дуремар – известный персонаж из сказки Алексея Толстого «Буратино». Это шарлатан, алчный человек, который утверждал, что пиявки могут вылечить от всех болезней, и старался на них обогатиться. В данном случае ведущий намекает на целую сеть неквалифицированных врачей, разных шарлатанов, которые вместо адекватного лечения предложат «пиявки», то есть какую-то ерунду. Скрытый смысл актуализируется фразой «не все Дуремары приносят пиявки, которые действительно помогают», в которой слово «Дуремары» выступает символическим обозначением врачей-шарлатанов. Или, например, рассмотрим реалити-шоу «Орел и решка». В нем ведущие активно используют первичный уровень подтекста – семантический. С его помощью ведущие и достигают необходимого «комического» эффекта своих сообщений [Пропп, 1976].

Рассмотрим приемы, с помощью которых ведущие актуализируют подтекст, в выпуске «Лондон. Перегрузка. Ru»<sup>3</sup>.

Девушка одета в светлые джинсы и футболку с глубоким декольте.

– *Настенька, ты времени даром не теряешь. Абрамович развелся, а ты тут как тут со своим декольте.*

– *Антон, ну мне же нужно как-то устраивать свое будущее.*

В данном случае подтекст реализуется с помощью намека на бурную личную жизнь российского бизнесмена Романа Абрамовича, который, как известно, имеет свою недвижимость в Лондоне. Сарказм актуализируется намеком на путь в «хорошую жизнь», то есть брак с успешным мужчиной, благодаря чему можно жить в одном из самых дорогих городов мира ни в чем не нуждаясь.

### Заключение

В нашем исследовании мы впервые в отечественной науке проанализировали основные вехи становления и развития довольно сложного, но крайне важного в медиасфере явления – подтекста, выявили ключевые этапы его становления, наиболее частые приемы выражения и создаваемые эффекты.

Мы рассмотрели основные вехи развития подтекста в России в ретроспективе. Конечно, мы не заострили внимание на многих знаковых текстах русской литературы, лишь попытались обобщить наиболее яркие тексты классиков русской литературы и журналистики, чтобы понять, как развивался подтекст от первых рукописных памятников до теле-

<sup>1</sup> Вести. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/817437/cid/1/> (дата обращения 17.11.2019).

<sup>2</sup> Вечерний Ургант. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/lolita-i-mot-vecherniy-urgant-1107-vypusk-ot-05-04-2019> (дата обращения 17.11.2019).

<sup>3</sup> Орел и Решка. Лондон. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=193&clid=9403&oprnd=5133993075&text=орёл%20и%20решка%20лондон%20перегрузка#/videowiz?filmId=17435603766954557453> (дата обращения 17.11.2019).

видения. Нам удалось установить, что вначале подтекстом пользовались иносказательно с помощью риторических приемов. Затем, с развитием книгопечатания и выпуском первых частных газет в России, подтекст стал проявлять себя уже через олицетворение, сравнение, иронию и сатиру.

Примерно в это же время на службу журналистам и писателям приходят попытки создать определенный образ с помощью невербальной коммуникации. Так постепенно слово дополняет картинка – карикатура, шарж. Приход к власти большевиков и установление тотальной цензуры привел к тому, что авторы начали возвращаться к риторическим приемам, активно используя олицетворение для передачи имплицитного смысла. Период Великой Отечественной войны вновь возвращает нас к силе визуального искусства, особенно когда дело касается военных плакатов. Здесь подтекст мощно заявляет о себе как об инструменте политической манипуляции и пропаганды.

Наконец, на советском телевидении подтекст также проходит несколько этапов в своем становлении и развитии – от полного неприятия до использования в программах определенных жанров. Современное состояние подтекста свидетельствует о том, что он часто используется на современном отечественном телевидении. Правда, его существование обусловлено конкретным форматом программы, жанром, манерой поведения телеведущих. Наиболее часто подтекст проявляется в юмористических и реалити-шоу, меньше всего имплицитных смыслов в новостных выпусках и научно-познавательных программах.

В целом, можно констатировать тот факт, что в разное время, в зависимости от внешней и внутренней политики нашей страны, её социально-экономического устройства менялись и функции подтекста, и способы его выражения.

### Список литературы

1. Арнольд И.В. 1974. Стилистика декодирования. Л., ЛГПИ: 76 с.
2. Бережной А.Ф. 2004. Сатирическая журналистика. СПб., Лаборатория оперативной печати ф-та журналистики СПбГУ, 39 с.
3. Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века. 2007. Сост. Г.В. Прутцков. М., Аспект Пресс, 427 с.
4. Валгина Н.С. 2004. Теория текста. М., Логос, 280 с.
5. Гальперин И.Р. 2005. Текст как объект лингвистического исследования. М., Едиториал УРСС, 137с.
6. Есин Б.И. 2003. История русской журналистики XIX века. М., Аспект Пресс, 288 с.
7. Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры. 1995. Сост. Т.М. Горячева. Мн., «Старый Свет-принт», 334 с.
8. Кайда Л. Г. 2010. Композиционная поэтика текста. М., Флинта, Наука, 400 с.
9. Кацев И.Г. 2004. История российского телевидения, 1907–2000. М., РГГУ, 255 с.
10. Кузнецов И.В. 2003. История отечественной журналистики (1917–2000). М., Флинта, Наука, 640 с.
11. Кусков В.В. 2003. История древнерусской литературы. М., Высшая школа, 336 с.
12. Лебедева Г.М. 1959. Сатирический журнал «Искра» – орган передовой демократической печати 1859–1873. М., Советская Россия, 84 с.
13. Лелис Е.И. 2013. Подтекст как лингвоэстетическая категория в прозе А. П. Чехова. Ижевск, Удмуртский университет, 424 с.
14. Махонина С.Я. 2002. История русской журналистики начала XX века. М., Наука, 240 с.
15. Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа. 2018. Под общ. ред. А.М. Шестериной. Воронеж, Кварта, 254 с.
16. Пропп В.Я. 1976. Проблемы комизма и смеха. М., Искусство, 183 с.
17. Стернин И. А. 1979. Проблемы анализа структур значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 122 с.

18. Brooks J. 1985. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917* (Princeton UP, 1985). Available at: <https://archive.org/details/whenrussialearne00broo> (accessed: 17.11.2019).
19. Remington T. *The mass media and public communication in the USSR*. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.2307/2130638> (accessed: 17.11.2019).
20. Gorham M.S. 2003. *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. Available at: <https://archive.org/details/speakinginsoviet0000gorh> (accessed: 17.11.2019).
21. Kenez P. 1985. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929* (Cambridge UP, 1985). Available at: <https://archive.org/details/TheBirthOfThePropagandaStateSovietMethodsOfMassMobilization19171929/page/n2> (accessed: 17.11.2019).
22. Rogers R. 1971. *The Soviet mass media in the sixties: Patterns of access and consumption*. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/finding-a-home-for-television-in-the-ussr19501970/1ABF26C5E5DC747BA7E5E3116223ED82> (accessed: 17.11.2019).

### References

1. Arnold IV. 1974. *The style of decoding*. L., Leningrad State Pedagogical Institute: 76 p.
2. Berezhnoy A.F. 2004. *Satiricheskaja zhurnalistika [Satirical journalism]*. SPb., Operational press laboratory of the journalism faculty of St. Petersburg State University, 39 p.
3. *Vvedenie v mirovuyu zhurnalistiku. Ot Antichnosti do konca XVIII veka [Introduction to world journalism. From Antiquity to the End of the 18th Century]*. 2007. Comp. G.V. Prutskov. M., Aspect Press, 427 p.
4. Valgina N.S. 2004. *Teoriya teksta [Text Theory]*. M., Logos, 280 p.
5. Halperin I.R. 2005. *Text as an object of linguistic research*. M., URSS editorial, 137 p.
6. Yesin B.I. 2003. *Istoriya russkoj zhurnalistiki XIX veka [The history of Russian journalism of the 19th century]*. M., Aspect Press, 288 p.
7. *Iskljuchit' vsjakie upominanija...: Ocherki istorii sovetskoj cenzury [To exclude all references ...: Essays on the history of Soviet censorship]*. 1995. Comp. T.M. Goryacheva. Mn., «Staryj Svet-print», 334 p.
8. Kaida L.G. 2010. *Compositional poetics of the text*. M., Flint: Science, 400 p.
9. Katsev I.G. 2004. *Istoriya rossijskogo televidenija, 1907–2000 [History of Russian television, 1907-2000]*. M., RGGU, 255 p.
10. Kuznetsov I.V. 2003. *Istoriya otechestvennoj zhurnalistiki (1917–2000) [History of Russian journalism (1917-2000)]*. M., Flinta: Nauka, 640 p.
11. Kuskov V.V. 2003. *Istoriya drevnerusskoj literatury [History of Old Russian Literature]*. M.: Vysshaya shkola, 336 p.
12. Lebedeva G.M. 1959. *Satiricheskij zhurnal «Iskra» – organ peredovoy demokraticeskoy pečati 1859–1873 [The satirical magazine Iskra. The body of the advanced democratic press 1859–1873]*. M., Sovetskaya Rossiya, 84 p.
13. Lelis E.I. 2013. *Subtext as a linguo-aesthetic category in A.P. Chekhov's prose*. Izhevsk: Udmurt University, 424 p.
14. Makhonina S.Ya. 2002. *Istoriya russkoj zhurnalistiki nachala XX veka [History of Russian journalism at the beginning of the 20th century]*. M., Nauka, 240 p.
15. *Features of the functioning of modern audiovisual media*. 2018. Ed. A.M. Shesterina. Voronezh: Quart, 254 p.
16. Propp V.Ya. 1976. *Problemy komizma i smekha [Problems of comism and laughter]*. M., Iskustvo, 183 p.
17. Sternin I. A. 1979. *Problems of analyzing the structure of the word meaning*. Voronezh: publishing house of Voronezh state University, 122 p.



18. Brooks J. 1985. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917* (Princeton UP, 1985). Available at: <https://archive.org/details/whenrussialearne00broo> (accessed: 17.11.2019).

19. Remington T. The mass media and public communication in the USSR. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.2307/2130638> (accessed: 17.11.2019).

20. Gorham M.S. 2003. *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. Available at: <https://archive.org/details/speakinginsoviet0000gorh> (accessed: 17.11.2019).

21. Kenez P. 1985. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929* (Cambridge UP, 1985). Available at: <https://archive.org/details/TheBirthOfThePropagandaStateSovietMethodsOfMassMobilization19171929/page/n2> (accessed: 17.11.2019).

22. Rogers R. 1971. The Soviet mass media in the sixties: Patterns of access and consumption. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/slavic-review/article/finding-a-home-for-television-in-the-ussr19501970/1ABF26C5E5DC747BA7E5E3116223ED82> (accessed: 17.11.2019).

### **Ссылка для цитирования статьи For citation**

Литовская А.С. 2020. Ретроспектива развития подтекста в России. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 39 (1): 15–24. DOI 320: 63548: 9/2; 62/4242/5; /3/37/46"

Litovskaya A.S. 2020. Retrospective of subtext development in Russia. *Issues in Journalism, Education, Linguistics..* 39 (1): 15–24. (in Russian). DOI 320: 63548: 9/2; 62/4242/5; /3/37/46"



УДК 316.77

DOI'32В: 635148: 9/2; 62/4242/5; /3/47/57'''

**ДЕИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ СООБЩЕНИЙ В БЛОГОСФЕРЕ****DEINDIVIDUALIZATION OF MESSAGES IN THE BLOGOSPHERE****И.В. Привалова****I.V. Privalova**

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского,  
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112

Saratov State Medical University,  
112 Bolshaya Kazachya St, Saratov, 410012, Russia

E-mail: ivprivalova@mail.ru

**Аннотация**

Электронная коммуникация стала ведущим способом передачи информации в XXI веке. Однако специфика данного вида коммуникации ещё не всесторонне изучена. Одной из характерных особенностей электронной коммуникации является потеря персонифицированных характеристик отправляемых сообщений, которую мы предлагаем терминологизировать как «деиндивидуализация», которая понимается автором как модель коммуникативного поведения с особыми принципами презентации сообщений и участия в обмене информацией. Проведенный анализ электронного контента позволил выявить две основные тенденции «массовизации» коммуникативного поведения в блогосфере. Первый тип – деиндивидуализация обобщающего характера, второй тип – исходящая от конкретного адресанта деиндивидуализация, которая существует в двух формах – частичной и полной. Сделан вывод о стирании границ между публичной и личной сферами в цифровом информационном пространстве, и о том, что большинство новостных рейтинговых сообщений де-персонифицированы. Впервые психологический феномен «деиндивидуализации», описанный Г. Лебоном, применяется при рассмотрении особенностей современных коммуникативных процессов. Предлагаемый подход является научным вкладом в теорию массовой коммуникации.

**Abstract**

Electronic communication has become the leading means of transmitting information in the 21st century. However, the specificity of this type of communication has not yet been comprehensively studied. One of the characteristic features of electronic communication is the loss of personalized characteristics of forwarded messages, what is proposed to be termed as “deindividualization”. In this paper, deindividualization is understood as a model of communicative behavior with special principles of presenting messages and participating in the exchange of information. The electronic content has been analyzed with the help of descriptive and introspective methods and two main trends of the “mass character” of communicative behavior in the blogosphere have been discovered. The first type is deindividualization of a general nature and the second type is de-individualization of a particular addressee that exists in partial and complete forms. It has been concluded that the boundaries between public and personal spheres in digital information space are blurred and most news rating messages are de-personalized. The novelty of the presented research is in the fact that for the first time the psychological phenomenon of “deindividualization” (which has been introduced by G. Le Bon) is applied when considering the features of modern communication processes. The proposed approach is thought to be a scientific contribution to the theory of mass communication.

**Ключевые слова:** деиндивидуализация, блогосфера, электронный контент, личная и публичная сфера.

**Keywords:** de-individualization, blogosphere, electronic content, personal and public sphere.

## Введение

Термины «деиндивидуализация» и «блогосфера» имеют широкое применение в разных отраслях научного знания. «Деиндивидуализация» обозначает феномен нивелирования собственного сознания, собственного «Я», и привлекает внимание, в первую очередь, психологов, рассматривающих различные аспекты личностных проявлений. Блогосфера, как совокупность электронных текстов и записей, представляет собой «всеобщее» цифровое общение и анализируется специалистами в области коммуникации. «Деиндивидуализация» и «блогосфера» являются трансдисциплинарными понятиями, исследование которых невозможно ограничить рамками одной отрасли знания, поэтому изучение указанных явлений происходит с использованием различных подходов и с учетом данных всех гуманитарных дисциплин.

Социальная природа феноменов деиндивидуализации и блогосферы очевидна: психолог Гюстав Лебон [2016] предвещает наступление эпохи, в которой «массовость» станет особенностью человеческого поведения, а философ Юрген Хабермас [2002] отметил такую тенденцию в эволюции социума, как «массовый» характер человеческого общения. Именно Ю. Хабермас ввел понятие «публичная сфера», которое впоследствии стало базовым при исследовании блогосферы [Habermas, 1991; Хабермас, 2013].

Под деиндивидуализацией личности Г. Лебон понимал специфику поведения человека в большой социальной группе. Он указывал, что в коллективе у индивида могут проявляться несвойственные ему качества: стремление к анонимности, «синхронизация» своих действий с действиями других членов общества [Лебон, 2016, с. 120]. Причастность к социальной группе предполагает соответствие ее интересам, принципам, установкам. Социальные установки начинают превалировать над личными установками индивида, которые происходят «...из образа и стиля жизни, мировоззрения, социальной среды, общекультурной подготовки» [Привалова, 1995, с. 6]. В психологии используется термин «моб-эффект» (mob – англ. толпа), когда описывается влияние нахождения в социальной группе на поведение индивида. Деиндивидуализация и эмоциональное подчинение группе происходит под воздействием моб-эффекта, проявляющегося как в реальной жизни, так и в процессе виртуального общения. Ранее мы отмечали [Привалова, 2016], что участники электронной коммуникации испытывают моб-эффект, поскольку электронная информация образна, алогична, хаотична и эмоциональна. Импакт образов электронной информации выше, чем импакт образов печатной информации, поэтому участники виртуального общения в соцсетях не всегда адекватно оценивают полученные сообщения, с готовностью откликаются на призывы других пользователей. «Моб-эффект характеризуется спонтанностью и неосознанностью при выполнении действия. Исполнитель теряет индивидуализированные характеристики, критичность, де-персонифицируется и склонен к совершению алогичных, а порой и просто абсурдных поступков» [Привалова, 2016, с. 47].

Современная блогосфера представляет собой совокупность социальных сетей, которую можно квалифицировать как совокупность социальных групп, осуществляющих единый вид деятельности, а именно, виртуальное общение. Все участники социальной сети поддерживают определенный стиль коммуникативного поведения и доверяют внутри-сетевой информации больше, чем другим источникам. *В данной работе деиндивидуализация понимается как модель коммуникативного поведения, которая предусматривает особые принципы презентации сообщений и участия в обмене информацией.*

### **Трансдисциплинарный подход в изучении современной коммуникативной реальности: теоретический анализ и постановка проблемы**

Изучение блогосферы базируется на выделении двух дихотомий: «публичная сфера vs частная сфера» (по Ю. Хабермасу) и «индивидуальное vs массовое». Полагаем, что соотношение составляющих этих дихотомий претерпевает изменение в зависимости от условий социальной среды. Согласно Ю. Хабермасу, устные обсуждения политических

проблем небольшим кругом заинтересованных лиц и обмен «новостными письмами» (news letters) были первым этапом в развитии публичной сферы. На этом этапе индивидуальное и частное превалировало над публичным и массовым. Распространение печатных изданий и развитие публицистики разграничили сферу приватного и публичного выступлений: «...private correspondence contained detailed and current news...only a trickle of this stream of reports passed through the filter of these "news letters" into printed journals»<sup>1</sup> [Habermas, 1991, p. 20]. Многолетнее функционирование традиционных масс медиа (пресса, радио, телевидение) узаконило размежевание между публичным и личным, а также индивидуальным и массовым. Но с оформлением самогенерируемого контента (user-generated content) и блогов возникала необходимость пересмотреть соотношение в дихотомиях: «публичная сфера vs частная сфера» и «индивидуальное vs массовое».

В связи с появившимися в XXI веке техническими новшествами исследователи заявляют о рождении «...новой "публичной сферы", формирующейся в интернет-дискурсе» [Казаков, 2013, с. 126]. Полагаем, что нельзя ставить знак равенства между публичной сферой и блогосферой. Так, И.Н. Шамаев справедливо отмечает два момента, из-за которых блогосфера не может быть приравнена к традиционной публичной сфере, а именно: содержание большого объема непубличной информации и попытки государства контролировать электронную информацию [Шамаев, 2014]. Действительно, в социальных сетях находится контент, где представлены сцены жестокости, унижения человеческого достоинства сексуального и корпорального (телесного, физического) характера. Кроме того, содержится много фейковых или несоответствующих действительности метаданных. Государство вырабатывает инструменты контроля за блогосферой, среди которых особое место занимают законодательные акты. Юридические предписания, регламентирующие деятельность интернет-пространства, затрагивают и коммуникативное поведение пользователей соцсетей – предусматриваются реальные сроки наказания за лайки и репосты в Интернете сообщений, содержащих опасную, экстремистскую информацию. Возможности цифрового пространства и его социальная значимость очень велики, что объясняет необходимость государственного контроля, однако принимаемые законы приводят к тому, что «...индексы свободы Интернета, ежемесячно публикуемые некоммерческой организацией "Общество защиты интернета" (ОЗИ), продолжают демонстрировать систематическое падение» [Тигранян, 2018, с. 90].

На наш взгляд, в настоящее время точнее было бы говорить не о новой публичной сфере, а о ее уникальной разновидности – блогосфере или сетевой публичной сфере. Сетевая публичная сфера существует как результат прогресса новейших цифровых технологий и действия глобализационных тенденций, которые проявляются, в том числе, и в стирании «...национальных границ между контентом в Интернете» [Качесова, Мартихина, 2018, с. 30]. Наряду с этим значительный сегмент сетевой публичной сферы инкорпорирован в традиционные массмедиа, так как современные печатные издания и телевизионные каналы активно используют достижения системы Веб 2.0. Некоторые газеты, журналы и ТВ каналов (например, Russia Today и 5-tv), помимо электронных вариантов, представляют свою информацию на платформах Фейсбук, в видеохостингах и телеграмм-каналах. В связи с этим возникает необходимость пересмотреть соотношение компонентов в дихотомиях: «публичная сфера vs частная сфера» и «индивидуальное vs массовое».

Понятия деиндивидуализации, публичного и личного находятся в тесных онтологических отношениях. Ю. Хабермас предлагает свое видение этих явлений как «индивидуальность» и «личная идентичность». Личная идентичность формируется во взаимодействии человека с другими людьми. Формирование моральных принципов (или «достоинств жизни» в терминологии Ю. Хабермаса) происходит только при соблюдении

---

<sup>1</sup> «Много актуальных новостей подробно обсуждалось в частной переписке, но только незначительная часть этой информации проходила "фильтр приватной корреспонденции" и отражалась в печатных изданиях – газетах и журналах» (перевод здесь и далее автора – И.В. Приваловой).

«...морально-обязывающего и взаимного нормативно конформного поведения» [Хабермас, 2002, с. 44]. Нельзя не согласиться с высказыванием о том, что «индивидуальное Я возникает на социальном пути» [Хабермас, 2002, с. 45], однако, как показывает современная действительность, при взаимодействии Я с социальным окружением достаточно часто происходит нивелирование Я, утрата личностных характеристик и самостоятельности мышления.

Изучение деиндивидуализации сообщений интересно рассмотреть сквозь призму рассуждений Ю. Хабермаса об эволюции человеческой природы. Размышляя о смысле морализации человеческой природы, Ю. Хабермас утверждает, что общественная модернизация упразднила патриархальность и традиционность, что «...можно понимать как когнитивную адаптацию к объективным условиям жизни» [Хабермас, 2002, с. 36]. Ю. Хабермас приводит пример с появлением новых репродуктивных технологий, при которых была нарушена традиционность процесса рождения живых существ. Тогда, проводя аналогию с этой сентенцией, можно констатировать, что возникновение блогов разрушило «традиционность» процесса передачи информации.

В монографии Ю. Хабермаса «The Structural Transformation of the Public Sphere» [Habermas, 1991] представлен анализ социально-структурных преобразований в публичной сфере (примечательно, что русскоязычный перевод озаглавлен как «Социоструктурная трансформация публичной сферы» [Хабермас, 2013, с. 226]). Указывается на различное содержание термина «публичная сфера» в зависимости от условия осуществления коммуникации. Применяя терминологию современной лингвистики, можно говорить о том, что в различных видах дискурса линия демаркации между личным и публичным проводится по-разному. Ю. Хабермас, сопоставляя сферу политики и сферу литературного мира, приводит пример стирания границ: «The process in which the state-governed public sphere was appropriated by the public of private people making use for their reason and was established as a sphere of criticism of public authority was one of functionally converting the public sphere in the world of letters already equipped with institutions of the public and with forums for discussion»<sup>1</sup> [Habermas, 1991, с. 51]. Но для нас особенно важно то, что в вышеуказанной работе впервые было отмечено, что блогосфера является примером упразднения рубежей между частным и публичным пространствами: «the tendency toward a mutual infiltration of public and private spheres»<sup>2</sup> [Habermas, 1991, с. 141]. Таким образом, перемены, которые произошли в социальной среде и в сфере коммуникации, сделали возможным деиндивидуализацию источника информации, появляющейся в массмедиа.

Вне социума человеческая индивидуальность остается неоцененной, и только в сравнении с другими можно понять ее уникальность. Необходима шкала оценки, а социальная среда, как объединение деятельности и взглядов множества индивидуальностей, задает параметры на этой шкале. Осуществляя совместную деятельность с другими членами социума, человек осваивает национально-культурные ценности определенного общества, «...которые выполняют определенные функции в механизмах жизни человека: координирующую, стимулирующую, регулирующую и др.» [Привалова, 2002, с. 6].

С другой стороны, инкорпорирование индивидуума в коллектив может привести к потере отличительных свойств и характеристик. Аналогично, нельзя определить оригинальность и достоинство текстов, созданных для личного пользования. Но когда эти тексты предъявляются получателям в информационном пространстве, тогда и становится возможным квалифицировать их оригинальность и индивидуализированные свойства. Возникновение платформ, размещающих пользовательский контент (user-generated

---

<sup>1</sup> «Процесс, при котором государственная публичная сфера стала использоваться группой лиц по своему усмотрению для критики публичной власти, заключался во взаимобратном функциональном преобразовании публичной сферы в сферу частной корреспонденции, которая уже обладала сформированными общественными институтами и форумами для обсуждения».

<sup>2</sup> «тенденция к взаимопроникновению публичной и частной сфер»

content), позволяет оценивать его содержимое и создателям сообщения, и получателям. С появлением новых платформ Веб 2.0 модель передачи сообщений приобрела интерактивный характер. Информация распространяется не только от условного отправителя к условному получателю, но также и в обратном направлении, то есть передача сообщений идет по взаимно-направленным каналам. «Информация распространяется циркулирующими потоками и охватывает невиданное число получателей, которые сами принимают участие в её создании. В случае с коммуникацией на платформах Веб 2.0 и Веб 3.0 отправитель является получателем информации, которую он сам же и создает. Тогда от трёхчленной модели традиционной коммуникации (Отправитель – Сообщение – Получатель), которая применима и к до-компьютерной эпохе, и к коммуникации в Веб 1.0, мы переходим к двухчленной модели, в которой совмещены функции отправителя и получателя информации» [Привалова, 2016, с. 28]. Таким образом, можно говорить об изменениях схем и каналов поступления информации в условиях новой коммуникативной реальности.

В современной интерактивной двухэтапной модели транслирования информации отправляемый контент формируется из нескольких источников. Представим описание наиболее популярных из них. Первый источник – это сообщения в официальных СМИ, на новостных сайтах и в социальных сетях, которые нельзя считать безадресными. Однако большую часть этих сообщения можно квалифицировать как деиндивидуализированные, поскольку в них представлен ским-контент из различных ресурсов. Вторым источником является индивидуальный пользовательский контент, который, благодаря возможностям платформ Веб 2.0 и Веб 3.0, размещается в электронной среде анонимными пользователями. Этот вид информации «де-юре» де-индивидуализирован вследствие отсутствия задекларированного авторства, и именно анонимный пользовательский контент образует в большинстве своем современную дигитальную блогосферу.

### **Основные принципы деиндивидуализации сообщений: обсуждение полученных результатов**

Учитывая характер вышеуказанных источников информации, рассмотрим основные случаи, когда «блогосферизация» авторского сообщения может привести к деиндивидуализации и утрате оригинальности. В качестве основных методов для данного исследования применялись интроспективный и описательный методы, а материалом для изучения послужил электронный контент и способы его передачи. Выводы об интерактивном характере современной коммуникативной модели были сделаны на основе данных о специфике современных веб-сайтов и платформ и о способах обмена сообщениями на различных форумах и в социальных сетях.

Отмечены две основные тенденции «массовизации» коммуникативного поведения и деиндивидуализации личных сообщений в блогосфере:

1. *Деиндивидуализация обобщающего характера.* Сообщения, появляющиеся на официальных электронных порталах (например, *yandex.ru*, *mail.ru*), представляют собой новостные резюме, а источник информации обозначается как «СМИ»: «СМИ: США готовят новый пакет санкций против Ирана» (URL: <https://eadaaily.com/ru/news/>); «СМИ: США готовят антимонопольное расследование против IT-гигантов» (URL: <https://www.bfm.ru/news/415877>); «СМИ: Агент Шюррле предлагал игрока «Краснодару», но клуб отказался» (URL: <https://matchtv.ru/football/matchtvnews>) и т.д. Помимо того, новостное резюме оформляется по схожей модели с генерализированным указанием на источник под названием «Соцсети»: «Соцсети: жители Оренбурга возмущены эвакуацией в МОЛЛ «АРМАДА»» (URL: <https://56orb.ru/news/incident/04-09-2019/>). Интересно, что все чаще новостные телевизионные программы включают в свои трансляции рубрику «По сообщениям пользователей соцсетей» (ГТРК «Вести-Саратов»). В этой рубрике дается обзор наиболее обсуждаемых

событий, таких как провал асфальтового покрытия, реконструкция кинотеатра, проблемы с вывозом мусора и др. («Обзор соцсетей: что сегодня волнует жителей региона», URL: <https://gtrk-saratov.ru/obzor-sotssetej-cto-segodnya-volnuet-zhitelej-regiona-22/>).

Все большее распространение получают случаи, когда языковая единица «соцсеть», обозначающая используемую для общения платформу, персонифицируется, т.е. происходит олицетворение неодушевленного объекта. При этом наблюдается метонимическое замещение словосочетания «пользователи соцсетей» на «соцсеть». Соцсеть, подобно живому человеку, может испытывать достаточно широкий спектр эмоций – переживать, волноваться, негодовать, восхищаться и т.д. Например: «Страна нищевродов»: *соцсети возмущены тем, как приморцы поступили с пострадавшим в ДТП* (URL: <https://primpress.ru/article/43506>); «Соцсети негодуют: Reebok призвал российских женщин «пересечь на мужское лицо» (URL: <https://fashionunited.ru/novostee/reetyeil/>); «Соцсети восхищены благородным поступком китайского водителя» (URL: <https://www.5-tv.ru/news/154506/>). Как видно из примеров, соцсеть берет на себя функции индивидуализированного актора: в сообщениях, основывающихся на данных соцсетей, содержится оценочная характеристика тому или иному событию.

Соцсети используются как площадка для выражения обобщенного, деиндивидуализированного мнения пользователей относительно определенного события: «Соцсети потребовали уволить чиновницу, которая “ничего не должна”»<sup>1</sup> (URL: <https://www.mk.ru/politics/>). Деиндивидуализация участников соцсети способствует тому, что публичная сфера выступает «...в качестве среды социальной интеграции, формы социальной солидарности и арены для обсуждения возможных социальных мер действия» [Казаков, 2013, с. 127]. Участники дискуссий могут выразить свою гражданскую позицию по актуальным вопросам, и таким образом многочисленные записи в соцсетях становятся рупором общественного мнения. Власть вступает в реальный и виртуальный диалог по резонансным темам, в результате чего имеют место случаи, когда принимаются административные решения под давлением общественного мнения. Так произошло и с возмущившей пользователей соцсетей чиновницей: «Заявившая о ненужности молодежи чиновница окончательно уволилась» (URL: <https://lenta.ru/news/2019/02/11/olga/>).

Пожалуй, самая высокая степень неопределенности в указании на адресанта информации наблюдается в тех случаях, когда его обозначают словом «источник»: «Источники: РФС по-прежнему против совмещения Черчесовым постов в сборной и клубе» (URL: <https://bobsoccer.ru/user/22098/blog/?item=513154>); «Источники: США готовят отключение России от SWIFT» (URL: <https://ruskline.ru/politnews/>). При этом не понятно, что или кто имеется в виду под названием «источник». Это может быть как сообщение из газет, журналов, соцсетей, так и мнение конкретного журналиста или обозревателя, предоставившего информацию на условиях анонимности. Деиндивидуализированная презентация информации в традиционных и электронных СМИ может рассматриваться как один из инструментов конструирования реальности: «С точки зрения социального конструкционизма, масс-медиа производят особый тип реальности – массмедийную реальность, которая является не отражённой в масс-медиа объективной действительностью, а самостоятельной реальностью, относительно автономной по отношению к "объективному миру" и сформированной в соответствии с кодом, разделяемым внутри профессиональной среды» [Дубровская, Кожемякин, 2015, с. 114].

---

<sup>1</sup> Резонансное событие произошло после высказываний Главы департамента молодежной политики Свердловской области Ольги Глацких о том, что молодежи государство ничего не должно, а должны только родители, которых «не просили никого рожать».

2. Вторую тенденцию мы характеризуем как *исходящую от конкретного адресанта деиндивидуализацию*, которая существует в двух формах – *частичной и полной*.

2.1. *Частичная деиндивидуализация, исходящая от конкретного адресанта*. В цифровой блогосфере возможно «легализованное» существование одного адресанта под разными именами, что обеспечивает его *частичную деиндивидуализацию*. Подобно тому как участники бала-маскарада могут предстать в ином обличье, так и участники современных форумов и блогов скрывают свои истинные персоналии под чужими данными (масками). В современной блогосфере существуют инструменты, которые позволяют коммуникантам общаться друг с другом, не раскрывая свои настоящие имена. Посетители сайтов и форумов на платформах Веб 2.0 сами выбирают себе имя (никнейм или ник), свой облик (аватар) и даже биографию (данные профиля). Основным способом создания намеренной анонимности является использование никнеймов и аватаров. Никнейм, как псевдоним для осуществления коммуникации в виртуальном пространстве, позволяет дистанцироваться от собственного имени пользователя и обеспечивает свободу коммуникативного поведения. Такой феномен, как аватар привлекает внимание психологов и психолингвистов и анализируется ими в различных научных ракурсах, например, использование аватаров участниками различных видов электронного дискурса – политического ([Vena Osee, 2019]) или медицинского ([O'Connor, 2019]).

Аватар – это виртуальное «воплощение» пользователя, которое он применяет для взаимодействия с другими участниками дискуссии в электронном пространстве. Примечательно, что и ник и аватар (в той или иной степени) могут соответствовать физиологическому портрету реального человека и отражать его психическое состояние. Предлагается рассматривать аватар как «виртуальное эго» и доказывается, что между аватаром и осознанием себя существует достаточно тесная связь: «An avatar can be called a “virtual ego” and can be defined as “user embodiment in a collaborative virtual environment”»<sup>1</sup> [Unal et al, 2018, p. 33].

Рассмотрим пример частичной деиндивидуализации, исходящей от конкретного автора на примере записей пользователей футбольного портала Бобсоккер (<https://bobsoccer.ru/>). Данный портал был создан и ведется спортивными журналистами с целью освещения новостей мирового футбола, размещения интервью с футболистами, руководителями клубов, тренерами, экспертами, предоставления фото, аудио и видеоматериалов и т.д. Рубрики портала разнообразны и включают онлайн-магазин подарков и трансляции матчей. Интерактивный характер портала обеспечивается такими активностями, как прогнозирование результатов матчей, опросы и форумы. Для того, чтобы иметь возможность принимать участие в обсуждении, необходимо пройти регистрацию на сайте и принять правила общения, несоблюдение которых может привести к наложению запрета или бана (от английского to ban – запрещать). Предполагается обязательное использование никнеймов и аватаров, что позволяет обнародовать свое мнение (иногда достаточно резкое) по различным проблемам: финансовые траты клубов на трансферы, лимит на легионеров, политика формирования национальной сборной и привлечение юных талантов из молодежных клубов. В рубрике «трибуна» можно, не «открывая» имени, разместить мини-заметку и высказаться по интересующей проблеме. Например, посетитель сайта под ником Сэм инициирует дискуссию об участии клуба «Зенит» в турнире «Лига Чемпионов»: «*Потерял или приобрел "Зенит" очки в Лионе?*». Эксперты портала рассуждают о первом матче «Зенита» в Лиге чемпионов. Эксперт под ником «Эндрю»: «*До игры мы утверждали, что нас ожидает матч на три исхода. И оказались правы – "Зенит" мог выиграть, мог проиграть, но*

<sup>1</sup> «Аватар называется "виртуальным эго" и определяется как "воплощение пользователя для взаимодействия с другими пользователями в виртуальной среде"».

свел встречу в ничью» (<https://bobsoccer.ru/sam/blog/?item=511188>). Портал «Бобсокке» использует материалы других электронных ресурсов, таких как «Sky Sports», «Betting Insider», то есть его площадка задействована в формировании международной футбольной блогосферы. Кроме того, материалы из данного портала могут цитироваться футбольными видеоблогерами и участвовать при дальнейшем формировании как индивидуализированного, так и деиндивидуализированного контента.

При исходящей от автора частичной деиндивидуализации следует отметить и такое явление, как «дискурсивная многоликость» адресанта. Участие в тематических форумах можно рассматривать как демонстрацию различных типов коммуникативного поведения одной языковой личности. Действительно, каждый вид дискурса маркирован наличием жанровой специфики, особой стилистики и специализированной лексики. Виды институционального дискурса (юридический, медицинский, экономический) имеют свои правила взаимодействия коммуникантов и терминологию. Например, на электронных медицинских форумах можно встретить примеры профессионального медицинского дискурса и обиходного медицинского дискурса. Порталы электронной юридической консультации предполагают, что адресанты и адресаты сообщений в одинаковой степени владеют основами юридической терминологии. Таким образом, в зависимости от сферы виртуального общения один и тот же пользователь имеет возможность принимать участие в различных коммуникативных ситуациях.

2.2. *Полная деиндивидуализация, исходящая от конкретного адресанта.* Вторым типом деиндивидуализированного участия в блогосфере являются случаи, когда исходящее от автора сообщение, отправляется на условиях полной анонимности. Безымянный источник размещает печатный или видео-контент на общедоступной платформе типа Дзен-Яндекс или YouTube. Впоследствии пост неизвестного автора начинает активно обсуждаться в печатных и электронных СМИ и пользователями соцсетей. С появлением смартфонов любой человек может сделать запись какого-то события и разместить эту запись на порталах систем Веб 2.0 и Веб 3.0. Современные технологии позволяют отправителю информации выступать в качестве анонимного источника. Видеосообщение или запись блогера, получившие максимальное количество просмотров и комментариев, становятся топ-новостью. Достаточно часто официальные печатные и электронные СМИ ретранслируют резонансную информацию, сопровождая ее мнениями экспертов. Например, инциденты с зимними авариями на теплотрассах, благодаря видеозаписям, сделанным анонимным владельцем смартфона, попали в блогосферу, а потом уже и в официальную прессу: «Провалился автобус авария теплотрассы сейчас на Димитрова 24. 04.2019 года» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=isKyP7PvVc0>).

Полная деиндивидуализация, исходящая от адресанта, прослеживается и в сообщениях следующего характера: «Кстати, некоторые полагают, что молодые люди сблизилась без стараний со стороны герцогини Йоркской: инсайдеры свидетельствуют, что Ферги прекрасно владеет искусством сводничества» (URL: <http://www.marieclaire.ru/psychology/printsessa-beatrix>). Такие обороты как: «некоторые полагают» и «инсайдеры свидетельствуют» не позволяют серьезно относиться к получаемой информации. В некоторых случаях адресант деиндивидуализирован настолько, что можно поставить под сомнение правдивость представленных сведений: «Европейские футбольные клубы внимательно следят за выступлениями атакующего полузащитника "Спартак" Зелимхана Бакаева, они изучают возможность его подписания, сообщил источник, близкий к футболисту, и собеседник, знакомый с ситуацией» (URL: <https://bobsoccer.ru/user/3180/blog/?item=505842>). Характеристика отправителей информации как «источник, близкий к футболисту», и «собеседник, знакомый с ситуацией» вызывают недоверие относительно достоверности данных. Иногда слова «инсайд» или «инсайдер» используются в качестве «полит-корректного» слова «аноним» или словосо-



четания «анонимный автор»: «"Королева, страна и семья": инсайдер рассказал о главных ценностях в жизни Кейт Миддлтон» (URL: <http://www.spletnik.ru/buzz/monarchy/92418>). Как видим, деиндивидуализация сообщений связана с проблемой достижимости объективного характера информации [Тертычный, 2018].

### Заключение

Таким образом, современная модель электронной коммуникации может быть охарактеризована как модель интерактивного типа, при которой отмечается взаимно-направленная циркуляция информационных потоков от адресантов и адресатов информации. В цифровом пространстве отправители и получатели информации взаимодействуют в диалоговом режиме, что стало возможным благодаря возникновению платформ Веб 2.0 с самогенерируемым контентом. В таких условиях формируется новое соотношение личного и публичного, индивидуального и массового. Кроме того, изменяется содержание понятий в дихотомиях: «публичная сфера vs частная сфера» и «индивидуальное vs массовое». Блогосфера является продуктом действия интерактивной модели, а совокупность представленных в ней сообщений образует влиятельный современный ресурс.

Наблюдаются два типа коммуникативного поведения адресантов в блогосфере, которые можно описать с использованием понятия «деиндивидуализация», предложенным Г. Лебом: деиндивидуализация обобщающего характера и полная или частичная деиндивидуализация конкретного адресанта. В обоих случаях происходит «массовизация» сознания, утрата уникальных характеристик и развивается «де-персонифицированный» характер человеческого общения.

Новизна представленного исследования заключается в том, что впервые психологический термин «деиндивидуализация» применяется при рассмотрении особенностей современных коммуникативных процессов.

### Список литературы

1. Дубровская Т.В., Кожемякин Е.А. 2015. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 18 (215): 111–125.
2. Казаков М.Ю. 2013. «Публичная сфера» Ю. Хабермаса: реализация в интернет-дискурсе. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 3 (31): 125–130.
3. Качесова И.Ю., Мартихина Е.В. 2018. Особенности дискурсивных аспектов взаимодействия автора и читателя (на материале анализа контента социальной сети Instagram). Дискурс-Пи, 1 (30): 29–32.
4. Лебон Г. 2016. Психология народов и масс. Пер. с фр. А. Фридмана, Э. Пименовой. М., Академический проект, 239 p. (Le Bon G. 2009. *Lois Psychologiques de l'évolution Des Peuples*. Kessinger Publishing, 210 p.).
5. Привалова И.В., Купцова Н.В. 2016. Электронная коммуникация молодежи. Саратов, Изд-во Саратов. гос. мед. ун-та, 136 с.
6. Привалова И.В. 2002. Константная вариативность (опыт лингвистического исследования национально-культурных ценностей). В кн.: Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 22. М., ООО «МАКС Пресс»: 5–1.
7. Привалова И.В. 1995. Психологическая установка в процессе понимания иноязычного текста (на материале русского и английского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 18 с.
8. Тигранян Е.А. 2018. «Антитеррористический пакет» Яровой: реакция российских и зарубежных изданий. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 37 (1): 103–112. DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-1-103-112

9. Тертычный А.А. 2018. Объективность информации в СМИ: достижима ли она? Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 37 (1): 113–120. DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-113-120
10. Хабермас Ю. 2002. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. М., Весь Мир, 144 с.
11. Хабермас Ю. 2013. Социоструктурная трансформация публичной сферы (реферативный перевод Т. Тягуновой). В кн.: Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М., Вариант: 226–266.
12. Шамаев И.Н. 2014. Теория трансформации публичной сферы Юргена Хабермаса и актуальные процессы блогосферы. В кн.: Массовая коммуникация в современном мире: Вызовы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Курск, 16 декабря 2014 г.). Курск, Изд-во Юго-Зап. гос. ун-та: 170–173.
13. Bena Osee U. 2019. Avatars and Sustainability of International Political Systems. *Open Journal of Political Science*, 09 (02): 243–252.
14. O'Connor S. 2019. Virtual Reality and Avatars in Healthcare. *Clinical Nursing Research*, 28 (5): 523–528.
15. Unal S., Dalgic T., Akar E. 2018. Avatars as the Virtual World's Personality. The virtual world and marketing (eds. Basar E., Ercis A., Unal S). Cambridge Scholars Publishing: 33–55.
16. Habermas J. 1991. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* (Translation by Thomas Burger). Cambridge Mass., MIT Press, 301 p.

### References

1. Dubrovskaya T.V., Kozhemyakin E.A. 2015. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v SMI: specifika reprezentatsiy [Media construction of international relations: specifics of representations]. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*, 18 (215): 111–125.
2. Kazakov M.Yu. 2013. Publichnaya sfera» Ju. Habermasa: realizatsiya v internet-diskurse [“Public sphere” of J. Habermas: its realisation in Internet-discourse]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod by N.I. Lobachevsky. Social Sciences*, 3 (31): 125–130.
3. Kachesova I.Yu., Martikhina E.V. 2018. Osobennosti diskursivnykh aspektov vzaimodeystviya avtora i chitatelya (na materiale analiza kontenta sotsial'noy seti Instagram) [Features of the discursive aspects of the interaction between the author and the reader (based on the analysis of the content of the social network Instagram)]. *Discourse-P*, 1 (30): 29–32.
4. Le Bon G. 2016. Psihologiya narodov i mass [Psychology of Peoples and Masses]. Translated from French by A. Fridman, E. Pimenova. Moscow, Akademicheskij proekt, 239 p. (Le Bon G. 2009. *Lois Psychologiques de l'volution Des Peuples*. Kessinger Publishing, 210 p.).
5. Privalova I.V., Kuptsova N.V. 2016. Elektronnaya kommunikatsiya molodezhi [Digital Communication of the Youth]. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. med. un-ta, 136 p.
6. Privalova I.V. 2002. Konstantnaya variativnost' (opyt lingvisticheskogo issledovaniya natsional'no-kul'turnykh tsennostey) [Constant variability (linguistic research of national-cultural values)]. In: *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya* [Language. Consciousness. Communication]. Moscow, OOO “MAKS Press”: 5–1.
7. Privalova I.V. 1995. Psihologicheskaya ustanovka v processe ponimaniya inoyazychnogo teksta (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Psychological attitude in the understanding of foreign text (based on Russian and English languages)]. Abstract. dis. ... cand. philolog. sciences. Saratov, 18 p.
8. Tigranyan E.A. 2018. «Yarovaya package» of anti-terrorist amendments: the reaction of Russian and foreign editions. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*, 37 (1): 103–112 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-1-103-112
9. Tertychny A.A. 2018. Objective information in media: is it reachable? *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*, 37 (1): 113–120. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-113-120.
10. Habermas J. 2002. *Budushchee chelovecheskoj prirody* [The Future of Human Nature]. Translated from German. Moscow, Ves' Mir, 144 p. (Habermas J. 2001. *Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik?* Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 125 p.).

11. Habermas J. 2013. Sotsiostrukturnaya transformatsiya publichnoy sfery [The Structural Transformation of the Public Sphere] (Translated from German by T. Tyagunova). In: Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, kejs stadi [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow, Variant: 226–266.

12. Shamaev I.N. 2014. Teoriya transformatsii publichnoy sfery Yurgena Khabermasa i aktual'nye protsessy blogosfery [The theory of transformation of the public sphere of Jürgen Habermas and the actual processes of the blogosphere]. In: Massovaya kommunikaciya v sovremennom mire: Vyzovy i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov i aspirantov [Mass communication in the modern world: Challenges and prospects. Materials of the International scientific-practical conference of students, undergraduates and graduate students] (Kursk, 16 December, 2014). Kursk, Izd-vo Yugo-Zap. gos. un-ta: 170–173.

13. Bena Osee U. 2019. Avatars and Sustainability of International Political Systems. Open Journal of Political Science, 09 (02): 243–252.

14. O'Connor S. 2019. Virtual Reality and Avatars in Healthcare. Clinical Nursing Research, 28 (5): 523–528.

15. Unal S., Dalgic T., Akar E. 2018. Avatars as the Virtual World's Personality. The virtual world and marketing (eds. Basar E., Ercis A., Unal S). Cambridge Scholars Publishing: 33–55.

16. Habermas J. 1991. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society (Translation by Thomas Burger). Cambridge Mass., MIT Press, 301 p.

#### **Ссылка для цитирования статьи**

#### **For citation**

Привалова И.В. 2020. Деиндивидуализация сообщений в блогосфере. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (1): 25–35. DOI 320: 63548: 9/2; 62/4242/5; /3/47/57"

Privalova I.V. 2020. Deindividualization of messages in the blogosphere. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 39 (1): 25–35. (in Russian). DOI320: 63548: 9/2; 62/4242/5; /3/47/57"

# ПЕДАГОГИКА

## PEDAGOGICS

УДК 378.11

DOI: 10.26907/2542-4242.2020.39.1.36-48

### ГЕНЕЗИС ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОТРЯДОВ

### GENESIS OF FORMATION OF PROSOCIAL INSTALLATION OF FUTURE TEACHERS IN THE ACTIVITIES OF STUDENT PEDAGOGICAL ORDERS

**Е.И. Ерошенкова**  
**E.I. Eroshenkova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,  
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: [eroshenkova@bsu.edu.ru](mailto:eroshenkova@bsu.edu.ru)

#### **Аннотация**

Уточнение новых приоритетов в области государственной политики в сфере общего и высшего образования обусловили переосмысление потребностей современного общества в подготовке педагога со сформированной просоциальной установкой. Особыми возможностями в данном направлении обладает работа студенческих педагогических отрядов, которая, несмотря на накопленный опыт, осуществляется без системного, концептуального, теоретико-методологического обоснования данной деятельности в контексте просоциального становления педагога-профессионала в современных реалиях. В связи с этим автором проведен историко-педагогический обзор психолого-педагогической отечественной и зарубежной литературы, нормативных источников, практического опыта с целью определить взаимосвязь формирования просоциальной установки и деятельности студенческих педагогических отрядов в исторической ретроспективе. В результате уточнены этапы развития понятия «установка личности», отражающие характер научного интереса к данной категории. Определена бинарность факторов, обуславливающих формирование просоциальной установки будущего педагога, как с позиции ценностных ориентаций, убеждений, так и с позиции соответствующей активности. Выделены 4 этапа в развитии студенческих педагогических отрядов и объединений с учетом их потенциала в формировании просоциальной установки будущего педагога: дореволюционный (всплеск социальной активности граждан, повышение требований к образованию; функции творчества, самостоятельности, инициативы); советский (разработка теории и развитие практической деятельности студентов-комсомольцев, преобладание идеологии; функции воспитания, самосовершенствования, пропаганды, просвещения); постсоветский переходный (отход от единого движения и унификации; функции самореализации, творческого воспроизводства, индивидуальности), современный (обеспечение законодательной основы; функции гражданственности, самостоятельности, инициативности и проактивности).

#### **Abstract**

The refinement of new priorities in the field of public policy in the field of general and higher education led to a rethinking of the accumulated experience and the needs of modern society in the preparation of a

teacher with a pro-social (well-oriented, helping) attitude. Particular opportunities in this direction are possessed by the work of student pedagogical groups, their historical and pedagogical development in the field of higher pedagogical education. Despite the experience gained, at present the work of student teaching teams is carried out more often situationally, without a systematic, conceptual, theoretical and methodological substantiation of this activity in the context of the prosocial formation of a professional teacher in modern realities. The aim of the study is to conduct a historical and pedagogical review of the psychological and pedagogical domestic and foreign literature, regulatory sources, and practical experience to determine the relationship between the formation of a prosocial attitude and the activities of student teaching teams in historical retrospective. As a result, the stages of the development of the concept of “personality installation” were clarified, reflecting the nature of scientific interest in this category: the background to the introduction of the concept of “installation” in psychology; the appearance of the term “installation” in social psychology and sociology; decline in interest in research in this area; a revival of interest in the problem; stagnation and an abundance of conflicting facts; the revival of interest in the problem in pedagogical research and related sciences. The author determines the binary nature of the factors that determine the formation of the prosocial attitude of the future teacher: both from the position of value orientations, beliefs, and from the position of the corresponding activity. The article identifies 4 stages in the development of student teaching teams and associations, taking into account their potential in shaping the prosocial attitude of the future teacher: pre-revolutionary (a surge in social activity of citizens, increased educational requirements; functions of creativity, independence, initiative); Soviet (the development of the theory and development of the practical activities of Komsomol students, the predominance of ideology; the functions of upbringing, self-improvement, propaganda, enlightenment); post-Soviet transitional (departure from a single movement, unification; functions of self-realization, creative reproduction, individuality), modern (ensuring the legislative basis; functions of citizenship, independence, initiative and proactivity).

**Ключевые слова:** установка личности, просоциальная установка, просоциальное поведение, будущий педагог, студенческий отряд, студенческий педагогический отряд, студенческие объединения.

**Keywords:** personality orientation, prosocial attitude, prosocial behavior, future teacher, student squad, student teacher squad, student associations.

---

## Введение

Подготовка будущего педагога в настоящее время обретает особую значимость в связи с переосмыслением обществом социально-педагогических потребностей, обновлением нормативно-правовой базы в сфере педагогической деятельности, расширением и универсальностью решаемых в ее рамках задач. Педагог, формируя образ будущего гражданина, сам должен осознавать и четко представлять те ориентиры, которые провозглашает сегодня государство в сфере образования. Факт появления, утверждения и внедрения Национального проекта «Образование» (от 24.12.2018), включающего федеральные проекты: «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Поддержка семей, имеющих детей», «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы», «Новые возможности для каждого», «Социальная активность», «Экспорт образования» и «Социальные лифты для каждого», позволяет осмыслить доминанты современного образования и обозначить векторы его реализации. Одним из системообразующих факторов, способствующих эффективности реализации указанных доминант и проектов на профессионально-личностном уровне, на наш взгляд, является сформированность у педагогов просоциальной установки (приставка про- (лат.) – движение вперед, действие в интересах кого-либо или чего-либо), обеспечивающей направленность их профессиональной деятельности на благо, пользу, сотрудничество, добро, дружбу, помощь и поддержку не только обучающихся, но и их семей [Янчук, 2005]. Как результат, просоциальная установка педагога реализуется в просоциальном поведении – «позитивно оцениваемых межличностных действиях, соответствующих культурным и социальным стандартам» [Янчук, 2005, с. 460].

Подготовка к реализации такого рода поведения осуществляется в педагогических вузах в процессе учебных занятий, проб и практик в педагогической, проектной, методической, организационно-управленческой, культурно-просветительской деятельности и сопровождении (ФГОС ВО 3++ по направлению бакалавриата: 44.03.01 Педагогическое образование, зарегистрирована в Минюсте России 15 марта 2018 г., № 50362). Особыми возможностями в данном направлении, по мнению автора, обладает работа студенческих педагогических отрядов, их историко-педагогическое развитие в области высшего педагогического образования. Поэтому целью данной статьи является проведение историко-педагогического обзора психолого-педагогической отечественной и зарубежной литературы, нормативных источников, практического опыта на основе морфологического, структурного и функционального анализа, позволяющего проследить генезис формирования просоциальной установки будущих педагогов в деятельности студенческих педагогических отрядов в различный временной период.

### **Теоретические подходы и этапы в понимании сущности категории «просоциальная установка» будущего педагога**

Обращение к термину «просоциальная установка» будущего педагога потребовало определения сущности понятий «просоциальное поведение», «установка», «просоциальная установка» и др. Выбранные методы исследования позволили провести историко-педагогический анализ указанных и смежных дефиниций и определить подходы и этапы в понимании основной терминологии в исследуемой области.

Так, проведенное нами ранее исследование [Ерошенкова, 2019] на основе анализа социобиологической [Darwin, Mayr, 1964], личностной [Forgas, Williams, 2014; Bower, Casas, 2016], межличностной [Davis et al., 2016; Mills, 2016], социально-когнитивной [Darley, 1991] теорий и теории социального научения [Bandura, 1977; Watson et al., 1989], позволило установить существующие подходы в понимании термина «просоциальное поведение» применительно к педагогической деятельности как действий, позитивно оцениваемых обществом; как всего спектра поступков, совершаемых педагогом ради другого и ради его пользы; как «помогающего поведения» педагога; как чисто альтруистической деятельности педагога.

В свою очередь, при рассмотрении понятия «установка» личности были выявлены следующие этапы в развитии соответствующей теории:

1. Ранняя предыстория понятия «установка» в психологии (от введения термина в конце XIX века до второй мировой войны; появление терминов «моторная установка» (Н. Ланге, Т. Рибо), «установка сознания» в работах психологов вюрцбургской школы (О. Кюльпе, К. Марбе и др.)).

2. Введение термина «установка» в социальной психологии и социологии (У. Томас, Ф. Знанецкий, 1918–1920 гг.); рост популярности проблемы и исследований по ней; дискуссия в психологии и социологии по преобладанию в установке поведенческого и познавательного аспектов либо эмоционально-оценочного (1920–1930 гг.).

3. Спад интереса к исследованиям в данной области; обнаружение затруднений и тупиковых позиций (40–50-е гг. XX в.).

4. Возрождение интереса к проблеме; возникновение новых идей; признание кризиса предыдущих исследований (Д.Н. Узнадзе и его школа, 50–60-е гг. XX в.).

5. Застой, обилие противоречивых и несопоставимых фактов (Ш.А. Надирашвили, Р.Г. Натадзе, В.Г. Норакидзе, А.С. Прангишвили, А.Г. Асмолов, М.А. Ковальчук, Д.И. Фельдштейн, В.А. Ядов и др., 70–90-е гг. XX в.).

6. Возрождение интереса к проблеме в педагогических исследованиях и смежных науках (Л.В. Ведерникова, Г.В. Рева, С.Н. Бегидова, Л.Ф. Сельмидис, Н. Букун, Л. Донога, А.А. Девяткин, Ж. Монмолен и др., 2000-е гг. и по настоящее время).

Противоречивость и неоднозначность отношения ученых к категории установки личности, по нашему мнению, связаны, прежде всего, с затруднением и недопониманием того, что первично, а что вторично: установка определяет поведение, либо, наоборот, полученный опыт, поведение формируют установку личности.

Долгое время считалось, что «взятые вместе благоприятные и неблагоприятные оценочные реакции на что-либо, независимо от того, в какой форме они выражены (в форме убеждений, чувств или готовности к действиям), определяют установку человека» [Olson, Zanna, 1993]. «В основе большинства учений, подходов к консультированию и методов воспитания детей лежит мысль о том, что наше поведение в обществе определяется нашими убеждениями и чувствами, и для того, чтобы изменить поведение, надо изменить сердце и разум» [Майерс, 2011, с. 161]. Однако «в 60-е гг. XX в. «на смену изначальному тезису – "Установки определяют поведение" пришел антитезис – "Установки не определяют ничего"» [Майерс, 2011, с. 161], так как поступки людей часто расходятся с их словами [Festinger, 1964; Watson et al., 1989]. По этому поводу Роберт Эйбелсон говорил: «...мы очень хорошо обучены и прекрасно обосновываем любые свои поступки, но не очень хорошо делаем то, что можем обосновать» [Abelson, 1972, p. 27].

Дальнейшие исследования, проведенные Д. Майерсом, Э. Аронсоном и основанные на ряде практических исследований и аргументов, приводят нас к мысли о том, что истина находится посередине [Аронсон, Уилсон, Эйкер, 2002; Майерс, 2011]. Следуя указанной позиции ученых, просоциальную установку будущего педагога, по нашему мнению, обуславливают как устойчивые ценностные ориентации, убеждения, позиции, настрой, готовность, предрасположенность субъекта к социально позитивному, «помогающему поведению», так и соответствующая активность, сами социально положительные поведенческие акты, опыт деятельности, действия, поступки.

В этой связи особый интерес вызывают исследования, связанные с изучением накопленного опыта развития социальной активности у студентов педагогических специальностей как предпосылки формирования просоциальной установки будущего педагога. В разные годы эта тема рассматривалась в контексте развития социальной активности студенческой молодежи (Г.К. Астапенко, А.В. Дмитриев, С.Н. Иконникова, А.А. Иноземцев, Ю.С. Колесников, В.Т. Лисовский, В.В. Текучев), функционирования студенческих педагогических отрядов (С.С. Бойко, Е.Ю. Дмитриева, А.З. Иоголевич, Е.В. Колебина, Р.А. Литвак, О.Н. Сарычева, Р.М. Ситько, А.Г. Фомина, Е.М. Хараланова, А.Н. Чиж), молодежных студенческих отрядов (Н.Ф. Басов, М.В. Богуславский, Л.В. Кузнецова, В.С. Липицкий, Г.М. Соколова, Л.Г. Тиркия, Л.И. Уманский, А.Ю. Ховрин и др.) и студенческих сообществ (О.А. Аймагенбекова, Т.В. Гурская, К.С. Омаров, П.А. Просецкий, Е.В. Титова, А.В. Усов и др.).

### **Генезис становления деятельности студенческих педагогических отрядов как предпосылки формирования просоциальной установки будущего педагога**

Проведенное историко-педагогическое теоретическое исследование позволило выявить ряд этапов, характеризующих генезис становления деятельности студенческих общественных объединений, социальной активности педагогической направленности как предпосылок формирования просоциальной установки будущего педагога:

**1 этап – дореволюционный** (середина XIX в. – 1917 г.) – связан с возникновением студенческих общественных объединений просоциальной направленности (в том числе, педагогической, религиозной, политической, досуговой, культурно-просветительской и др.). Так, например, в русле общественно-педагогического движения в Москве, Петрограде, Томске и других городах появилось движение организации детских клубов (объединений), в российских университетах активизировалось студенческое движение просоциальной направленности, принявшее формы «хождения в народ» с общественной инициативой

создания общеобразовательных воскресных школ и курсов<sup>1</sup>. Первые общественные объединения педагогической направленности существовали полулегально, так как зачастую воспринимались государством как потенциальный бунт. Перед молодежными общественными объединениями просоциально-педагогической направленности стояли задачи в удовлетворении стремления молодежи к самостоятельности, свободно выбранной деятельности; в воспитании общественности, развитии общественных интересов и чувства общественного долга, готовности быть участником общего дела; в приучении полагаться на самих себя и не ждать руководства со стороны [Харланова, 2007]. В целом этап характеризуется всплеском социальной активности граждан, повышением требований к образованию, внедрением новых педагогических подходов к социальному воспитанию «нового» – творческого, самостоятельного, инициативного – человека (П.П. Блонский, К.Н. Вентцель, С.Ф. Знаменский, П.Ф. Каптерев, В.В. Зеньковский, Л.Н. Толстой, С.Т. Шацкий).

**2 этап – советский** (1918 г. – конец 80-х гг.) – связан с приходом к власти большевиков, началом строительства нового общества, коммунистической идеологии и коллективистской морали, которые по своей сути также носили просоциальную направленность. В этот период значительно повышается общественная просоциальная активность студентов вузов, расширяются их полномочия как членов органов студенческого самоуправления, культурно-молодежных объединений. По мнению ряда известных деятелей того времени (А.Г. Калашникова, Н.К. Крупской, А.И. Радченко, С.Т. Шацкого, В.Н. Шульгина и др.), высшее педагогическое образование характеризовалось «оторванностью от школы, от жизни» [Гармаш, 1974, с. 56], «разрывом теории и практики» [Комсомол и высшая школа, 1968, с. 49], нуждалось в преодолении замкнутости и изолированности.

Изменение ситуации стало возможным после проведения Всероссийской конференции по педагогическому образованию (1924 г.), в резолюции которой было сказано, что «новый педагог должен быть, прежде всего, общественным организатором детства и юношества, местным общественным работником» [Гармаш, 1974, с. 66]. В таком заключении, на наш взгляд, просматривается просоциальность основных положений конференции, что отразилось и во введении в учебные планы педагогических вузов общественно-педагогической практики.

Вследствие внедрения вышеназванных идей студенты – будущие педагоги получали опыт просоциальной деятельности в избах-читальнях, рабочих клубах, на курсах по ликвидации безграмотности, при осуществлении вожатской работы с пионеротрядами, при работе с беспризорниками. Всё это способствовало созданию широкого движения добровольных инициативных групп комсомольцев, первых комсомольских общественных объединений студентов педагогических вузов, объединенных педагогических бригад студентов и преподавателей. Общими усилиями студентов – будущих педагогов и преподавателей проводились беседы, собрания, совещания среди населения; инициировались открытие и участие в работе школ первой ступени, школ подростков, ликпунктов и др. [Комсомол и высшая школа, 1968; Харланова, 2007]. Всё это обусловило формирование в 20–30-е годы XX века своего рода государственного социального заказа на воспитание социально активной личности будущего педагога, реализующего общественно-политическую, социально-преобразующую, самодеятельностную, социально-творческую, идеологическую функции.

В 30–50-е годы XX столетия деятельность студенческих педагогических бригад и коллективов строго регламентировалась соответствующими постановлениями и распоряжениями партийных и комсомольских органов. Студентов-комсомольцев вновь привлекали к ликвидации безграмотности, проведению лекториев на предприятиях, в деревнях и селах; комсомольские ячейки закрепляли за пионерскими отрядами; организовывались

---

<sup>1</sup> Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. 1993. Т. 1 : А-М. Под. ред. В.В. Давыдова. М., Большая Российская энциклопедия, 608 с.



кружки по изучению марксизма-ленинизма. Подобная деятельность, хотя и носила просоциальный характер, но не была проактивной (не основывалась на осознанном выборе, собственных установках, ценностных ориентациях), ограничивала инициативу, самостоятельность, самодетерминацию будущих педагогов, что, безусловно, негативно влияло на формирование социальной активности студентов.

В 50–70-е годы происходило переосмысление роли и функционала студенческих общественных объединений. Об этом свидетельствует повышенный интерес к данной проблеме в появившихся диссертационных исследованиях соответствующей тематики (О.Н. Сарычева, А.И. Шендрик и др.), возникновение в Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена коммунарского движения (1963 г., Коммуна имени Макаренко (КИМ)) под руководством И.П. Ивановна. У активистов движения – студентов педагогических вузов – формировалась просоциальная установка путем вовлечения в разработку коллективных творческих дел (КТД), их реализацию при работе с сельскими и городскими школьниками, воспитанниками детских оздоровительных лагерей и учреждений дополнительного образования.

Важно отметить, что особая роль в формировании просоциальной установки будущих педагогов в тот период, по нашему мнению, принадлежала непрерывной общественной практике. Одним из ее направлений была общественно-педагогическая деятельность, включающая работу с пионерами, шефство над трудными подростками, кружковую деятельность, работу в пионерских, оздоровительных и туристических лагерях. Как было отмечено в постановлении III Пленума ЦК ВЛКСМ (декабрь 1967 г.), «студенты должны выступать организаторами технического творчества, культурно-массовой, спортивной, туристической, краеведческой работы в школах, воспитателями пионеров и подростков, инициаторами работы по месту жительства» [Комсомол и высшая школа, 1968, с. 246]. Так, повсеместно стали практиковаться сначала в качестве эпизодической работы, а затем традиционных студенческих инициатив открытие школ «юных переводчиков», создание кружков и клубов по месту жительства, организация концертов, вечеров, спортивных соревнований во дворах при участии детей и родителей и др.

Своего рода знаковым событием во всей этой деятельности стало официальное появление в 1971 году первых экспериментальных студенческих педагогических отрядов (ЭСПО), целью которых была воспитательная работа с детьми и подростками по месту жительства, «активная помощь педагогическим коллективам, органам народного профессионально-технического образования в коммунистическом воспитании учащихся»<sup>1</sup>. Как видим, здесь также прослеживается просоциальный, помогающий аспект описываемой деятельности. При этом направления деятельности и формы работы студенческих педагогических отрядов были разнообразными: «создание агитколлективов, отрядов красных следопытов, тимуровцев, ведение поисковой работы, проведение соревнований на приз клуба "Кожаный мяч", "Золотая шайба", "Старты надежд" и т.д., проведение игр "Зарница", "Орленок", сдача норм ГТО, организация тематических лекториев, проведение праздников, посвященных знаменательным датам, диспутов, творческих встреч, создание объединений по интересам, организация встреч с интересными людьми, конкурсы знаний и творчества» [Харланова, 2007, с. 22].

Значителен тот факт, что деятельность, осуществляемая в этот период в рамках функционирования педагогических отрядов, была интересна не только тем, на кого она была направлена, но и самим педотрядовцам. Как показал анализ информационных источников, самих студентов – будущих педагогов отличали увлеченность любимым делом, ответственность, добровольность, коллективизм, а их деятельность – непрерывность, воспитательный характер, взаимодействие. По сути студенты, развивая свои педагогические

---

<sup>1</sup> Рекомендации по совершенствованию деятельности комсомольских педагогических отрядов. 1980. Челябинск, Челяб. обл. комитет ВЛКСМ, Каб. комсомол. работы, 64 с.

способности и умения, становились для подростков старшими товарищами – воспитателями на длительный период.

В 80-е годы проблемы развития социальной активности студентов педагогических вузов становятся предметом исследования Лаборатории высшего педагогического образования Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. В коллектив лаборатории входили тогда такие известные ученые-педагоги, как С.И. Архангельский, П.А. Просецкий, В.А. Слостенин, Д.С. Яковлева и др. По их мнению, «развитие социальной активности будущих учителей характеризуется целостностью, единством и преемственностью довузовского, вузовского, послевузовского этапов; преемственностью теоретической подготовки и системообразующих функций педагогической практики» [Формирование..., 1980; Формирование..., 1983, 1989].

Однако, чрезмерная ориентация учебного процесса на теоретическую подготовку студентов, застойные явления в обществе, отказ от принципа добровольности в деятельности студенческих педагогических отрядов и общественных объединений привели к формализму, угасанию инициативности, снижению активности студентов, и, как следствие, искоренению традиций и сокращению количества педагогических отрядов.

Таким образом, советский период напрямую связан с разработкой теории и развитием практической деятельности студентов-комсомольцев, важнейшими функциями которых в контексте работы педагогических отрядов становятся функции воспитания, пропаганды и просвещения, а также самосовершенствования. Реализация этих функций, по нашему мнению, способствовала формированию у будущих педагогов просоциальной установки.

**3 этап – постсоветский переходный** (с начала 90-х по 2000-е годы) – связан с отходом от единого движения, отказом от унификации, опыта, накопленного в советский период и переходом к образованию множества неформальных студенческих объединений на самодеятельностной основе (В.В. Грибанов, Д.В. Добрынин, Е.Н. Михайлова и др.).

С принятием и введением в практику в 1996 году закона РФ «О высшем и послевузовском образовании» деятельность новых студенческих общественных объединений стала легитимной; их направленность связана в большей степени с предоставлением возможности для самореализации личности, творческого воспроизводства, проявления индивидуальности. О формировании просоциальной установки, педагогическом альтруизме и благоориентированности деятельности вновь созданных студенческих объединений в масштабах государства практически не говорилось, хотя студенческие педагогические отряды в той или иной степени продолжали существовать во многих городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле, Белгороде, Иркутске, Владивостоке, Екатеринбурге, Челябинске, Чебоксарах, Омске, Тюмени и др. [Харланова, 2007].

**4 этап – современный** (с середины 2000-х годов по настоящее время) – в начале был связан с некоторой разрозненностью в направлениях деятельности, отсутствием единой установки, что обусловило необходимость объединения студенческих педагогических отрядов. Так, в 2000 году под эгидой Российского союза молодежи (РСМ) было создано «Межрегиональное содружество педагогических отрядов – ассоциация педагогических отрядов», куда вошли 15 регионов России [Шаламова, Ховрин, 2004], в 2003 году таких регионов уже было 56. В соответствии с «Рекомендациями об организации деятельности студенческих отрядов» (2003 г.), разработанными Департаментом молодежной политики, воспитания и социальной защиты Министерства образования и науки Российской Федерации, целями создания студенческих отрядов стали общественное воспитание, формирование гражданственности, патриотизма у молодежи, помощь в реализации социальных и трудовых инициатив студенчества, приобретение молодыми людьми навыков профессиональной трудовой и управленческой деятельности, содействие личностному развитию, а

также процессам трудовой и социальной адаптации молодежи<sup>1</sup>. А в 2007 году на уже обеспеченной основе было создано Молодежное общероссийское движение «Российский студенческий отряд» (МООД «РСО»).

К 2010 году происходят позитивные изменения в отношении к деятельности студенческих отрядов, в частности педагогических, вызванные, на наш взгляд, государственным заказом, изменениями в общественном сознании, актуализацией развития созидательной активности молодежи [Строкова, 1979; Зимняя, 1999; Чернилевский, 2002], её просоциальной направленности [Ерошенкова, 2019].

Объявление 2018 года Годом добровольца в России еще раз подчеркнуло необходимость реализации «просоциального вектора» высшего педагогического образования, способного вывести культуру человеческих и педагогических отношений на качественно новый уровень, обеспечить «восстановление региональной солидарности, осознание людьми общности своих интересов с интересами региона, страны, сограждан, коллег, близких людей, готовность их к социально одобряемому поведению, социально значимой активности, коллективным действиям, систематической взаимопомощи и взаимной поддержке» [Павленко, 2015, с. 143].

Таким образом, современный период развития студенческих педагогических отрядов характеризуется обеспечением законодательной основы их функционирования, что стало гарантией свободы выбора направлений и форм деятельности. Все это повлияло на изменение функционала и содержания деятельности студенческих педагогических объединений, целями которой стали опора на осуществление гражданских прав и свобод, формирование готовности к самостоятельному решению различного рода проблем, воспитание инициативности и проактивности к социально-педагогической деятельности, формирование проектной культуры и собственного педагогического опыта.

### Заключение

Проведенный морфологический, структурный и функциональный анализ позволил завершить историко-педагогический обзор и сделать некоторые выводы.

Системообразующим фактором, способствующим эффективности реализации доминант, обозначенных в Национальном проекте «Образование» (от 24.12. 2018 г.), на профессионально-личностном уровне является сформированность у педагогов просоциальной установки (приставка pro- (лат.) – движение вперед, действие в интересах кого-либо или чего-либо).

Высшее педагогическое образование обладает социально значимым потенциалом в подготовке будущих учителей со сформированной просоциальной установкой личности.

Понятие «установка личности» развивалось поэтапно с конца XIX века до наших дней в зарубежной и отечественной психологии, социологии, редко – педагогике, и имела в конкретные периоды различную степень проявления научного интереса к исследованиям в рассматриваемой области.

Просоциальную установку будущего педагога обуславливают бинарные факторы: с одной стороны – устойчивые ценностные ориентации, убеждения, позиции, настрой, готовность, предрасположенность субъекта к социально позитивному, «помогающему поведению»; с другой – соответствующая активность, сами социально положительные педагогические акты, опыт деятельности, действия, поступки.

Накопленный опыт формирования социальной активности будущих педагогов, развития движения студенческих педагогических отрядов возможно и необходимо рассматривать как уникальное социально-педагогическое условие и предпосылку стимулирования

---

<sup>1</sup> Рекомендации по организации деятельности студенческих отрядов. Приложение к инструктивному письму Минобразования России от 7 мая 2003 года №15-51-66/15-01-21. 2003. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901870718> (дата обращения: 23.12.2019).

у студентов не только процессов самоопределения, самореализации, но и формирования у них просоциальной установки личности.

В развитии деятельности студенческих педагогических отрядов и объединений можно выделить 4 этапа, отражающие основное содержание, направления, формы, специфику и функционал деятельности студенческих педагогических отрядов, обладающих просоциальным потенциалом: дореволюционный, характеризующийся всплеском социальной активности граждан, повышением требований к образованию, преобладанием функций творчества, самостоятельности, инициативы; советский, связанный с разработкой теории и развитием практической деятельности студентов-комсомольцев, преобладанием идеологии, реализацией функций воспитания, пропаганды, просвещения, самосовершенствования; постсоветский переходный, отражающий отход от единого движения и унификации деятельности студенческих педагогических отрядов, ориентацию на функции самореализации, творческого воспроизводства, индивидуальности; современный, обеспечивший законодательную основу, приоритет реализации функций гражданственности, самостоятельности, инициативности и проактивности.

Исследование впервые обозначило проблемы формирования просоциальной установки будущего педагога в контексте деятельности студенческих педагогических отрядов, внесло вклад в развитие теоретико-методологических, концептуальных оснований просоциальной деятельности будущих педагогов.

### Список литературы

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. 2002. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. Пер. Л. Ордановой и др. Москва, ОЛМА-Пресс; СПб., Прайм ЕВРОЗНАК, 557 с.
2. Гармаш С.А. 1974. Н.К. Крупская и журнал «На путях к новой школе» об актуальных проблемах подготовки учителей в 1922–1932 годах. Воронежский педагогический институт. Известия. Т. 140: 54–76.
3. Зимняя И.А. 1999. Педагогическая психология. М., Логос, 382 с.
4. Ерошенкова Е.И. 2019. Просоциальная направленность педагогической деятельности в современной науке и образовании: от сущности к содержанию. Научный результат. Педагогика и психология образования, 5 (2): 3–16. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-2-0-1
5. Комсомол и высшая школа: документы и материалы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ по работе вузовского комсомола (1918–1968). 1968. Сост: В. Десятерик, Л. Куркова, Л. Пухова, В. Шостаковский. М., Молодая гвардия, 271 с.
6. Майерс Д. 2011. Социальная психология. СПб., Питер, 800 с.
7. Павленко Н.Ю. 2015. Православная идея соборности как важнейший фактор солидарности современного общества. В кн.: Социальные изменения в современном российском обществе: социологический анализ. Ставрополь, Северо-кавказский университет: 140–145.
8. Строкова Т.А. 1979. Педагогические основы формирования общественной активности студентов во внеучебной работе. Дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 234 с.
9. Формирование личности учителя в системе учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте. 1980. Под ред. В.А. Сластенина и др. М., МГПИ, 220 с.
10. Формирование социально активной личности учителя. 1983. Под ред. В.А. Сластенина и др. М., МГПИ, 163 с.
11. Формирование социально активной личности учителя. 1989. Под ред. В.А. Сластенина и др. М., МГПИ, 154 с.
12. Харланова Е.М. 2007. Развитие социальной активности будущих специалистов в условиях студенческого педагогического отряда. Челябинск, Издательство Челябинского государственного педагогического университета, 194 с.
13. Чернилевский Д.В. 2002. Дидактические технологии в высшей школе. М., ЮНИТИ-ДАНА, 437 с.
14. Шаламова Л.Ф., Ховрин А.Ю. 2004. Московский студенческий педагогический отряд: единство практической и образовательной деятельности. Народное образование, 3: 68–75.
15. Янчук В.А. 2005. Введение в современную социальную психологию. Мн., АСАР, 800 с.

16. Abelson R.P. 1972. Are Attitudes Necessary? In: Attitudes, Conflict, and Social Change. Eds.: B.T. King, E. McGinnes. New York and London, Academic Press: 19–32.
17. Bandura A. 1977. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological review*, 84 (2): 191–194.
18. Batson C.D., Oleson K.C., Weeks J.L., Healy S.P., Reeves P.J., Jennings P. and Brown T. 1989. Religious prosocial motivation: Is it altruistic or egoistic? *Journal of Personality and Social Psychology*, 57 (5): 873–878.
19. Darley J. 1991. Altruism and prosocial behavior research: Reflections and prospects. *Prosocial behavior*, 12: 176–214.
20. Darwin C., Mayr E. 1964. On the Origin of Species: A Facsimile of the 1st Edition (No. Sirsi) i9780674637528).
21. Davis A.N., Carlo G., Schwartz S.J., Unger J.B., Zamboanga B L., Lorenzo-Blanco E.I. and Martinez M.M. 2016. The longitudinal associations between discrimination, depressive symptoms, and prosocial behaviors in US Latino / a recent immigrant adolescents. *Journal of youth and adolescence*, 45(3): 457–470.
22. Festinger L. 1964. Conflict, Decision, and Dissonance. Stanford University Press, 163 p.
23. Mills J.E. 2016. Truly altruistic, or just fitting in: exploring motivations of philanthropic Millennials, 135 p. Available at: <https://mdsoar.org/handle/11603/3269> (accessed: 12.12.2019).
24. Olson J.M., Zanna M.P. 1993. Attitudes and Attitude Change. *Annual Review of Psychology*, 44: 117–154. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.001001> (accessed: 12.11.2019).

### References

1. Aronson Je., Uilson T., Jejkert R. 2002. Social'naja psihologija. Psihologicheskie zakony povedenija cheloveka v sociume [Social Psychology. The psychological laws of human behavior in society]. Per. L. Ordanovoj i dr. Moskva, OLMA-Press; SPb., Prajrm EVROZNAK, 557 p.
2. Garmash S.A. 1974. N.K. Krupskaya i zhurnal «Na putyakh k novoy shkole» ob aktual'nykh problemakh podgotovki uchiteley v 1922–1932 godakh [N.K. Krupskaya and the journal “On the Way to a New School” on pressing problems of teacher training in 1922–1932]. *Voronezhskiy pedagogicheskiy institut. Izvestiya*. Vol. 140: 54–76.
3. Zimnjaja I.A. 1999. Pedagogicheskaja psihologija [Pedagogical psychology]. M., Logos, 382 p.
4. Eroshenkova E.I. 2019. Prosocial orientation of pedagogical activity in modern science and education: from essence to content. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 5 (2), 3–16. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-2-0-1.
5. Komsomol i vysshaja shkola: dokumenty i materialy sezдов, konferencij CK VLKSM po rabote vuzovskogo komsomola (1918–1968). 1968. [Komsomol and higher school: documents and materials of congresses, conferences of the Komsomol Central Committee on the work of the university Komsomol (1918–1968)]. M., Molodaja gvardija, 271 p.
6. Mayers D. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. SPb., Piter, 2011, 800 p.
7. Pavlenko N.Yu. 2015. Pravoslavnaya ideya sobornosti kak vazhneyshiy faktor solidarnosti sovremennogo obshchestva [Orthodox idea of collegiality as the most important factor in the solidarity of modern society]. In.: Sotsial'nye izmeneniya v sovremennom rossiyskom obshchestve: sotsiologicheskij analiz [Social changes in modern Russian society: a sociological analysis]. Stavropol', Severo-kavkazskiy universitet: 140–145.
8. Strokova T.A. 1979. Pedagogicheskie osnovy formirovaniya obshchestvennoy aktivnosti studentov vo vneuchebnoy rabote [Pedagogical foundations of the formation of social activity of students in extracurricular activities]. Dis. ... cand. ped. sciences. Tyumen', 234 p.
9. Formirovanie lichnosti uchitelya v sisteme uchebno-vospitatel'nogo protsessa v pedagogicheskom institute [The formation of the teacher's personality in the system of the educational process at the pedagogical institute]. 1980. Ed.: V.A. Slastenin et al. M., MGPI, 220 p.
10. Formirovanie sotsial'no aktivnoy lichnosti uchitelya. 1983. [The formation of the socially active personality of the teacher]. Ed.: V.A. Slastenin et al. M., MGPI, 163 p.
11. Formirovanie sotsial'no aktivnoy lichnosti uchitelya 1989. [The formation of the socially active personality of the teacher]. Ed.: V.A. Slastenina et al. M., MGPI, 154 p.



12. Kharlanova E.M. 2007. *Razvitie sotsial'noy aktivnosti budushchikh spetsialistov v usloviyakh studencheskogo pedagogicheskogo otryada* [The development of social activity of future specialists in the conditions of a student pedagogical team]. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 194 p.
13. Chernilevskiy D.V. 2002. *Didakticheskie tekhnologii v vysshey shkole* [Didactic technology in high school]. M., YuNITI-DANA, 437 p.
14. Shalamova L.F., Khovrin A.Yu. 2004. *Moskovskiy studencheskiy pedagogicheskiy otryad: edinstvo prakticheskoy i obrazovatel'noy deyatelnosti* [Moscow student teaching team: the unity of practical and educational activities]. *Narodnoe obrazovanie*, 3: 68–75.
15. Yanchuk V.A. 2005. *Vvedenie v sovremennuyu sotsial'nuyu psikhologiyu* [Introduction to modern social psychology]. Mn., ASAR, 800 p.
16. Abelson R.P. 1972. Are Attitudes Necessary? In: *Attitudes, Conflict, and Social Change*. Eds.: B.T. King, E. McGinnes. New York and London, Academic Press: 19–32.
17. Bandura A. 1977. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological review*, 84 (2): 191–194.
18. Batson C.D., Oleson K.C., Weeks J.L., Healy S.P., Reeves P.J., Jennings P. and Brown T. 1989. Religious prosocial motivation: Is it altruistic or egoistic? *Journal of Personality and Social Psychology*, 57 (5): 873–878.
19. Darley J. 1991. Altruism and prosocial behavior research: Reflections and prospects. *Prosocial behavior*, 12: 176–214.
20. Darwin C., Mayr E. 1964. *On the Origin of Species: A Facsimile of the 1st Edition* (No. Sirsi) i9780674637528).
21. Davis A.N., Carlo G., Schwartz S.J., Unger J.B., Zamboanga B L., Lorenzo-Blanco E.I. and Martinez M.M. 2016. The longitudinal associations between discrimination, depressive symptoms, and prosocial behaviors in US Latino / a recent immigrant adolescents. *Journal of youth and adolescence*, 45(3): 457–470.
22. Festinger L. 1964. *Conflict, Decision, and Dissonance*. Stanford University Press, 163 p.
23. Mills J.E. 2016. Truly altruistic, or just fitting in: exploring motivations of philanthropic Millennial, 135 p. Available at: <https://mdsoar.org/handle/11603/3269> (accessed: 12.12.2019).
24. Olson J.M., Zanna M.P. 1993. Attitudes and Attitude Change. *Annual Review of Psychology*, 44: 117–154. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.44.020193.001001> (accessed: 12.11.2019).

**Ссылка для цитирования статьи  
For citation**

Ерошенкова Е.И. 2020. Генезис формирования просоциальной установки будущих педагогов в деятельности студенческих педагогических отрядов. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 39 (1): 36–46. DOI"32Ø: 635 48: 9/2; 62/4242/5; /3/58/68"

Eroshenkova E.I. 2020. Genesis of formation of prosocial installation of future teachers in the activities of student pedagogical orders. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39 (1): 36–46 (in Russian). DOI"32Ø: 635 48: 9/2; 62/4242/5; /3/58/68"

УДК 378'147

DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-47-57

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ  
РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ  
В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ  
(НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ ТЕОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА»)**

**OPTIMIZATION OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS  
FOR DEVELOPING SCIENTIFIC RESEARCH COMPETENCES  
IN TRANSLATOR TRAINING  
(ON THE EXAMPLE OF THE DISCIPLINE  
“BASIC THEORY OF THE GERMAN LANGUAGE”)**

**Е.В. Зеленина  
E.V. Zelenina**

Тульский государственный университет,  
Россия, 300012, г. Тула, пр. Ленина, 92

Tula State University,  
92 Prospect Lenina, Tula, 300012, Russia

E-mail: Zeleninagold@yandex.ru

**Аннотация**

В условиях растущей востребованности на рынке труда выпускников, обладающих научным подходом, стремлением к применению и созданию инноваций, вопрос эффективного развития научно-исследовательских компетенций студентов высшей школы становится одним из приоритетных. Поиск решения данной проблемы актуализирует необходимость дополнения известных научно-педагогических трудов новыми научными изысканиями, основанными на современной специфике конкретных направлений подготовки в высшей школе. В связи с этим автором проанализированы труды отечественных и зарубежных ученых, в которых раскрываются сущность, содержание и компонентный состав компетенций, необходимых для эффективной научно-исследовательской деятельности, особенности организации исследовательского обучения. В результате исследования разработан комплекс психолого-педагогических условий развития компетенций научно-исследовательской деятельности в рамках преподавания дисциплины «Основы теории немецкого языка» и руководства курсовым проектированием по данной дисциплине при подготовке бакалавров лингвистики, целью которого является переход обучающихся на более высокий уровень сформированности компетенций научно-исследовательской деятельности.

**Abstract**

In the context of the accelerating pace of scientific and technological progress and the growing demand for graduates with a scientific attitude and an aspiration to apply and create innovations, the problem of the development of students' scientific research competences is becoming a priority. The search of the solution to this problem promotes a further scientific research based on the modern specifics of different university degree programmes in addition to well-known scientific works. For this reason the author has conducted a scientific research aimed at optimization of the development of future translators' scientific research competences. As a part of the research, the author has analyzed works of scholars from Russia and abroad which reveal the essence, the content and the components of competences necessary for the efficient scientific research, as well as describe special aspects of organization of scientifically-oriented learning process. As a result of the research the author has developed the complex of psychological and pedagogical conditions for developing scientific research competences in the process of teaching the

discipline “Basic Theory of the German Language” to the bachelors of linguistics and research supervising of the students’ course projects for this discipline aimed at students’ transition to higher levels of scientific research competences. The theoretical and empirical data obtained as a result of the research allow to conclude that the use of the complex actively assists in the focused formation of students’ scientific thinking and a scientific approach to solution of research tasks and, consequently, contributes to the optimization of the development of future translators’ scientific research competences.

**Ключевые слова:** психолого-педагогические условия, компетенции, подготовка переводчиков, научно-исследовательская деятельность студентов, исследовательское обучение, курсовое проектирование, оптимизация, рефлексивность, инновационность, имидж исследователя, психологическая безопасность, профессиональная самореализация, интерактивные технологии, мониторинг.

**Keywords:** psychological and pedagogical conditions, competences, translator training, students’ scientific research, scientifically-oriented learning, course projects, optimization, reflexivity, innovativeness, public image of scientific researchers, psychological safety, professional self-actualization, interactive technologies, monitoring.

---

## Введение

В современном обществе формируются объективные условия, требующие развития у людей качеств, необходимых для полноценного участия в продвижении научно-технического прогресса, создании и применении инноваций и одновременно для сохранения целостности структуры личности, ее гуманной сущности.

В связи с востребованностью на рынке труда выпускников, обладающих научным подходом, инновационным мышлением, вопрос эффективного развития научно-исследовательских компетенций студентов высшей школы становится одним из приоритетных. Поиск решения данной проблемы актуализирует необходимость дополнения известных научно-педагогических трудов новыми научными изысканиями, основанными на современной специфике конкретных направлений подготовки в высшей школе.

Данное исследование посвящено вопросу оптимизации образовательного процесса на фоне необходимости учета быстро обновляющегося «банка» достижений научной и технической мысли. Отметим, что под *оптимизацией* в данном случае нами понимается комплексный научно-педагогический процесс, включающий поиск, выбор, внесение адаптационных изменений с учетом направления подготовки и реализацию наилучших из уже существующих научно обоснованных педагогических решений, нацеленных на усовершенствование развития научно-исследовательской деятельности обучающихся.

Целью исследования является разработка и апробация комплекса психолого-педагогических условий развития компетенций научно-исследовательской деятельности бакалавров лингвистики, направленного на переход обучающихся на более высокий уровень сформированности компетенций научно-исследовательской деятельности.

### Научно-исследовательские компетенции как объект исследования

Под *компетенциями научно-исследовательской деятельности* понимается спектр компетенций, указанных в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования, детализирующих свойства личности, формирование которых необходимо выпускникам для осуществления профессиональной деятельности.

Обратим внимание на определенные параллели между развитием компетенций научно-исследовательской деятельности и качеств, связанных с ними.

Акцентуация личностного осмысления прослеживается в определении исследовательской компетентности учащегося, предлагаемом Л.А. Казариной, которая трактует ее как «интегративное качество личности, предполагающее его готовность и способность к осуществлению исследовательской деятельности в той или иной области на основе сово-



купности личностно-осмысленных знаний, умений, навыков, ценностных отношений» [Казарина, 2013, с. 197].

Комплексность содержания научно-исследовательской компетентности отражена в трудах В.П. Шестака и Н.В. Шестак, которые приходят к выводу, что это сложный синтез когнитивного, предметно-практического и личностного опыта, отличающийся многообразием когнитивных и некогнитивных компонентов [Шестак, Шестак, 2011].

Согласно модели обеспечения качества академических компетенций [Meijers et al., 2005], профиль будущего исследователя выглядит следующим образом: компетентен в одной или нескольких научных дисциплинах, в проведении исследования, в планировании, в кооперации и коммуникации; обладает научным подходом, базовыми интеллектуальными способностями; учитывает временной и социальный контекст.

Анализируя возможности операционализации состава научно-исследовательской деятельности обучающихся, немецкие ученые Ф. Тиль и Ф. Бёттхер [Thiel, Böttcher, 2014] выделяют информационно-поисковые, методологические, коммуникативные и рефлексивные компетенции, а также знания в научной отрасли.

К методическим решениям, позволяющим формировать компетенции научно-исследовательской деятельности, с нашей точки зрения, можно отнести технологию исследовательского обучения [Шарипов, 2016]. Активизация учебной деятельности путем вовлечения обучающихся в поисковую работу творческого характера созвучна взглядам М.В. Кларина [Кларин, 1994] и Л. Хубера [Huber, 2013], исследовавшего смежное понятие «forschungorientierte Lehre» («исследовательски-ориентированное обучение»).

Таким образом, проведенный анализ проблемного поля исследования в трудах зарубежных и отечественных педагогов раскрывает ряд важных особенностей компетенций научно-исследовательской деятельности.

### Результаты исследования

Позволим себе поделиться результатами опыта в области оптимизации развития компетенций научно-исследовательской деятельности в процессе преподавания дисциплины «Основы теории немецкого языка» студентам направления «Лингвистика» Тульского государственного университета и, в частности, осуществления руководства курсовым проектированием по данной дисциплине с 2015 года по настоящее время. В своем научно-педагогическом поиске, основанном на изложенных ранее теоретико-методологических изысканиях ученых и анализе практического опыта, нам удалось выделить комплекс психолого-педагогических условий, способствующих развитию компетенций научно-исследовательской деятельности при изучении дисциплины «Основы теории немецкого языка». Данный комплекс условий неоднократно корректировался с учетом дополнения теоретической и научно-методологической базы и анализа постоянно обновляющихся данных о результативности научно-исследовательской деятельности студентов.

Рассмотрим каждое психолого-педагогическое условие комплекса, целью которого является переход обучающихся на более высокий уровень сформированности компетенций научно-исследовательской деятельности.

*Первое условие – придание процессу обучения дисциплине «Основы теории немецкого языка» и руководству курсовым проектированием по данной дисциплине инновационно-исследовательского характера.*

Формулируя данное условие, мы исходили из определений понятий «инновационность», «инновационный потенциал педагога», приводимых в трудах российских учёных Е.С. Быковой [2018], И.Д. Чечель [1998], С.Р. Яголковского [2011]. Являясь, по мнению Е.С. Быковой, одним из наиболее сложных объектов психолого-педагогических исследований, инновационность как черта личности объединяет различные качества: независи-

мость мышления и поступков, чувство юмора, чувство красоты, сильную аргументацию, способность радоваться сложности и новизне информации, оригинальность, всестороннее изучение материала, гибкость [Быкова, 2018]. Проводя всесторонний анализ качества «инновационность», С.Р. Яголковский связывает его со способностями человека воспринимать новые идеи и технологии, а также осмысливать их и творчески дорабатывать [Яголковский, 2011, с. 98]. В связи с этим в нашем понимании инновационность относится к спектру качеств, связанных с умением мыслить нестандартно, оперируя при этом стандартными методологическими средствами. Именно эта характеристика позволяет исследователю привносить новизну в свою работу, идентифицировать уже известную информацию и, опираясь на нее, творчески реализовать исследовательский поиск, ориентированный на получение результатов, эффективно дополняющих существующую научную картину мира.

Таким образом, первое психолого-педагогическое условие предполагает организацию аудиторной и внеаудиторной работы педагога и студентов на основе интеграции актуально значимых и системно самоорганизующихся новообразований, возникающих на основе разнообразия инициатив и новшеств, которые становятся перспективными для эволюции образования и позитивно влияют на его развитие. Данное условие может быть обеспечено различными средствами:

1) с помощью *развития инновационного потенциала педагога* как совокупности «социокультурных и творческих характеристик личности педагога, выражающей готовность совершенствовать педагогическую деятельность и наличие внутренних, обеспечивающих эту готовность средств и методов» [Чечель, 1998], включая желание и возможности развивать свои интересы и представления, искать собственные нетрадиционные решения. Поскольку, как отмечает И.Д. Чечель, наличие инновационного потенциала связано с творческой способностью генерировать и продуцировать новые представления и идеи, проектировать и моделировать их в практических формах, формах деятельности, а также с культурно-эстетической развитостью и образованностью, предполагающей интеллектуальную и эмоциональную развитость [Чечель, 1998], представляется целесообразным развитие преподавателя высшей школы по двойной траектории профессионального развития – как в направлении специфики преподаваемых дисциплин (в нашем случае дисциплин лингвистического цикла), так и в направлении совершенствования педагогического мастерства и выражения результатов данного развития, например, в создании авторских методических разработок, в форме научных публикаций;

2) с помощью *формирования у студентов научной интерпретации преподаваемой дисциплины*, в данном случае дисциплины «Основы теории немецкого языка», путем совместного с обучающимися выявления ее интегрального характера, специфических черт, взаимоотношений со смежными дисциплинами, подбора преподавателем научного материала для лекций и практических занятий, демонстрирующего теоретическую и практическую значимость, актуальность открытий в области данной дисциплины;

3) при помощи *активного вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность* путем развития и удержания интереса к данному виду деятельности благодаря реализации в процессе преподавания дисциплины «Основы теории немецкого языка» и руководства курсовым проектированием уже существующих нестандартных подходов в образовании: включению в контекст занятий, в том числе и лекционных, компонентов, основанных на применении интерактивных методов и приемов обучения [Зеленина, 2017], предполагающих высокую степень самостоятельности обучающихся, их инициативность, развитие социальных навыков и творческих способностей, умение осуществлять информационно-исследовательский поиск. Это могут быть краткие дискуссии на основе просмотра видеосюжетов и презентаций с докладами о последних достижениях в изучаемой

сфере, мозговые штурмы в области поиска новых направлений для исследований, составление алгоритмов и «дорожных карт» проведения исследований, организация конкурсов инновационных научных гипотез, разработка и решение лингвистических задач и т.д.

Например, благодаря проведению занятий по дисциплине «Основы теории немецкого языка» в необычных творческих формах, в частности в *формате «Капсула времени»*, студентам предоставляется возможность почувствовать себя в роли исследователей разных эпох и по-своему решить стоящие перед ними задачи. Учебные занятия в таких формах содействуют росту интереса и мотивации к проведению научно-исследовательской деятельности.

Еще одним направлением, стимулирующим самостоятельный исследовательский поиск студентов, является организация занятий в форме *мастер-классов*, знакомящих с *немецкоязычными национальными корпусами и базами данных, тренингов по применению корпусных технологий в исследованиях*. Как показывает практика [Зеленина, 2016], использование корпусных данных позволяет индивидуализировать процесс проведения исследований, придает актуальность и новизну студенческим проектам.

***Второе условие – придание процессу обучения дисциплине «Основы теории немецкого языка» и руководству курсовым проектированием формирующей рефлексивной направленности.***

Роль рефлексивности как детерминантного свойства для структурной организации внутреннего мира человека в целом доказана многими учеными. Так, А.В. Карпов и Т.А. Воронова констатируют наличие взаимосвязи высокого уровня рефлексии и способностей системы внутреннего мира личности к сохранению общей устойчивости и стабильности, самостоятельному обогащению, самоструктурированию, порождению системности [Карпов, Воронова, 2018].

В контексте проведения научных исследований рефлексивность может подразумевать различные рефлексивные практики, связанные с восприятием, осознанием процесса исследования и того, как данный процесс влияет на его результаты [Hardy et al., 2001]. Особенно интересным с точки зрения процесса обучения, представляется сочетание математической и психологической интерпретаций в понимании рефлексивности британскими учеными М. Аттиа и Дж. Эджем, которые определяют рефлексивность как непрерывное взаимное формирование исследователя исследованием и наоборот («on-going mutual shaping between researcher and research») [Attia, Edge, 2017]. Таким образом, на наш взгляд, может быть намечена личностно-ориентированная формирующая спираль применения рефлексивных практик в рамках исследовательски-ориентированного учебного процесса: *исследование – рефлексия – приращение научного потенциала личности исследователя – исследование на более высоком уровне – рефлексия – приращение научного потенциала личности исследователя и т.д.*

В связи с вышесказанным отметим, что предлагаемое нами второе психолого-педагогическое условие развития компетенций научно-исследовательской деятельности нацелено на развитие у будущих переводчиков способностей к рефлексии, рефлексивности, являющихся важными факторами формирования научного стиля мышления, саморегуляции, и, как следствие, более успешной самореализации в научно-исследовательской деятельности.

Реализация данного условия возможна благодаря следующему:

1) внедрению в процесс осуществления исследования в рамках курсового проектирования по дисциплине «Основы теории немецкого языка» такой рефлексивной практики как ведение «Дневника исследователя» [Nadin, Cassel, 2006]. Рефлексия в рамках научного труда предполагает неоднократное осмысление и переосмысление ключевых позиций исследования, его методики, направления, критический анализ уже достигнутых теоретиче-

ских и практических результатов, их интерпретацию, корректирование процесса исследования на основе уже очерченных перспектив и планов. Ведение дневника, в котором студент фиксирует свои мысли и идеи по поводу исследования, рекомендации руководителя проекта, позволяет создать подробную историю исследования, отражает маршруты, по которым осуществлялся научно-исследовательский поиск, помогает провести отбор научного материала для оформления финального варианта курсового проекта, отражает в целом развитие исследовательских качеств обучающегося. Относительно структуры «Дневника исследователя», его формы (на бумажном или электронном носителе, видео- или аудиозапись), наличия обязательных элементов содержания и степени детализированности его заполнения рекомендуем, опираясь на опыт руководства курсовыми проектами, предоставление студентам свободы выбора. Такой подход позволяет учесть индивидуальные особенности личности студентов различных психотипов, в том числе тех, для кого проведение исследования является формой стихийного творчества, и любая регламентация данного процесса может оказывать демотивирующий эффект;

2) систематическому мониторингу развития элементов компетенций научно-исследовательской деятельности как комплексу диагностических процедур, включающему получение и обработку результатов обратной связи об итогах каждого из этапов исследовательской работы студентов (от выбора темы до предоставления финального варианта курсового проекта в печатном и электронном видах и защиты проекта) с целью своевременной коррекции приобретаемых элементов компетенций и представления рекомендаций по более эффективному их развитию. Очное обсуждение хода исследования, поиск решений возникающих научных проблем могут быть эффективно дополнены консультированием с помощью информационно-коммуникационных технологий, сети Интернет;

3) коллегиальному обсуждению и оцениванию группой экспертов результатов исследования: качества оформления курсового проекта, качества доклада студента, уровня защиты проекта с обязательной последующей аргументацией позиции экспертов. Без этой информации и успех, и неудача в плане проведения исследования приобретают однократный характер и не могут расцениваться как результат технологически выстроенной последовательности действий.

*Третье условие – целенаправленное формирование у студентов положительного имиджа современного ученого-исследователя.*

В основу данного условия положены идеи взаимосвязи результативности научно-исследовательской работы отдельных ученых и научных учреждений в целом, приоритетности развития научного потенциала для государства, озвученные Дж. Абрамо, руководителем Лаборатории исследований в области оценки научной деятельности Института системного анализа и вычислительной техники (IASI-CNR) Национального научно-исследовательского совета Италии. Считая инновации, основанные на научных исследованиях, источниками конкурентного преимущества на уровне как отдельных производств, так и целых государств, Дж. Абрамо отводит университетам важнейшую роль в генерировании и трансляции нового знания и новых научных достижений и, следовательно, в производственной конкуренции, экономическом росте и решении проблемы занятости [Абрамо, 2017, с. 112].

Таким образом, третье психолого-педагогическое условие мы связываем с развитием личности выпускника, ориентированной на научно-исследовательские достижения, профессиональное саморазвитие в сфере науки, осознающей перспективность правильно выстроенной научной деятельности для блага общества. Обеспечение данного условия возможно благодаря следующему:

1) трансляции студентам научно-исследовательского опыта (собственного, коллег-преподавателей, известных ученых) по осуществлению научно-исследовательского поис-

ка. Результаты данного поиска могут быть представлены в виде научных статей, монографий, учебных пособий и т.д. Таким образом студенты получают наглядное представление о деятельности современных исследователей, ее результативности, возможностях применения ее достижений в практике преподавания и исследования, получают положительный профессиональный пример (что особенно важно для самоопределения молодых людей позднего подросткового возраста).

2) эффективному погружению студентов в современный научный мир с помощью ознакомления с его актуальными реалиями: например, национальной библиографической базой данных научного цитирования РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), политематической реферативно-библиографической и наукометрической (библиометрической) базой данных Web of Science, единой базой данных, содержащей аннотации и информацию о цитируемости рецензируемой научной литературы, Scopus, фондами исследований, научными социальными сетями. Осознание студентами многообразия сфер для проявления научного потенциала способствует формированию панорамности и гибкости научного мышления обучающихся.

3) совместно с преподавателем проектированию перспективной траектории индивидуального развития молодого исследователя путем изучения будущих возможностей апробации и развития результатов проводимого обучающимися исследования: выступление на конференции, публикация в сборнике научных трудов, включение результатов исследования в последующие научные работы, участие в грантовых и стипендиальных программах и т.д. Таким образом намеченная перспективная траектория создает для обучающегося будущий научный задел, открывает потенциал, который он может успешно реализовать при эффективном развитии компетенций научно-исследовательской деятельности.

*Четвертое условие – придание процессу развития компетенций научно-исследовательской деятельности психологически благоприятного характера.*

Необходимость включения данного педагогического условия в проектируемый комплекс продиктована, с нашей точки зрения, актуальностью соблюдения требований психологии безопасности образовательной среды как одной из отраслей безопасности личности.

В рамках педагогического процесса и процесса руководства научно-исследовательской деятельностью студентов возникновение ситуаций, воспринимаемых как создающие состояние нестабильности, стресса, может быть связано со строгой детерминированностью в плане соблюдения сроков проведения исследований, необходимостью получения убедительных научных результатов в течение ограниченного периода времени, сложностью построения логики исследования и другими факторами. Как отмечают Н.В. Матяш и Т.А. Павлова, к числу важных психологических требований к личности для развития и сохранения ее психологической безопасности можно отнести способность к саморегуляции, рефлексивность, коммуникативные способности [Матяш, Павлова, 2018]. Однако не все участники учебного процесса обладают характеристиками, позволяющими противостоять негативному психологическому воздействию. В связи с этим представляется необходимой реализация мер, направленных на минимизацию эффекта негативного психологического воздействия на личность обучающегося и обучающего.

Формирование бережного отношения к личности обучающего и обучающегося в процессе развития компетенций научно-исследовательской деятельности достигается благодаря следующему:

1) приданию процессу руководства курсовыми проектами по дисциплине «Основы теории немецкого языка» субъект-субъектного характера, что предполагает организацию аудиторной и внеаудиторной работы как взаимодействия, сотрудничества педагога и студентов, нацеленного на переход обучающихся на более высокий уровень сформированности компетенций научно-исследовательской деятельности. Построение руководства кур-

совым проектированием исходя из признания студента в качестве субъекта научно-исследовательской деятельности, субъекта формирования компетенций, способствует совместности и скоординированности действий обучающего и обучающегося, укреплению взаимоуважения и признанию научной позиции преподавателя и студента;

2) организации на занятиях по дисциплине «Основы теории немецкого языка» презентаций научно-исследовательских кейсов коллегами-студентами старших курсов, в которых они делятся опытом проведения исследований, описывают особенности работы с теоретическим материалом, источники и методы анализа практического материала, рассказывают о возникших в процессе исследования трудностях и способах их преодоления. Такая практика апеллирует к эффекту положительного примера, проекции чужого продуктивного опыта на свою деятельность, оказывает стимулирующее воздействие;

3) включению в процесс проведения занятий по дисциплине «Основы теории немецкого языка» микроэлементов групповой психокоррекции эмоциональной сферы. Тренинговая компонента позволяет снизить эмоциональное напряжение участников педагогического процесса, адекватно оценивать ситуации, концентрироваться на положительных аспектах ведения научно-исследовательской деятельности. В частности, в нашей педагогической практике мы обращаемся к упражнениям тренинга снижения психоэмоционального напряжения, предлагаемым Т.В. Эксакусто для предотвращения возникновения хронической усталости и эмоционального выгорания: «Хорошее в плохом», «Золотая рыбка», «Оранжевые очки», «Рисую внутреннюю речь» [Эксакусто, 2010];

4) проведению преподавателем тренингов лингвистической креативности, нацеленных на создание атмосферы творческого поиска. Для реализации данного положения нами была разработана серия мини-тренингов лингвистической креативности с учетом интегральной специфики дисциплины «Основы теории немецкого языка». Каждый тренинг подразумевает совместное со студентами решение олимпиадной лингвистической задачи, связанной тематически с одним из изучаемых разделов дисциплины (например, «Фонетика», «Морфология»), и направлен на осмысление важных лингвистических понятий, таких как «фонема», «морфема», «падеж» и другие. Данные тренинги нацелены на создание позитивных эмоций, которыми сопровождается верное решение задачи, предложенное студентами или найденное с помощью подсказки преподавателя, и позволяют обучающимся глубже проникнуть в суть изучаемых явлений. Регулярное обращение к данным тренингам помогает выработать конструктивное отношение к ситуациям фрустрации в процессе исследования, вызванным временной неспособностью нахождения варианта решения на основе имеющейся в распоряжении информации, восприятию таких ситуаций как закономерного этапа творческого научно-исследовательского поиска.

### Заключение

Таким образом, разработанный в результате проводимого нами исследования комплекс психолого-педагогических условий отражает трансформирующую сущность компетенций научно-исследовательской деятельности. Данный комплекс ориентирован на целенаправленное формирование научного мышления, научного подхода к решению научно-исследовательских задач, нивелирование научного дилетантизма, характеризующегося однократностью успешного результата, благодаря чему способствует развитию компетенций научно-исследовательской деятельности при изучении дисциплины «Основы теории немецкого языка» и выполнении курсовых проектов по данной дисциплине.

Результаты, выводы и разработки не претендуют на исчерпывающее и окончательное решение проблемы развития компетенций научно-исследовательской деятельности, а представляют собой один из вариантов оптимизации данного процесса в рамках преподавания конкретной дисциплины в условиях высшей школы.

### Список литературы

1. Абрамо Дж. 2017. Библиометрическая оценка результативности научно-исследовательской работы: к чему мы пришли? Пер. с англ. Л. Трониной. Вопросы образования, 1: 112–127.
2. Быкова Е.С. 2018. Психологическое исследование характеристик инновационной личности: теория и опыт. Человеческий фактор: Социальный психолог, 1 (35): 218–228.
3. Зеленина Е.В. 2016. К вопросу использования лингвистического материала Национального корпуса русского языка при разработке компетентностно-ориентированных заданий (на примере изучения «ложных друзей переводчика»). Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 1 (70): 170–175.
4. Зеленина Е.В. 2017. Лекция с интерактивным компонентом. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2 (75): 242–248.
5. Казарина Л.А. 2013. Показатели сформированности исследовательской компетентности учащихся профильных классов. Вестник Томского государственного педагогического университета, 7 (135): 196–201.
6. Карпов А.В., Воронова Т.А. 2018. Рефлексивность как детерминанта структурной организации внутреннего мира человека. Историческая и социально-образовательная мысль, 10 (3/2): 104–110.
7. Кларин М.В. 1994. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. М., Арена, 224 с.
8. Матяш Н.В., Павлова Т.А. 2018. Устойчивость личности к негативному психологическому воздействию как проблема психологической безопасности личности. В кн.: Организационные и психолого-педагогические проблемы безопасности личности и социальной среды. Материалы Международной научно-практической конференции (Брянск, 25-26 апреля 2018 г.). Под ред. Н.В. Матяш, О.А. Карнеевой, Р.К. Карнеева, Г.Ф. Голубевой. Брянск, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского: 63–69.
9. Чечель И.Д. 1998. Управление исследовательской деятельностью педагога и учащегося в современной школе. М., Сентябрь, 144 с.
10. Шарипов Ф.В. 2016. Технология исследовательского обучения. Международный журнал экспериментального образования, 5: 371–374.
11. Шестак В.П., Шестак Н.В. 2011. Формирование научно-исследовательской компетенции и «академическое письмо». Высшее образование в России, 12: 115–119.
12. Эксакусто Т.В. 2010. Практикум по групповой психокоррекции: тренинги, упражнения, ролевые игры. Ростов н/Д., Феникс, 339 с.
13. Яголковский С.Р. 2011. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 271 с.
14. Attia M., Edge J. 2017. Be(com)ing a reflexive researcher: a developmental approach to research methodology. Open Review of Educational Research, 4 (1): 33–45.
15. Hardy C., Phillips N., Clegg S. 2001. Reflexivity in organization and management theory. Human Relations, 54 (5): 531–60.
16. Huber L. 2013. Forschungs- und Berufsorientierung in der akademischen Lehre. Redemanscript. Zürich, 11. Available at: [https://gabi-reinmann.de/wp-content/uploads/2013/12/Vortrag\\_Zuerich\\_Dez2013.pdf](https://gabi-reinmann.de/wp-content/uploads/2013/12/Vortrag_Zuerich_Dez2013.pdf) (accessed: 03.05.2019).
17. Meijers A.W.M., Borghuis V.A.J., Mutsaers E.J.P.J., Overveld van C.W.A.M., Perrenet J.C. 2005. Criteria voor academische bachelor en master curricula = Criteria for academic bachelor's and master's curricula. 2e, gew. dr. ed. Eindhoven: Technische Universiteit Eindhoven, 24. Available at: <https://pure.tue.nl/ws/portalfiles/portal/2008910/591930E.pdf> (accessed: 03.05.2019).
18. Nadin S., Cassel C. 2006. The use of a research diary as a tool for reflexive practice: Some reflections from management research. Qualitative Research in Accounting & Management, 3 (3): 208–217.
19. Thiel F., Böttcher F. 2014. Modellierung fächerübergreifender. Forschungskompetenzen. In: Neues Handbuch Hochschullehre. Berlin: Raabe: 109–124 Available at: [https://www.fu-berlin.de/sites/fof/\\_media/Thiel\\_Boettcher\\_2014\\_Modellierung-faecheruebergreifender-Forschungskompetenzen.pdf](https://www.fu-berlin.de/sites/fof/_media/Thiel_Boettcher_2014_Modellierung-faecheruebergreifender-Forschungskompetenzen.pdf) (accessed: 03.05.2019).



## References

1. Abramo G. 2017. Bibliometriceskaja ocenka rezul'tativnosti nauchno-issledovatel'skoj raboty: k chemu my prishli? [Bibliometric Evaluation of Research Performance: Where Do We Stand?]. *Voprosy obrazovaniya*, 1: 112–127.
2. Bykova E.S. 2018. Psihologicheskoe issledovanie harakteristik innovacionnoj lichnosti: teorija i opyt [A psychological study of the characteristics of an innovative personality: theory and experience]. *Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog*. 1 (35): 218–228.
3. Zelenina E.V. 2016. K voprosu ispol'zovanija lingvisticheskogo materiala Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka pri razrabotke kompetentnostno-orientirovannyh zadaniy (na primere izuchenija «lozhnyh druzej perevodchika») [On using Russian National Corpus data in constructing competence-based tasks (on the example of translator's false friends learning)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 1 (70): 170–175.
4. Zelenina E.V. 2017. Lekcija s interaktivnym komponentom [Lecture with an interactive component]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2 (75): 242–248.
5. Kazarina L.A. 2013. Pokazateli sformirovannosti issledovatel'skoj kompetentnosti uchashhihsja profil'nyh klassov [Formed research competence indicators of profile class learners]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7 (135): 196–201.
6. Karpov A.V., Voronova T.A. 2018. Refleksivnost' kak determinanta strukturnoj organizacii vnutrennego mira cheloveka [Reflexivity as determinant of structural organization of man's inner world]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*, 10 (3/2): 104–110.
7. Klarin M.V. 1994. Innovacionnye modeli obuchenija v zarubezhnyh pedagogicheskikh poiskah. *M., Arena*, 224 p.
8. Matjash N.V., Pavlova T.A. 2018. Ustojchivost' lichnosti k negativnomu psihologicheskomu vozdejstvuju kak problema psihologicheskoi bezopasnosti lichnosti [Resistance of the personality to negative psychological impact as problem of psychological safety of the personality]. In: *Organizacionnye i psihologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti lichnosti i social'noj sredy* [Organizational and psychological-pedagogical problems of personal security and social environment]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii (Bryansk, 25-26 aprelya 2018 g.)*. Pod red. N.V. Matyash, O.A. Karneevoy, R.K. Karneeva, G.F. Golubevoy. Bryansk, Bryanskiy gosudarstvennyy universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo: 63–69.
9. Chechel' I.D. 1998. Upravlenie issledovatel'skoj dejatel'nost'ju pedagoga i uchashhegosja v sovremennoj shkole [Management of research activities of a teacher and a student in a modern school]. *M., Sentjabr'*, 144 p.
10. Sharipov F.V. 2016. Tehnologija issledovatel'skogo obuchenija [Research Education Technology]. *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovaniya*, 5: 371–374.
11. Shestak V.P., Shestak N.V. 2011. Formirovanie nauchno-issledovatel'skoj kompetencii i «akademicheskoe pis'mo» [Research competence and academic writing]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 12: 115–119.
12. Jeksakusto T.V. 2010. Praktikum po gruppovoj psihokorrekcii: treningi, uprazhnenija, rolevye igry [Workshop on group psychocorrection: trainings, exercises, role-playing games]. *Rostov n/D., Feniks*, 339 p.
13. Jagolkovskij S.R. 2011. Psihologija innovacij: podhody, modeli, process [Psychology of innovation: approaches, models, processes]. *M., Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki*, 271 p.
14. Attia M., Edge J. 2017. Be(com)ing a reflexive researcher: a developmental approach to research methodology. *Open Review of Educational Research*, 4 (1): 33–45.
15. Hardy C., Phillips N., Clegg S. 2001. Reflexivity in organization and management theory. *Human Relations*, 54 (5): 531–60.
16. Huber L. 2013. Forschungs- und Berufsorientierung in der akademischen Lehre. Redemanuskript. Zürich, 11. Available at: [https://gabi-reinmann.de/wp-content/uploads/2013/12/Vortrag\\_Zuerich\\_Dez2013.pdf](https://gabi-reinmann.de/wp-content/uploads/2013/12/Vortrag_Zuerich_Dez2013.pdf) (accessed: 03.05.2019).
17. Meijers A.W.M., Borghuis V.A.J., Mutsaers E.J.P.J., Overveld van C.W.A.M., Perrenet J.C. 2005. Criteria voor academische bachelor en master curricula = Criteria for academic bachelor's and mas-



ter's curricula. 2e, gew. dr. ed. Eindhoven: Technische Universiteit Eindhoven, 24. Available at: <https://pure.tue.nl/ws/portalfiles/portal/2008910/591930E.pdf> (accessed: 03.05.2019).

18. Nadin S., Cassel C. 2006. The use of a research diary as a tool for reflexive practice: Some reflections from management research. *Qualitative Research in Accounting & Management*, 3 (3): 208–217.

19. Thiel F., Böttcher F. 2014. Modellierung fächerübergreifender. *Forschungskompetenzen*. In: *Neues Handbuch Hochschullehre*. Berlin: Raabe: 109–124 Available at: [https://www.fu-berlin.de/sites/fof/\\_media/Thiel\\_Boettcher\\_2014\\_Modellierung-faecheruebergreifender-Forschungskompetenzen.pdf](https://www.fu-berlin.de/sites/fof/_media/Thiel_Boettcher_2014_Modellierung-faecheruebergreifender-Forschungskompetenzen.pdf) (accessed: 03.05.2019).

### **Ссылка для цитирования статьи**

#### **For citation**

Зеленина Е.В. 2020. Оптимизация психолого-педагогических условий развития научно-исследовательских компетенций в процессе подготовки будущих переводчиков (на примере дисциплины «Основы теории немецкого языка»). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 39 (1): 47–57. DOI: 10.18413/2687-0940-2020-39-1-47-57

Zelenina E.V. 2020. Optimization of psychological and pedagogical conditions for developing scientific research competences in translator training (on the example of the discipline “Basic theory of the German language”). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39 (1): 47–57 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0940-2020-39-1-47-57

УДК 374

DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-58-65

**БИБЛИОТЕЧНЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДЕТСТВА****LIBRARY RESOURCES FOR CHILDHOOD DEVELOPMENT****Ю.А. Черниенко****Yu.A. Cherniyenko**

Алтайский государственный институт культуры,  
Россия, 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, д. 277

Altai State Institute of Culture,  
277 Jurina St, Barnaul, 656055, Russia

E-mail: kochemarskaya@mail.ru

**Аннотация**

Развитие библиотечного сервиса, направленного на привлечение внимания нечитающей аудитории, становится важным направлением в информационной поддержке детства. Изучение чтения детей в цифровой среде востребовано на практике, но, к сожалению, не достаточно разработано в теории. Целью исследования является анализ активных форм современного сотрудничества с потребителями информации в центральных и региональных детских библиотеках, разворачивающих работу по оптимизации и всестороннему охвату потенциальных ресурсов библиотечной аудитории. В контексте проблемы интересным представляется и опыт представителей книжного рынка по работе с превентивным потребителем. Трансформация библиотеки под влиянием потребностей людей в общении, развитии творческих способностей и самовыражении позволяет актуализировать её роль в общественном обучении, саморазвитии. Современные проекты способствуют преодолению цифрового неравенства, привлекая в библиотеку не только читателей, но и слушающих текст, играющих со словами, а также увлеченных разнообразными хобби, не связанными с чтением и книгой. Следовательно, библиотека для ребенка открывает доступ к безопасному информационному пространству и предоставляет возможности для его саморазвития как читателя.

**Abstract**

The development of library services aimed at attracting the attention of non-reading audiences is becoming an important direction in information support for children. In order to work with the non-reading audience of the digital generation, the Russian state children's library invited children, parents and managers of children's reading to use the collected materials and participate in the development of the Internet portal "Weblandia" – a catalog of the best and safest sites for children. A distinctive feature of the new product is its focus not only on reading enthusiasts, but also on those who do not want to read, preferring sources of a different informational nature-sound, video, and so on. In the latter case, the library should not be engaged in promoting literature. On the contrary, in order not to lose its influence in society, it is able to keep such non-readers in its audience, using modern technological information resources. The problem statement in this formulation is clearly recognized by practitioners. The study of children's reading in a digital environment is in demand in practice, but, unfortunately, it is not sufficiently developed in theory. The purpose of the research is to analyze active forms of modern cooperation with information consumers in Central and regional children's libraries, which are developing work to optimize and comprehensively cover the potential resources of the library audience. In the context of the problem, the experience of representatives of the book market in working with the preventive consumer is also interesting. The transformation of the library under the influence of people's needs for communication, development of creative abilities and self-expression allows us to actualize its role in public education and self-development. Modern projects help to overcome digital inequality by attracting not only readers to the library, but also those who listen to the text, play with words, and are interested in various Hobbies that are not related to reading and reading. Therefore, a library for a child

opens access to a secure information space and provides opportunities for their self-development as a reader.

**Ключевые слова:** библиотека, детское чтение, детская библиотека, дети, саморазвитие, информационная безопасность, информационное пространство.

**Keywords:** library, children 's reading, children 's library, children, self-development, information security, information space.

## Введение

Развитие детских библиотек в течение XX в. способствовало тому, что они заслуженно стали обязательным элементом культурной среды региона. Освоение современных технологий позволяет детским библиотекам развить новые навыки интерактивного сотрудничества, стать полноправным партнером в структуре информационного общества. Российское законодательство стремится всесторонне обеспечить право ребенка на информацию. Федеральный закон «О библиотечном деле» наделяет аудиторию детского и юношеского возраста, как особую группу пользователей, правом «на библиотечное обслуживание в общедоступных библиотеках, специализированных государственных детских и юношеских библиотеках, а также в библиотеках образовательных организаций»<sup>1</sup>.

Государство поддерживает развитие библиотечного обслуживания детей и юношества в числе наименее социально и экономически защищенных слоев и групп населения. Убедительным примером такой заботы является организация в 2012 г. Российской государственной детской библиотекой (РГДБ) Национальной электронной детской библиотеки, способствующей расширению границ традиционного профессионального пространства и преодолению информационного неравенства библиотек и юных читателей в российских регионах<sup>2</sup>. Участниками этого проекта являются старейшие национальные библиотеки страны – Российская Государственная и Российская Национальная, Государственная публичная историческая библиотека России, Чувашская республиканская детско-юношеская и Ростовская областная детская библиотека им. В. М. Величкиной, Цифровая библиотека университета Принстона (США) и собрания частных коллекционеров.<sup>3</sup> Уже 787 библиотек, обслуживающих детей и юношество, воспользовались услугой по осуществлению доступа юридическим лицам к электронному ресурсу «Национальная электронная детская библиотека». Этот факт подтверждает мнение исследователей о том, что дети и подростки пользуются Интернетом в большей степени, чем другие возрастные группы [Hutchinson et al., 2005, с. 4].

Средние школы, лицеи, гимназии, общеобразовательные некоммерческие организации, учреждения дополнительного профессионального образования, сельские, межпоселенческие, областные, краевые, республиканские детские библиотеки и централизованные системы, в том числе и детских библиотек, отдельные филиалы оценили возможности виртуального «докомплектования». Между тем РГДБ готова расширять сотрудничество с различными учреждениями, включая детские сады, выразившими согласие на обеспечение доступа к НЭДБ на своей территории.

Архив оцифрованных материалов РГДБ пока невелик и насчитывает 19 614 единиц

<sup>1</sup> О библиотечном деле. Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. N 78-ФЗ в действующей редакции. URL: <https://base.garant.ru/103585/> (дата обращения: 10.12.2019).

<sup>2</sup> Российская государственная детская библиотека. Официальный сайт. 2005-2010. URL: <https://rgdb.ru/> (дата обращения: 10.12.2019).

<sup>3</sup> Национальная электронная детская библиотека. Архив оцифрованных материалов. Российская государственная детская библиотека. 2012-2019. URL: <https://arch.rgdb.ru/xmlui/page/creators> (дата обращения: 10.12.2019).

хранения книг, журналов, газеты и диафильмов. Использование программ-оболочек для представления электронных версий документов разрешает потребителю «переворачивать» страницы, таким образом, программистам удалось найти удачный компромисс, избежать противопоставления традиционной и электронной книги. Тематические коллекции представлены календарями и альманахами для детей, историей пионерского движения, робинзонадой в детской литературе и т.п. Присутствие диафильмов в фонде Национальной электронной детской библиотеки отвечает требованиям современного законодательства к библиотечной деятельности. При этом сфера влияния федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» охватывает всё разнообразие информационного контента, не ограничивается изданиями, рассматривая информационное воздействие звука, статичного и динамического изображения<sup>1</sup>.

Широкая трактовка временных границ детства от 0+ до 16+, предложенная Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», соответствует рекомендациям документов международного значения, расширительно оперирующих понятием социального детства для характеристики аудитории<sup>2</sup>. Дифференциация детской аудитории актуальна и для библиотек в контексте тренда на защиту информационного пространства ребенка. Видовое разнообразие документов заставляет библиотеку совершенствовать информационный сервис и обратить внимание на потенциальных пользователей. Речь идет о неумеющих читать в силу возраста и о нежелающих обращаться к чтению, предпочитая источники иной информационной природы – звук, видео и прочее. В последнем случае библиотеке не стоит заниматься пропагандой литературы. Напротив, стремясь не потерять свое влияние в обществе, она способна сохранить таких нечитателей в составе своей аудитории, используя современные технологические информационные ресурсы. Постановка проблемы в такой формулировке явственно осознана практиками. Изучение чтения детей в цифровой среде востребовано на практике, но к сожалению, не достаточно разработано в теории. Отмечается определенный интерес к изучению таких аспектов проблемы, как чтение в электронном, аудиовизуальном форматах [Фомина, 2011, 2012, 2015, 2019; Жилавская, 2016], в том числе чтение вслух [Hamilton, 2009; Фомина, 2018]. Эксплуатация информационного пространства вновь актуализирует роль библиотекаря как посредника [Kruger H., 2005; Davis J., 2019].

Целью исследования является изучение активных форм современного сотрудничества с потребителями информации в центральных и региональных детских библиотеках, развертывающих работу по оптимизации и всестороннему охвату потенциальных ресурсов библиотечной аудитории. Авторами представлены примеры не только из библиотечной практики. В контексте проблемы интересным представляется опыт книжного рынка по работе с превентивным потребителем.

### **Воспитание потенциального покупателя книжной продукции**

Наиболее успешный опыт работы с детьми, еще не умеющими читать в силу возраста, имеют представители книжного рынка. Воспитывая потенциального покупателя своей продукции, они умело используют плавный переход от игрушек через кубики и пазлы к книжке-игрушке и сотворчеству, предлагая маленьким потребителям альбомы с наклейками по мотивам произведений мировой мультипликации. Ярким примером может служить программа издательства «Эгмонт Россия» (с 2019 г. издательский дом «Лев»), дочерней фирмы датского издательского концерна «Egmont International Holding», имею-

<sup>1</sup> О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ в действующей редакции. URL: <https://base.garant.ru/12181695/> (дата обращения: 10.12.2019).

<sup>2</sup> Convention of the Rights of the Child. New York, 20 November 1989 (англ.). Available at: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CRC.aspx> (accessed: 10.12.2019).

щего более ста представительств в 25 странах мира. Являясь официальным лицензиатом Disney, Mattel, Warner Bros., Hasbro, Rainbow, Viacom, издательство выпускает красочные, прекрасно оформленные книги, раскраски, сборники кроссвордов и головоломок, книжки-вырубки, книжки с наклейками<sup>1</sup>. Ассортимент иллюстрированных изданий с любимыми анимационными персонажами, развивающих книжек с наклейками и раскрасок дополняют серии «Город мастеров» и «Пестрый квадрат», собравшие лучшие произведения современных российских авторов и художников-иллюстраторов. Игровой формат весело и увлекательно знакомит ребёнка с понятиями цвета и формы, размера и количества, учит самостоятельно размышлять, наблюдать, сравнивать и узнавать новое. Сотрудники детских библиотек традиционно изучают читательские интересы двух доминирующих групп пользователей: дошкольного и младшего школьного возраста и среднего и старшего школьного возраста<sup>2</sup>.

### **Программа работы Российской государственной детской библиотеки с нечитающей аудиторией цифрового поколения**

Ориентированный на отклик современных потребителей информационный рынок предлагает книги в аудио формате, размещенные на многочисленных и разнообразных, не всегда безопасных интернет-ресурсах. Нарастив работу с нечитающей аудиторией цифрового поколения, РГДБ предложила детям, родителям и руководителям детского чтения воспользоваться собранными материалами и принять участие в развитии интернет-портала «ВебЛандия». Его создатели стремились представить лучшие сайты и привлечь заинтересованные стороны к экспертизе и формированию банка заказов и рекомендаций, примечательных с их точки зрения. Среди рекомендаций знакомых школьных (иностранные языки, математика) и «нешкольных» (путешествия и туризм, экономика, бизнес и коммерция) предметов особо следует отметить раздел, посвященный электронным справочным ресурсам: электронным библиотекам; энциклопедиям, словарям, справочникам; аудиокнигам, аудиопроектам, радиопрограммам. Освоение предлагаемых средств поиска (по алфавиту, ключевому слову, тематике, возрастным критериям) становится для ребенка первым шагом на пути к формированию информационной культуры личности. В этом процессе он не бесправный элемент образовательных манипуляций, а полноправный участник и пользователь, а возможно и инициатор «создания» или обновления представленной тематики пазлов.

Отличительной особенностью нового продукта является ориентация не только на любителей чтения. Неожиданны разнообразны предложения и для нечитателей – игры и развлечения, часто иностранной генерации: головоломки, поделки и раскраски, коллекционирование, рукоделие, кулинария, мода. Подборка способна убедить обратившегося в прагматичном характере чтения, привлечь его в число потребителей информации, увеличив круг библиотечной аудитории через «некнижные» порталы. «ВебЛандия» адресована шахматистам, фотографам, биологам, искусствоведам, поклонникам технического творчества и конструирования. Как отмечает А.А. Фомина, «неотъемлемым элементом при формировании условий информационной среды детства в рамках противостояния психическому, эмоциональному насилию над личностью», является освоение и изучение «норм и реакции социума, индивида на информационное пространство» [Фомина, 2009, с. 241].

Не меньше достоин внимания и проект «РГДБ – ТВ», хотя подобные ресурсы сложно развивать в регионах. Тем не менее, работа с теми, кто не любит читать, но не

<sup>1</sup> Издательский дом «Лев». Официальный сайт. 2019. URL: <https://www.leobooks.ru/> (дата обращения: 10.12.2019).

<sup>2</sup> Отдел обслуживания читателей. URL: <http://www.akdb22.ru/otdel-o> (дата обращения: 23.03.2020).

прочь обратиться к иным каналам коммуникации, развивается на местах по примеру ведущей детской библиотеки страны.

### **Интерактивная форма представления информации: методики региональных детских библиотек**

Библиотекари Алтайского края стремятся развивать интерактивное партнерство с детской и подростковой аудиторией, уходя от стереотипов в поиске наиболее эффективных методов и приемов работы. Анализ чтения детских журналов, проведенный в крае, выявил популярность далеко не текстовой части. Среди предпочитаемых рубрик на первых местах компьютерные игры, головоломки, ребусы, кроссворды, загадки, сканворды, что делает востребованными мероприятия, благотворно воздействующие на активизацию эмоционального восприятия [Практика библиотечных..., 2014].

Совершенствуя методику работы, сотрудники Алтайской краевой детской библиотеки использовали идею коллег Челябинской областной детской библиотеки. Создатели библиотрансформера – методической игрушки – стремились смоделировать новый информационный продукт адресно, используя целиком или отдельные части фонда своей библиотеки [Смотрова, 2011, с. 43]. Комбинация фактографической и библиографической информации в модулях первого трансформера, посвященного Марии Склодовской-Кюри, включала следующее:

«1. Женщина-легенда: досье. Представлена самодостаточная фактографическая информация с отсылками к библиографии.

2. Женщина-легенда: персональная памятка. Минимум фактографических сведений + аннотированный библиографический список.

3. Книжки для негламурной молодежи: закладка. Библиографическая информация, пособие малой формы.

4. Статьи из энциклопедических изданий и периодики: закладка. Библиографическая информация, пособие малой формы.

5. Россыпи фактов из жизни М. Склодовская-Кюри: листовка. Фактографическая информация.

6. Шорт-лист. Рекомендательная аннотация, отдельный факт из биографии учёного» [Смотрова, 2011, с. 44].

Привлекательной чертой алтайского библиотрансформера, пропагандирующего произведения А. Никольской, является его ориентация на развитие интерактивности, поэтому уже известные модули – книжная закладка, информационная листовка, информационно-библиографический словарь, биобиблиографический указатель – получили обновление и дополнение мультимедийным уроком-презентацией, видеовикториной и видеоуроком. Книжная закладка «Анна Никольская – писательница Алтайского края» включает биографию, список ее произведений, отрывок из книги. Информационная листовка «Хочу спросить у Анны Никольской» включает вопросы читателей к писателю («Какие ценности в жизни являются для Вас приоритетными? «Связаны ли Ваши рассказы с реальными людьми и историями из жизни»). Идея заочного интервью, предложенная сотрудниками библиотеки, получила продолжение в видеовикторине «Вопросы от Анны Никольской». Писательница оперативно сделала и прислала видеозапись вопросов к юным читателям. Информационно-библиографический словарь «Породы собак в произведениях Анны Никольской» опосредованно касается литературного творчества, поскольку содержит дополнительную энциклопедическую информацию об отдельной теме, может быть, интересной не столько для почитателей литературного таланта автора, сколько для юных кинологов. Видеоурок «Анна Никольская» включил рассказ писательницы о себе и своем творчестве, видеointerview с читателями, видеобзор произведений А. Никольской и оказался современной интерпретацией биобиблиографического жанра.

Интерактивная форма представления информации позволяет легко трансформировать не только ее структуру, но и наполнение содержания. Другими словами, библиотрансформер может быть легко адаптирован под любую целевую аудиторию с учетом запросов и потребностей «нечитающего» ребенка. Методика библиотрансформера, разработанная специалистами Алтайской краевой детской библиотеки, была использована в 2013 г. на занятиях клуба «Юный информатик» для детей младшего школьного возраста в Чувашской республиканской детско-юношеской библиотеке [Необъятен и велик..., 2015, с. 3]. Над созданием каждого из семи модулей библиотрансформера, посвященного юбилею великого детского писателя и поэта, драматурга, прозаика, публициста, киносценариста, переводчика, общественного деятеля Сергея Владимировича Михалкова (книжными закладками, информационными листовками, списками литературы, памятками, планами чтения и т. д.) трудились не только сотрудники библиотеки, но и участники клуба. Создание книжной закладки «Дядя Степа на все времена», информационной листовки «Что я бы спросил у С. В. Михалкова?», информационно-библиографического словарика «Дети в произведениях С. В. Михалкова», пособия-сочинения «Добрый и веселый Сергей Михалков» определило содержание практической части занятий клуба.

Специалисты отмечают неподдельный интерес школьников к выпуску авторской книги, вызвавшей настоящее «паломничество к выставке. Ребята, приложившие руку к изданию этой книги, подводили своих друзей к выставке и с гордостью демонстрировали своё творение. Создавая книгу, дети учились правильно оценивать те детали, которые без практического опыта так и остались бы для них не до конца ясными и понятными. Так, например, при создании страниц будущей книги ими не всегда учитывалось правильное соотношение текста, картинок и полей страницы. Они не брали в расчёт того, что поля будущей книги должны быть одинаковы не только для красоты и соразмерности, но и для того, чтобы удобнее скрепить или сшить страницы друг с другом. Тексты должны быть ровными, шрифты по возможности одинаковы. А сколько было внесено уточнений и изменений, сколько листов испорчено при создании обложки книги. Ведь обложка – это как бы "лицо" книги, выдающее самые первые и значимые сведения о ней. Почувствовать себя в роли книгоиздателя, редактора и корректора – и всё это за несколько занятий!» [Необъятен и велик..., 2015, с. 5–6].

Основными ограничениями данного исследования следует считать незначительный охват регионов России, поскольку изучаемый опыт работы получил слабое отражение в публикациях и на сайтах библиотек.

### Заключение

Трансформация библиотеки под влиянием потребностей людей в общении, развитии творческих способностей и самовыражении способствует её превращению в то место «коммуникации и public learning (общественное обучение, саморазвитие), где люди смогут самоорганизовываться, собираться в группы», используя «любые базы и любые медиа» [Лизон, 2013, с. 1]. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современные проекты содействуют преодолению цифрового неравенства, привлекая в библиотеку не только читателей, но и другую аудиторию, зачастую не связанную с книгой и чтением.

Большой вклад в предоставление доступа к ресурсам принадлежит сотрудникам Российской государственной детской библиотеки. Создаваемые ими проекты «ВебЛандия», «Библиогид», «ПроДетЛит» адаптируются и трансформируются с учетом региональной специфики областными и краевыми детскими библиотеками, способствуя тем самым выполнению ими функций посредника или медиатора между информационно-образовательными ресурсами и требованиями общества к освоению, переработке и усвоению информации ребенком.

Негативный опыт освоения информационных продуктов и услуг, приобретенный ребенком, может стать отправной точкой для превращения потенциального читателя в нечитателя. В дальнейшем библиотеке будет гораздо сложнее работать с таким пользователем над решением задач безопасного информационного окружения. Упущенные возможности информационно-библиотечного контакта с ним несомненно усложнят работу профессионального сообщества над созданием безопасного информационного пространства.

Хотя чтение остается по-прежнему приоритетным способом получения информации, учитывая возрастающее влияние цифровой среды, необходимо использовать новые возможности для расширения контингента библиотечной аудитории. Как показывает опыт практической работы, библиотеки готовы предоставить свои ресурсы и для «нечитающей» публики, увлечением которой могут быть такие предметные среды, как шахматы, спортивные состязания и прочее. Новые технологии позволяют библиотеке по примеру книжного рынка готовить новую читательскую смену, предлагая дошкольникам и их родителям книжки-раскраски, книжки-игрушки.

Библиотека открывает ребенку доступ к безопасному информационному пространству, предоставляет возможности для его саморазвития как читателя.

Сделанные автором выводы вносят вклад в развитие теории и практики изучения читателя.

### Список литературы

1. Жилавская И.В. 2016. Чтение как медиаобразовательная технология в условиях цифровизации медиасреды. Национальная программа поддержки и развития чтения: год девятый. Москва, Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2016: 256-261.
2. Лизон Б. 2013. О роли библиотеки нового типа. Библиотечное дело, 22: 1.
3. Необъятен и велик мир волшебных чудо-книг: библиотрансформер на уроках информационной культуры. 2015. Сост. Л.Ю. Ильина. Чебоксары, Детско-юношеская библиотека мнкультуры Чувашии, 53 с.
4. Практика библиотечных исследований. Ребенок и книга. 2014. Под ред. Т.Н. Кувшид. Барнаул, Алтайская краевая детская библиотека им. Н.К. Крупской, 35 с.
5. Смотрова Е.В. 2011. Живая библиография, или В поисках жанра. Библиотечное дело, 16: 42 – 44.
6. Фомина А. А. 2018. Актуальность чтения вслух в XXI в. Одиннадцатые Макушинские чтения. Новосибирск, ГПНТБ СО РАН: 420-425.
7. Фомина А. А. 2015. Обзоры книг в радио эфире. Информационные ресурсы и культурное наследие региона. Барнаул: 4-15.
8. Фомина А. А. 2019. Радиопутеводитель для читателя. Вовлечение людей с ограниченными возможностями здоровья в культурную жизнь общества. Барнаул, Изд-во АГИИК: 166-175.
9. Фомина А.А. 2009. Педагогический потенциал экологического контекста информационного общества. Мир науки, культуры, образования, 7 (19-1): 238-241.
10. Фомина А.А. 2011. Экология информации. Барнаул, Изд-во Алтайской гос. акад. культуры и искусств, 192 с.
11. Фомина А.А. 2012. Эксплуатация информационного пространства. Информационные ресурсы региона. Под ред. А. А. Фоминой и др., Барнаул, Изд-во АГИИК: 3-22.
12. Davis J. 2019. Online Ticketed-Passes. Information Technology and Libraries, 38(2): 8-10.
13. Hamilton E. W. 2009. Raising bookworms: getting kids reading for pleasure and empowerment. Sag Harbor, NY, 190 p.
14. Hutchinson H.B. et al. 2005. The international children's digital library. Information technology and libraries, 24, (1): 4–12.
15. Kruger H. 2005. I, Librarian. Information Technology and Libraries, 24(3): 123-129.



## References

1. Zhilavskaya I. V. 2016. Chteniye kak mediaobrazovatel'naya tekhnologiya v usloviyakh tsifrovizatsii mediasredy [Reading as a media education technology in a digital media environment]. Natsional'naya programma podderzhki i razvitiya chteniya: god devyatyy. Moskva, Mezhhregional'nyy tsentr bibliotchnogo sotrudnichestva, 2016: 256-261.
2. Lizon B. 2013. O roli biblioteki novogo tipa [On the role of the new type library]. *Bibliotchnoe delo*, 22: 1.
3. Neob'yaten i velik mir volshebnykh chudo-knig: bibliotransformer na urokakh informatsionnoy kul'tury [The world of magic miracle books is vast and great: a library former in the lessons of information culture]. 2015. Sost. L.Yu. Il'ina. *Cheboksary, Detsko-yunosheskaya biblioteka mnkul'tury Chuvashii*, 53 p.
4. *Praktika bibliotchnykh issledovaniy. Rebenok i kniga* [Practice of library researches. Child and book]. 2014. Ed.: T.N. Kushvid. Barnaul, *Altayskaya kraevaya detskaya bibliotekaka im. N.K. Krupskoy*, 35 p.
5. Smotrova E.V. 2011. Zhivaya bibliografiya, ili V poiskakh zhanra [Living bibliography, or In search of genre.]. *Bibliotchnoye delo*, 16: 42 - 44.
6. Fomina A. A. 2018. Aktual'nost' chteniya vslukh v XXI v. [The relevance of reading aloud in the 21st century]. *Odinnadtsatyye Makushinskiye chteniya*. Novosibirsk, GPNTB SO RAN: 420-425.
7. Fomina A. A. 2015. *Obzory knig v radio efire* [Radio Air Book Reviews]. *Informatsionnyye resursy i kul'turnoye naslediyе regiona*. Barnaul: 4-15.
8. Fomina A. A. 2019. *Radioputevoditel' dlya chitatelya* [The radio guide for the reader]. *Vovlecheniye lyudey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v kul'turnuyu zhizn' obshchestva*. Barnaul, *Izd-vo AGIIK*: 166-175.
9. Fomina A.A. 2009. *Pedagogicheskiy potentsial ekologicheskogo konteksta informatsionnogo obshchestva* [Pedagogical potential of the environmental context of the information society]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 7 (19-1): 238-241.
10. Fomina A.A. 2011. *Ekologiya informatsii* [Information ecology]. Barnaul, *Izd-vo Altayskoy gos. akad. kul'tury i iskusstv*, 192 p.
11. Fomina A.A. 2012. *Ekspluatatsiya informatsionnogo prostranstva* [Operation of information space]. *Informatsionnyye resursy regiona*. Pod red. A.A. Fominoy i dr., Barnaul, *Izd-vo AGIIK*: 3-22.
12. Davis J. 2019. *Online Ticketed-Passes*. *Information Technology and Libraries*, 38(2): 8-10.
13. Hamilton E. W. 2009. *Raising bookworms: getting kids reading for pleasure and empowerment*. Sag Harbor, NY, 190 p.
14. Hutchinson H.B. et al. 2005. *The international children's digital library*. *Information technology and libraries*, 24, (1): 4-12.
15. Kruger H. 2005. I, Librarian. *Information Technology and Libraries*, 24(3): 123-129.

## Ссылка для цитирования статьи

### For citation

Черниенко Ю.А. 2020. Библиотечные ресурсы для развития детства. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 39 (1): 58–65. DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-58-65

Cherniyenko Yu.A. 2020. *Library resources for childhood development*. *Issues in Journalism, Education, Linguistics* 39 (1): 58–65 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-58-65

УДК 373.5.015.3:[373.5.091.32:911-027.44]  
DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-66-74

**СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ  
КОМФОРТНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА  
НА ЗАНЯТИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ  
(НА ПРИМЕРЕ УРОКОВ ГЕОГРАФИИ)**

**WAYS TO MAKE A COMFORTABLE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE  
IN THE LESSON IN THE CONDITIONS OF EDUCATION INFORMATIZATION  
(ON THE EXAMPLE OF LESSONS OF GEOGRAPHY)**

**Ю.Ю. Чикина  
Yu.Yu. Chikina**

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,  
91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

Lugansk National University named after Taras Shevchenko,  
2 Oboronnaya St, Lugansk, 91011

E-mail: juliya-julchik@mail.ru

**Аннотация**

Важным условием гармоничного развития личности обучающегося является наличие в школе и классе благоприятного социально-психологического климата. Данная проблема приобретает особую актуальность в условиях информатизации образования, широкого применения современных средств информационно-коммуникационных технологий. При широком применении информационных технологий недостаточное количество работ в аспекте влияния социально-психологического климата на качество учебно-воспитательного процесса изучено недостаточно. Цель исследования – рассмотреть на примере уроков географии основные факторы, направленные на формирование благоприятного социально-психологического климата в условиях широкого применения средств информационно-коммуникационных технологий. В результате исследования дана характеристика благоприятного и неблагоприятного социально-психологического климата на уроках географии. Обозначены психологические механизмы воздействия информатизации образования на учащихся в учебно-воспитательном процессе. Выделены основные факторы, которые помогают создать доброжелательную эмоциональную атмосферу на уроках географии в условиях широкого применения средств информатизации, определены основные способы формирования и поддержания благоприятного социально-психологического климата на занятии в условиях информатизации образования.

**Abstract**

An important condition for the harmonious development of the student's personality is the presence of a favorable socio-psychological climate in the school and classroom. This problem is particularly relevant in the context of Informatization of education, the widespread use of modern means of information and communication technologies. With the wide use of information technologies, the insufficient number of works in the aspect of the impact of the social and psychological climate on the quality of the educational process has not been sufficiently studied. The purpose of the study is to consider the main factors aimed at creating a favorable socio-psychological climate in the conditions of widespread use of information and communication technologies using the example of geography lessons. As a result of the research, the characteristic of favorable and unfavorable social and psychological climate in geography lessons is given. Psychological mechanisms of influence of Informatization of education on students in the educational process are indicated. The main factors that help to create a friendly emotional atmosphere at geography lessons in the conditions of widespread use of Informatization tools are identified, the main

ways of forming and maintaining a favorable socio-psychological climate in the classroom in the conditions of Informatization of education are identified.

**Ключевые слова:** психологический климат, социально-психологический климат, информационные технологии, информационно-коммуникационные технологии, современные средства обучения, информатизация образования.

**Keywords:** psychological climate, socio-psychological climate, information technology, information and communication technology, modern teaching aids, computerization of education.

---

## Введение

Широкое применение в школьной практике информационных технологий позволяет вносить изменения в традиционные элементы системы образования. Происходит постепенная смена обычного класса на мультимедийный, а доски и мела – на электронную доску и компьютерные обучающие системы. География – один из школьных предметов, требующих опоры на применение различных средств, как в процессе традиционного обучения, так и в условиях информатизации образования. Использование на уроках географии средств информационно-коммуникационных технологий обеспечивает более полную визуализацию информации об объектах и явлениях, позволяет повысить качество учебного процесса. В этой ситуации методически целесообразное применение информационно-коммуникационных технологий позволяет учителю географии подбирать формы и методы, направленные на активизацию познавательной деятельности учеников и интенсификацию процесса обучения.

Однако в условиях информатизации образования и сокращения в некоторой степени личностного общения особое внимание учителю географии следует уделять созданию комфортного социально-психологического климата в классе. Именно климат выступает своеобразным условием, обеспечивающим развитие личности: на его фоне учащиеся либо раскрываются, активно взаимодействуют с педагогом и коллективом, либо становятся пассивными, замкнутыми, отстраненными.

Анализ научно-педагогической литературы показал важность и актуально затронутой проблемы. В ряде работ [Аникеева, 1989; Бойко и др., 1998; Малимонов, 2016; Васильева, 2018; Васькевич, Саутина, 2018] рассмотрены различные аспекты особенностей формирования социально-психологического климата в коллективе. Другими авторами [Полат, 2007; Насс, 2009; Зверева, 2016] основное внимание уделено совершенствованию учебно-воспитательного процесса с помощью информационных технологий. Но проблема формирования комфортного социально-психологического климата в условиях широкого применения информационных технологий на уроках географии исследована недостаточно.

Цель исследования заключается в научном обосновании факторов, направленных на формирование благоприятного социально-психологического климата на уроках географии в условиях широкого применения средств информационно-коммуникационных технологий.

## Результаты и их обсуждение

Рассмотрение проблемы формирования благоприятного психологического климата на уроках географии в условиях информатизации образования считаем целесообразным начать с дефиниции основных понятий. Подходы к трактовке термина «психологический климат» отражены в публикациях монографического и учебно-методического характера. Это понятие определяется как «качественная сторона межличностных отношений, проявляющаяся в виде совокупности психологических условий, способствующих или препят-

ствующих совместной деятельности и всестороннему развитию личности в группе» [Малимонов, 2016; Шепель, 2002].

Стоит отметить, что в социальной психологии проявляется устойчивый интерес к явлению, получившему определение социально-психологического, нравственного или психологического климата. Термин «психологический климат» впервые использовал Н.С. Мансуров. Автор считает, что это «эмоциональная окраска психологических связей членов коллектива, возникающая на основе близости, симпатии, совпадения характеров, интересов, склонностей» [Мансуров, 1992]. Другой исследователь М.И. Малимонов рассматривает это понятие как качественную сторону межличностных отношений, проявляющуюся «в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих совместной деятельности и всестороннему развитию личности в группе» [Малимонов, 2016].

Наиболее распространенным является трактовка этого понятия В.М. Шепель, которая рассматривает «психологический климат через особенности взаимоотношений людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом» [Шепель, 2002, стр. 17]. Автор считает, что «климат отношений состоит из трех климатических зон. Во-первых, климатическая зона – социальный климат, который определяется тем, насколько в конкретном коллективе осознаны цели и задачи общества. Во-вторых, климатическая зона – моральный климат, который рассматривается, как моральные ценности, принятые в отдельно взятом коллективе. В-третьих, климатическая зона – психологический климат, который представлен как микроклимат, зона действия которого значительно локальнее социального и морального климата» [Шепель, 2002, стр. 19].

В современной педагогической литературе значительное внимание уделено трактовке понятия «информатизация образования». Так, Г.М. Коджаспирова данное понятие рассматривает, как «массовое внедрение в педагогическую практику методов и средств сбора, обработки, передачи и хранения информации на базе микропроцессорной техники и средств передачи информации, а также педагогических технологий, основанных на этих средствах, с целью создания условий для перестройки познавательной деятельности и усиления интеллектуальных возможностей обучающихся» [Коджаспирова, 2000, стр. 34]. По мнению Зверевой Ю.С., «процесс информатизации образования подразумевает не только применение в школах, университетах и других учебных заведениях новейших информационных технологий, но и совершенствование системы организации учебной деятельности путем трансформации методов и форм преподнесения информации с целью пробуждения у обучающихся интереса к получению новых знаний, развития у них творческой активности» [Зверева, 2016, стр. 23].

Значительное внимание в условиях современной школы уделяется проблеме развития средств информационно-коммуникационных технологий и максимального использования их образовательных возможностей: охват большей аудитории учащихся, увеличение информационной емкости и пропускной способности современных средств обучения, индивидуализация каналов подачи учебной информации [Charles Eisher, 1996]. Так, например, Ю.Д. Бабаева и А.Е. Войскунский отмечают, что компьютерное обучение позволяет обучающимся усваивать за единицу времени в 10 раз больше учебных понятий, чем при слушании новой темы в группах [Бабаева, Войскунский, 1998].

Вопросам использования информационных технологий в образовательном процессе посвящено большое количество фундаментальных и прикладных психолого-педагогических исследований. В педагогическом словаре термин «информационная технология» рассматривается как методы и средства получения, преобразования, передачи, хранения и использования информации. Под понятием «информационные технологии» Е.С. Полат понимает «технологии в сфере образования, которые используют специальные

способы, программные и технические средства (компьютеры, аудио, видео, телекоммуникационные сети) для работы с информацией и достижения педагогических целей» [Полат, 2007, стр. 29]. В.А. Трайнев и И.В. Трайнев трактуют данное понятие, как «систему методов и способов сбора, передачи, накопления, обработки, хранения, представления и использования информации на основе применения современных компьютерных и других технических средств» [Трайнев, 2013, стр. 21].

Проведенный нами анализ психолого-педагогической литературы, различных аспектов применения информационных технологий в учебном процессе показал, что к педагогическим задачам использования информационных технологий в учебном процессе по географии можно отнести следующее: повышение наглядности географического материала и облегчение восприятия за счет компактного и четкого представления информации; развитие творческого потенциала школьников, их способностей, коммуникативных действий, повышение мотивации обучения; интенсификация всех уровней учебно-воспитательного процесса, повышение его эффективности и качества [Голов, 1987]. В процессе применения учителем географии современных средств обучения происходит развитие личности учащихся и коммуникативных способностей за счет использования возможностей компьютерной графики, технологии мультимедиа; формирование умений принимать оптимальные решения в конкретных ситуациях; формирование информационной культуры, умений осуществлять обработку информации.

Нет никакого сомнения, что учитель был и останется центральной фигурой учебного процесса, однако его роль становится более сложной. Только педагог выполняет управляющее воздействие по отношению к ученикам; оценивает, отбирает и использует средства информационных технологий для организации и проведения различного рода занятий, позволяющих более эффективно использовать учебное время; контролирует ход их решения и определяет характер и степень помощи; сосредотачивает внимание на индивидуальной помощи, консультации, развитии личностных качеств учащихся. В этом случае информационно-коммуникационные технологии в образовании не подменяют педагога, а лишь перераспределяют функции между учителем и компьютером, совершенствуют отдельные компоненты педагогической деятельности. Таким образом, при широком использовании современных средств обучения педагог является помощником, воспитателем, консультантом [Даринский, Луканенкова, 1983].

Однако если мы рассматриваем процесс обучения в динамике, то компьютер «берёт» на себя ещё и функции учителя. Программы, заложенные в нем, сами проводят оценку совершённых учащимися действий и предлагают инструкции по дальнейшей работе. Обучающая программа рассчитана на определённое количество времени и дает возможность ученикам изучать новый учебный материал без помощи учителя. В программе географическая информация представлена красочно, наглядно, с необходимыми объяснениями. Использование такой программы на уроке географии позволяет управлять процессом обучения с учетом индивидуальных интересов учащихся, что дает им возможность изучать различные аспекты темы более подробно [Fabry, 1997].

Информационные технологии помогают сделать преподавание географии интересным и простым, а процесс усвоения знаний и приобретения практических навыков работы с картой и другими инструментами – более эффективным.

В условиях широкого использования на уроках географии современных средств обучения происходит сокращение времени на межличностное общение. В связи с этим, учащийся может испытывать внутреннюю напряженность, быть не успешным в процессе обучения и последующей профессиональной деятельности в различных коллективах. В такой ситуации учителю географии необходимо уделить внимание на психологический климат в коллективе, отражающий общее состояние взаимоотношений и сте-

пени удовлетворенности различными факторами и являющийся комплексной характеристикой группы. Стоит отметить, что комфортный климат на уроке географии зависит от многих факторов. Отношение школьников к учителю – это одно из основополагающих условий психологической атмосферы на уроке.

Для изучения социально-психологического климата в классе в условиях информатизации обучения педагогу необходимо учитывать характеристики его формирования. Так, характеристиками благоприятного социально-психологического климата в классе является следующее:

- преобладание бодрого и жизнерадостного тона взаимоотношений;
- сотрудничество, доброжелательность и взаимопомощь в отношениях;
- участие в общих делах класса;
- высказывание критики с добрыми пожеланиями и поддержкой в коллективе;
- ответственность, трудолюбие, бескорыстность и честность;
- поддержка слабым и уважительное отношение ко всему коллективу.

К характеристикам неблагоприятного психологического климата относят такие:

- преобладание пессимизма, подавленного настроения, конфликтность и агрессивность;
- отсутствие норм справедливости и равенства;
- презрительность в отношении к слабым.

Информационно-коммуникационные технологии меняют деятельность педагога и школьников, оказывая как прямое, так и косвенное воздействие на личность учащихся. В научно-педагогической литературе рассматриваются ситуации, обуславливающие воздействие современных средств обучения на психику обучающихся. По мнению О.В. Насс, акцент следует делать на непосредственном взаимодействии школьников с различными информационными технологиями в рамках учебно-воспитательного процесса, а также широком распространении компьютерных игр, которые основаны на технологии виртуальной реальности [Насс, 2009]. Процессы информатизации образования в различной степени могут оказывать влияние на личность учащегося. Так, например, степень влияния может быть локального уровня, который охватывает определенный круг психических явлений (компьютерный сленг). Однако в современных условиях развития образования достаточно распространенной является глобальная степень влияния, которая приводит к изменению личности ученика в целом (синдром хакера, Internet-зависимость).

Психологами, педагогами, специалистами в области информационных технологий большое внимание уделяется рассмотрению вопросов последствия информатизации для учебной, игровой и профессиональной деятельности [Васькевич, Саутина, 2018]. В таких условиях педагогу необходимо направить усилия на нейтрализацию негативного воздействия средств информационных технологий на личность школьника, а также на создание условий, которые помогут ученикам в наибольшей степени проявлять себя, применяя современные средства обучения. Сегодня некоторые учащиеся придерживаются мнения, что использование информационных технологий обеспечит легкость получения различной информации. Поэтому учителю географии необходимо направить усилия школьников на самостоятельную выработку новых знаний, которые будут представлять результат познавательного процесса. В такой ситуации потенциал информационных технологий может вывести на новый уровень «традиционные» навыки школьников, которые связаны с поиском и установлением взаимосвязей между различными параметрами, сопоставление методов решения, анализ результатов и обобщение полученных знаний. Использование современных средств обучения на уроках географии преобразует учебную деятельность, внося в нее четкость, эффективность и последовательность.

Выделим психологические механизмы воздействия информатизации на учащихся в учебно-воспитательном процессе по географии. Учителю следует продемонстрировать

школьникам как выбрать и использовать оптимальные алгоритмы решения задач по аналогии с компьютером, но применяя рациональный подход к построению оригинального решения. В такой ситуации путь к решению проблемы ученику может подсказать интуиция, неординарный взгляд.

Применение информационных технологий на уроках географии способствует развитию новых форм учебной деятельности, получению новых знаний, умений и навыков. Так, например, для эффективного использования современных средств обучения школьникам необходимо придерживаться определенных правил поиска в сети Internet, этикета электронной деловой и личной переписки, специфического символического языка, позволяющего передать в сообщении свое настроение.

В научной литературе авторы выделяют ряд основных факторов, способствующих благоприятному психологическому климату на уроке в условиях применения как традиционных средств обучения, так и средств информационных технологий. Обобщая мнения исследователей [Аникеева, 1989; Бойко и др., 1998; Васильева, 2018], мы выделили факторы, которые помогают создать комфортную и доброжелательную эмоциональную атмосферу на уроке географии в условиях информатизации образования:

1. Учителю необходимо общаться с учащимися в доброжелательной форме, быть деликатным и вежливым.
2. Любое эмоциональное состояние педагог должен выражать в деликатной форме.
3. Учитель должен хорошо знать возрастные психологические особенности учеников, развивать педагогическую наблюдательность.
4. Особое внимание следует обращать на регулирование и коррекцию поведения школьников на уроке.
5. Обучение и воспитание необходимо строить без окриков и порицаний.
6. Психологический дискомфорт для педагога и учеников зачастую возникает от непрофессиональной компетентности учителя.
7. Урок нужно начинать так, чтобы каждый учащийся был занят делом.
8. Учителю необходимо увлечь школьников материалом и пресекать попытки нарушения рабочего ритма урока, чаще задавать вопросы тем, кто может отвлечься на занятия. Контролировать и держать в поле зрения весь класс.
9. Завершать урок стоит как общей оценкой работы класса, так и работой отдельных учеников, чтобы все чувствовали удовлетворенность от занятия.

Благоприятный психологический климат создается гуманным отношением учителя к школьникам. В работе педагога с учащимися в условиях информатизации образования приоритетной задачей является создание комфортной психологической атмосферы в течение всего урока. Такие условия помогают ученикам активно общаться с учителем и сверстниками, развиваться и показывать свой талант [Циулина, 2016].

Позитивная обстановка на занятии характеризуется коммуникабельностью, уважением друг к другу, дружелюбием, вежливостью, созданием комфортных условий для совместной деятельности. Однако в ситуации, когда происходит дисбаланс эмоционального настроения учеников на уроке географии, может возникнуть недоброжелательная обстановка, которая тормозит развитие учащегося, способствует состоянию незащищенности, нервозности, боязни и отчаяния. Поэтому широкому внедрению на занятиях современных средств обучения обязательно должны сопутствовать специальные меры, направленные на эмоциональное развитие ученика. Так, учителю во время урока с использованием информационно-коммуникационных технологий важно наблюдать и контролировать психологический климат классного коллектива, ведь положительное эмоциональное настроение помогает эффективному усвоению географического материала и

способствует разностороннему развитию индивидуальности школьников [Антонова, 2013; Бабаева, Войскунский, 1998].

Благоприятное эмоциональное настроение на занятии по географии в условиях информатизации образования обеспечивает учащимся не только защищенность и психологический комфорт, но и способствует активному вовлечению их в общее дело и проявлению творчества. Считаем, что учителю географии необходимо шире применять различные формы и методы, оказывающие влияние на эмоциональное состояние учеников на уроке. Так, например, верно подобранные музыка или видео фрагменты могут способствовать положительному отношению между учащимися в эмоционально комфортной обстановке.

### Заключение

На наш взгляд, к наиболее эффективным способам формирования и поддержания благоприятного социально-психологического климата на уроке географии в условиях информатизации образования можно отнести поиск учителем географии общих тем или интересов, которые объединили бы учеников класса, и на их основе организовывать общие дела с помощью информационных технологий; формирование традиций класса и воплощение различных идей с помощью современных средств обучения; применение информационно-коммуникационных технологий во внеурочной деятельности; создание ситуаций коллективного сопереживания значимых событий, представленных учителем географии с помощью мультимедийных учебников, интерактивной доски; развитие коммуникативной культуры и навыков общения и сотрудничества, создание условий для повышения комфортности для школьников на уроке географии и сохранение стабильно положительных отношений между педагогом и учениками в процессе использования информационных технологий.

Доброжелательность, внимание, оформление, обстановка, музыкальное и видеосопровождение, многообразие форм работы с применением информационных технологий в урочной и внеурочной деятельности – это те приемы, благодаря которым учитель географии может создать положительный эмоциональный настрой коллектива.

Автором впервые обозначены психологические механизмы воздействия информатизации на учащихся в учебно-воспитательном процессе по географии. В данном исследовании получили дальнейшее развитие научные представления о характеристике благоприятного и неблагоприятного социально-психологического климата на уроке географии в условиях информатизации образования; уточнены и дополнены основные факторы, которые помогают создать комфортную и доброжелательную эмоциональную атмосферу на уроке географии в процессе использования информационных технологий, определены способы формирования и поддержания благоприятного социально-психологического климата на уроке географии.

### Список литературы

1. Аникеева Н.П. 1989. Учителю о психологическом климате в коллективе. М., Просвещение, 178 с.
2. Антонова Ю.О. 2013. Формирование социально-психологического климата в педагогическом коллективе. Достижения вузовской науки, 7: 165-172.
3. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. 1998. Психологические последствия информатизации. Психологический журнал, 1: 45–51.
4. Бойко В.В., Ковалев А.Г., Панферов В.Н. 1998. Социально-психологический климат коллектива и личность. М., Мысль, 240 с.
5. Васильева Е.А. 2018. Формирование социально-психологического климата в коллективе педагогов. Психология, социология и педагогика, 1. URL: <http://psychology.snauka.ru/2018/01/8488> (дата обращения: 07.08.2019).



6. Васькевич М.Э., Саутина А.В. 2018. Формирование благоприятного психологического климата в ученическом коллективе. URL: <https://nauchforum.ru/studconf/gum/iv/995> (дата обращения: 07.08.2019).
7. Голов В.П. 1987. Средства обучения географии и условия их эффективного использования. М., Просвещение, 222 с.
8. Даринский А.В., Луканенкова В.К. 1983. Самообразование учителя географии. М., Просвещение, 159 с.
9. Зверева Ю.С. 2016. Информатизация образования. Молодой ученый, 6 (3): 23–26. URL: <https://moluch.ru/archive/110/27234/> (дата обращения: 20.08.2019).
10. Коджаспирова Г.М. 2000. Педагогический словарь. М., Академия, 176 с.
11. –Малимонов М.И. 2016. Социально-психологические методы и средства, влияющие на формирование положительного социально-психологического климата в коллективе. Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе, 3: 148–152.
12. Мансуров Н.С. 1992. Морально-психологический климат и его изучение. М., Просвещение, 132 с.
13. Насс О.В. 2009. Сущностные характеристики педагогического феномена компьютерных средств. Высшее образование сегодня, 10: 86–88.
14. Полат Е.С. 2007. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М, Академия, 364 с.
15. Трайнев В.А. 2013. Новые информационные коммуникационные технологии в образовании. М., «Дашков и К°», 320 с.
16. –Циулина М.В. 2016. Профессиональная подготовка педагога: социально-педагогические предпосылки. Теория и практика образования в современном мире. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/192/10726/> (дата обращения: 02.08.2019).
17. Шепель В.М. 2002. Понятие психологического климата. Вопросы психологии, 3: 17–21.
18. Charles Eisher, David C. Dwyer, Keith Yocam. 1996. Education and Technology: reflections on computing in classrooms. San Francisco, Jossey-Bass Publishers, 316 p.
19. Fabry D.L. 1997. Barriers to the effective use of technology in education: current status. Journal of Educational Computing Research, 17 (4): 385–395.

### References

1. Anikeeva N.P. 1989. Uchitelyu o psihologicheskom klimate v kollektive [Teacher about the psychological climate in the team]. М., Prosveshchenie, 178 p.
2. Antonova YU.O. 2013. Formirovanie social'no-psihologicheskogo klimata v pedagogicheskom kollektive [The formation of the socio-psychological climate in the teaching staff]. Dostizheniya vuzovskoj nauki, 7: 165-172.
3. Babaeva YU.D., Vojskunskij A.E. 1998. Psikhologicheskie posledstviya informatizatsii [The psychological consequences of informatization]. Psikhologicheskij zhurnal, 1: 45–51.
4. Bojko V.V., Kovalev A.G., Panferov V.N. 1998. Social'no-psihologicheskij klimat kollektiva i lichnost' [Socio-psychological climate of the team and personality]. М., Mysl', 240 p.
5. Vasil'eva E.A. 2018. Formirovanie social'no-psihologicheskogo klimata v kollektive pedagogov [The formation of a socio-psychological climate in a team of teachers]. Psihologiya, sociologiya i pedagogika, 1. Available at: <http://psychology.snauka.ru/2018/01/8488> (accessed: 07.08.2019).
6. Vas'kevich M.E., Sautina A.V. 2018. Formirovanie blagopriyatnogo psihologicheskogo klimata v uchenicheskom kollektive [The formation of a favorable psychological climate in the student team]. Available at: <https://nauchforum.ru/studconf/gum/iv/995> (accessed: 07.08.2019).
7. Golov V.P. 1987. Sredstva obucheniya geografii i usloviya ikh ehffektivnogo ispol'zovaniya [Geography teaching tools and conditions for their effective use]. М., Prosveshhenie, 222 p.
8. Darinskij A.V., Lukanenkova V.K. 1983. Samoobrazovanie uchitelya geografii [Geography teacher self-education]. М., Prosveshhenie, 159 p.
9. Zvereva YU.S. 2016. Informatizaciya obrazovaniya [Education Informatization]. Molodoj uchenyj, 6 (3): 23–26. Available at: <https://moluch.ru/archive/110/27234/> (accessed: 20.08.2019).

10. Kodzhaspirova G.M. 2000. Pedagogicheskiy slovar'. [Pedagogical dictionary]. M., Akademiya, 176 p.
11. Malimonov M.I. 2016. Social'no-psihologicheskie metody i sredstva, vliyayushchie na formirovanie polozhitel'nogo social'no-psihologicheskogo klimata v kollektive [Socio-psychological methods and tools that influence the formation of a positive socio-psychological climate in the team]. *Zakonomernosti i tendencii razvitiya nauki v sovremennom obshchestve*, 3: 148–152.
12. Mansurov N.S. 1992. Moral'no-psihologicheskiy klimat i ego izuchenie. [Moral and psychological climate and its study]. M., Prosveshhenie, 132 p.
13. Nass O.V. 2009. Sushhnostnye kharakteristiki pedagogicheskogo fenomena komp'yuternykh sredstv [Essential characteristics of the pedagogical phenomenon of computer tools]. *Vyshee obrazovanie segodnya*, 10: 86–88.
14. Polat E.S. 2007. Sovremennye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya [Modern pedagogical and information technologies in the education system]. M., Akademiya, 364 p.
15. Trajnev V.A. 2013. Novye informatsionnye kommunikatsionnye tekhnologii v obrazovanii. [New informational communication technologies in education]. M., «Dashkov i K°», 320 p.
16. TSiulina M.V. 2016. Professional'naya podgotovka pedagoga: sotsial'no-pedagogicheskie predposylki [Teacher training: socio-pedagogical background.]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire*. Available at: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/192/10726/> (accessed: 02.08.2019).
17. SHepel' V.M. 2002. Ponyatie psikhologicheskogo klimata [The concept of psychological climate]. *Voprosy psikhologii*, 3: 17–21.
18. Charles Eisher, David C. Dwyer, Keith Yocam. 1996. *Education and Technology: reflections on computing in classrooms*. San Francisco, Jossey-Bass Publishers, 316 p.
19. Fabry D.L. 1997. Barriers to the effective use of technology in education: current status. *Journal of Educational Computing Research*, 17 (4): 385–395.

**Ссылка для цитирования статьи**  
**For citation**

Чикина Ю.Ю. 2020. Способы создания комфортного социально-психологического климата на занятии в условиях информатизации образования (на примере уроков географии). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 39 (1): 66–74. DOI:10.18413/2687-0940-2020-39-1-66-74

Chikina Yu.Yu. 2020. Ways to make a comfortable socio-psychological climate in the lesson in the conditions of education informatization (on the example of lessons of geography). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39 (1): 66–74. (in Russian). DOI:10.18413/2687-0940-2020-39-1-66-74

# ЯЗЫКОЗНАНИЕ

## LINGUISTICS

УДК: 811.134.3'367

DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-75-82

### ЧЕРТЫ ПОРТУГАЛЬСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА XVI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. ДЕ ОЛИВЕЙРЫ)

### FEATURES OF SPOKEN PORTUGUESE LANGUAGE IN MONUMENTS OF WRITTEN LANGUAGE IN PORTUGUESE FROM XVI CENTURY (ON BASE OF WORKS WRITTEN BY F. DE OLIVEIRA)

**С.В. Архипов**  
**S.V. Arkhipov**

Московский государственный университет пищевых производств,  
Россия, 125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 11

Moscow State University of Food Production,  
11 Volokolamskoye ch. Str., Moscow, 125080, Russia

E-mail: lusofon@mail.ru

#### **Аннотация**

Известно, что в португальском языке письменная и устная формы речи находятся на относительно небольшой дистанции. Письменная форма достаточно хорошо изучена как в синхронии, так и диахронии. Однако степень изученности португальской устной речи значительно меньше. В особенности это касается разговорного языка прошлых веков. Также вне поля зрения исследователей остаётся вопрос о взаимовлиянии обеих форм языка, проникновения черт устной речи в письменный язык. Изучение этих аспектов будет способствовать реконструкции процесса кодификации литературной нормы португальского языка. Автором статьи рассмотрены сочинения португальского автора XVI в. Ф. де Оливейры: доктринальные тексты (грамматика португальского языка, трактаты по военно-морскому делу, кораблестроению) и историческое сочинение (краткое повествование о кругосветной экспедиции Ф. де Магеллана). Предпринята попытка выявить, классифицировать, объяснить функциональное назначение признаков португальской устной речи XVI в. в произведениях Оливейры. Методом сплошной выборки установлены лексические дублетные формы (слово книжной традиции – слово устной традиции), которые очень характерны и для лексики современного португальского языка. Показана роль диалектизмов в устной речи, в особенности в плане артикуляций звуков. При соотношении способов произношения некоторых слов на основе авторских пояснений были установлены нормативные варианты произношения. Установленные факты проливают свет на процесс становления орфоэпической нормы португальского национального литературного языка.

#### **Abstract**

It is known that writing and spoken forms of Portuguese language are not so different. The writing language form was rather studied as in synchrony well as in diachrony. But the spoken language form is not studied in detail. It is relevant particularly to spoken language form from past centuries. The question on mutual influence of both language forms is also not investigated. The infiltration process of colloquial language features into writing language form is of especially interest. The study enables to reconstruct codification process of Portuguese Standard language. The object of this article is to study characteristics



of spoken form of Portuguese language in Portuguese-writing texts from 16<sup>th</sup> century. Sources of this investigation are works written by prominent Portuguese author Fernão de Oliveira: doctrinal texts («Grammar of Portuguese language», treatise on sea war «Sea Warfare», treatise on shipbuilding «Book on Shipbuilding») and brief historical narration about circumnavigation commanded by Fernão de Magalhães «Voyage of Fernão de Magalhães». Author of this article attempts to discover, classify, explain function of Portuguese spoken language features in F. de Oliveira's works. Analysis of old printed and hand-writing texts of Portuguese author enables to receive consequent results. It was discovered lexical doublets forms (word of literary tradition – word of oral tradition) by general selection method. This doublet forms are typical for contemporary Portuguese language vocabulary. It was determined function of dialecticism in colloquial language, especially in articulation of vowels and consonants. It was established Standard articulation variants of some words on base Oliveira's elucidation and by method of pronunciation mode correlation. Received data enable to elucidate formation process of Portuguese orthoepical standard.

**Ключевые слова:** Ф. де Оливейра, португальский язык, устная и письменная форма языка.

**Keywords:** F. de Oliveira, Portuguese, spoken and written forms of language.

---

### Введение

В современной науке о языке большое внимание уделяется устной форме речи. Для её изучения применяются разные методы, например, метод устного опроса (интервьюирование). Широко используются технические средства фиксации и обработки данных разговорной формы языка. Специалист по истории языка лишён таких возможностей. Он имеет в своём распоряжении только печатные или рукописные тексты и методы источниковедческого и лингвистического анализа.

Последнее в полной мере относится и к проблеме изучения черт португальской разговорной речи XVI в., отражённых в сочинениях видного португальского филолога XVI в. Фернана де Оливейры, автора первой грамматики португальского языка и ряда произведений нелингвистического характера. Между тем в его текстах (как печатных, так и рукописных) содержится немало данных о португальской устной речи этого периода, что позволяет представить состояние устной формы португальского языка XVI в. в свете изучения проблемы выработки и становления орфоэпической нормы португальского языка на раннем этапе.

В отечественной и зарубежной португалистике воззрения Ф. де Оливейры на проблемы языка вызвали и вызывают большой интерес у специалистов по лингвистической историографии. Это объясняется особой ролью этого ренессансного филолога в португальской лингвистической традиции. Однако источником этих исследований, как правило, является только один текст Оливейры – «Грамматика португальского языка» (1536). Другие его произведения лингвистами специально не рассматривались. Это связано с тем, что они посвящены проблемам не лингвистики, а вопросам военно-морского дела, кораблестроения, истории кругосветных путешествий. Между тем в этих текстах имеется большой языковой материал, представляющий значительный научный интерес для истории португальского языка в разных аспектах (фонетика, фонология, графика, слоговоеделение, акцентология, лексикология). Особо значимыми являются замечания португальского автора, окказионально вставленные в тексты по маринистике. Они представляют собой размышления Оливейры лингвистического характера (проблемы номинации и терминообразования), объяснения этимологии, семантики, произношения ряда слов.

Целью данного исследования является изучение инфильтрации черт устной речи в памятники письменной речи, в особенности тексты доктринального характера, каковыми являются сама грамматика, а также трактаты по военно-морскому делу и кораблестроению. Для достижения поставленной цели автор ставит перед собой ряд задач: 1) проанализировать замечания грамматиста по поводу произношения ряда слов с целью выявле-

ния нормативного произносительного стандарта; 2) методом сплошной выборки выявить варианты одних и тех же слов; 3) сопоставить эти варианты с данными португальской диалектологии; 4) определить какой вариант относится к книжной традиции, а какой используется в устной речи; 5) показать роль лексических заимствований на португальское произношение.

### Основная часть

#### *Интра- и экстралингвистические факторы устной речи*

Изучение признаков португальской устной речи в указанный период представляет особую научную ценность в свете исследования проблемы кодификации литературной нормы португальского национального языка. Именно в XVI в., когда жил и творил Ф. де Оливейра, этот процесс находился на ранней стадии. Оливейре, как первому португальскому грамматисту, в данном кодификационном процессе принадлежит особая роль. Видный специалист по португальской лингвистической историографии М.А. Косарик объясняет это тем, что «устная речь выступает в его (Оливейры – С.А.) грамматике и как основа фиксируемой нормы, и как объект кодификации, причём приоритет остаётся именно за устной, звучащей речью. Это проявилось в преимущественном внимании к фонетике, в призывах "зафиксировать речь наших людей и отсюда вывести правила". Показательны ссылки Оливейры на слышимые им формы (XXIV, XIV)» [Косарик 1991, с. 76].

К этим данным относятся указания португальского автора на способы артикуляций звуков, рассмотрение слога как отдельного уровня языковой системы и тесно связанной с этим аспектом проблемы ударения, объяснения произношения тех или иных слов, слияние слов в речевом потоке (явления фоносинтаксиса). Примечательно, что эти данные, хотя и неравномерно, содержатся не только в грамматике, но и в трактатах по военно-морскому делу и кораблестроению.

В начале грамматики Оливейра говорит о факторах, влияющих на речь человека. В частности, это особенности функционирования речевого аппарата: «Mas segundo a disposição da lingua corporal assí vemos formar diuerſas as vozes hũas çeçioſas/outras tartaras: e muitas cõ muitos defeitos e tâbẽ cõ suas perfeições» – «но в зависимости от положения языка мы образуем разные звуки, одни шепелявые, другие гортанные, и многие со многими недостатками и также со своими достоинствами»<sup>1</sup>; – «Porq̃ como este orgão da lingua e boca he mais milhor disposto assí cumpre milhor seu ofiçio: bẽ ou mal disposto (este orgão da lingua e boca – С.А.) pode fer em calidades e feiçõ:calidades como seco ou humedo:feiçõ como dêtes grãdes ou defuidados» – «Ибо язык и рот устроены наиболее лучшим образом так, чтобы лучше выполнять своё предназначение; хорошо или плохо подготовленный к речи (язык и рот – С.А.) может влиять на качества звуков: на качество звука влияют сухость или влажность, особенность звучания зависит от больших или кривых зубов» [Oliueyra 1536, A iij v.].

Грамматист также называет другой фактор, который влияет на речь, – это обычай, которому следуют люди. Как явствует из текста этого лингвистического трактата, многие люди (очевидно, португальцы) плохо говорят из-за того, что опираются в своей речи на плохой обычай: «e tambem muitos falão muito mal: fo com mao costume não mais» – «и также многие плохо говорят из-за плохого обычая, не более того». Однако Оливейра объясняет этот недостаток природными и географическими условиями: «E e muito de culpar este defeyto das calidades ferem diuerſas: nas quaes tem dominio as condições do çeo e terra em que viuem os homẽs» [Oliueyra 1536, A iij v.] – «Причиной этого недостатка являются разные условия, в которых живут люди, и на которые влияют солнце и земля».

Также португальский лингвист XVI в. выделяет этнический фактор. По его словам, разные народы по-разному произносят звуки и слова: «vem que hũas gentes formão suas vozes maus no rapo como caldeus/e arabigos/e outras nações cortão vozes aõssandosse maus em seu falar» – «очевидно, что одни народы образуют свои звуки больше в горле, как халдеи и

<sup>1</sup> Здесь и далее перевод цитат из текстов Ф. де Оливейры автора – С. А.

арабы, а другие народы сокращают слова, ускоряясь в своей речи». Речь португальцев грамматист характеризует как неторопливую и хорошо артикулируемую: «*mas nos falamos com grande r̃oufo como homẽs affentados: e não fomite em cada voz per fy mas tambem no ajuntamento*» [Oliveyra 1536, A iij r.] – «но мы говорим очень спокойно как степенные люди, и не только в каждом отдельном звуке, но также и в соединении слов».

Значительную часть грамматики (12 глав из 50, с VIII по XVIII главу включительно) Оливейра посвящает подробной характеристике звуков португальской речи, способов их произношения. Сопоставление португальского фонетического строя, детально рассмотренного ренессансным лингвистом, с современным состоянием позволяет увидеть, что португальская фонетика XVI в. и фонетика современного португальского языка в его пиренейском варианте достаточно схожи [Голубева 1981].

Португальский автор не только говорит о звуках и их правильной артикуляции, но и иногда объясняет, как следует произносить те или иные слова. Примечательно, что эти указания мы находим в трактатах по морскому делу. Так, в «*Arte da guerra do mar*» (1555) («Искусство войны на море») есть замечание о том, что португальцы приспосабливают к своему произношению заимствованные из других языков слова: «*Muytos uocabulos tomão os nosfos homẽs doutras nações, que o pouo por não faber seu nacimiento corrompe tirando ou pondo ou mudãdo letras*» [Oliveyra 1555 a, f. xliiij] – «наши люди берут у других народов много слов, и народ, не зная их происхождение, портит их, вставляя или меняя звуки».

В этой связи интересно толкование португальским автором произношения слова «проход» в его разных вариантах – *cossia* / *soxia*: «*A que eu chamo cossia lhe chamam soxia mas nem elles nem eu acertamos, porque ella se deue chamar corfia de curfar qua per ella curfam e andam os homẽs na golle porem soxia he pronunciaçam fea e mourifca*» [Oliveyra 1555 a, f. xliiij] – «То, что я называю *cossia*, они называют *soxia*, но ни они, ни я не произносим правильно, поскольку это слово следует называть *corfia* от слова *curfar*, поскольку по нему (проходу – *C.A.*) проходят и ходят люди в потоке, однако *soxia* – это плохое и маврское произношение». Таким образом, вариант этого слова с регрессивной ассимиляцией (*cossia*) и вариант с палатальным [ʃ] (*soxia*), согласно Оливейре, не соответствуют португальской произносительной норме. Образцом, с точки зрения автора, является вариант *corsia*, который наиболее близок к латинскому этимону *cursare* (непрерывно бегать, бежать без остановки).

В том же трактате португальский автор довольно подробно объясняет произношение слова *comitre* (помощник капитана). В этом толковании он подчёркивает роль двойного иноязычного влияния на португальское произношение: «*Comitre he pronunciaçam franceza, a qual os nosfos tomarão de França com outras muytas, e quer dizer companheyro do mestre*» [Oliveyra 1555 a, f. xliiij] – «*Comitre* – это французское произношение, которое наши заимствовали из Франции со многими другими словами, и это слово означает помощник капитана».

Далее он говорит о том, что слово *comitre* забыто, поскольку португальцы уже не используют галеи (военные корабли). В дальнейшем это слово было заимствовано генуэзцами в виде *comito*. И здесь возникает интересная в лингвистическом плане деталь: Оливейра критикует вариант генуэзцев. Он считает, что их язык худший среди итальянцев, но, тем не менее, португальцы заимствуют у генуэзцев это и другие слова в плохом произношении: «*porem nos pollo muyto tempo que ha que deyxamos o vfo das galees esquecemos jaa este e outros vocabulos dellas, e porque agora ouuimos algũs genouefes que por defaltre aqui vieram ter nam dos mays primos, como quer que a sua lingoa seja a pior da Italia tomamos delles affy neste nome como em outros r̃uys pronunciações e imperfeytas como elles acostumam*» [Oliveyra 1555 a, f. xliij].

В качестве другого примера дурного генуэзского влияния Оливейра приводит слово *chufma* (корабельная команда). И подобно примеру со словом *corsia*, грамматист полагает, что вариант *churta* правильнее, так как он ближе к латинскому этимону *turba* (толпа,

масса, куча): «Este tem cuydado da churma, que tambem os genouefes conforme a feu m ro pronũciar dizem chufma cõ este letra.s.em lugar de.r. porẽ churma com.r.fe deue pronunciar quasi turbo, porque significa a cõpanhia vulgar e mays comũ da galee, ã em latim se pronũcia turba» [Oliueyra 1555 a, f. xliiij].

Однако в данном случае Оливейра не точно определяет этимологию слова *churma*. Слово *turba* в латинском языке означает «толпа, масса, куча» как в отношении людей и животных, так и в отношении неодушевлённых предметов. Слово *turma* означает конный отряд, состоящий из 30–32 человек. Кроме этого, *turma* фонетически ближе к *churma*, чем *turba*.

Далее португальский филолог даёт рекомендацию по произношению формы множественного числа слова *ministrel* (средневековый поэт и музыкант). Так, он не советует использовать форму *minifstreys*, так как она похожа на слово *canifstreys*. Вариант *miniftris* кажется Оливейре лучшим, чем *minifstreys*: «E não diga ninguẽ minifstreys porque se parece muyto cõ canifstreys, miniftris he melhor pronunciaçãõ, e mays acostumada, ainda que seja hũ pouco delgada» [Oliueyra 1555 a, f. xlvi]. Сам же автор использует в трактате форму *miniftrijs*.

Такого же рода рекомендацию мы находим относительно слова *moçãõ* (движение). Оливейра возражает против формы *moções*, поскольку оно схоже со словом *moço de galinha* (зоб у курицы): «E nam lhe chame ninguem moções ã parece moço de galinha. Moçam qr dizer mouimento/e he palaura latina que os latinos pronunciam motio, e nos a deuemos pronunciar moçam» [Oliueyra 1555 a, f. lj].

### ***Роль диалектизмов в устной речи***

Как известно, признаком устной речи могут быть и диалектизмы. В ходе анализа произведений Ф. де Оливейры и на основе данных португальской диалектологии были выявлены слова из разных диалектных зон Португалии. Так, диалектная форма слова *formoso* – *fermoso* (красивый), распространена в Траз-уж-Монтуш (исторический регион на северо-востоке Португалии). Эта форма встречается почти во всех изучаемых текстах Оливейры: *fermoso* / *fermosos* / *fermofos*, *fremoso*, *fermosos*. Но в данном случае следует заметить, что наряду с этой диалектной формой грамматист использует и форму *formoso* / *formofos* которая и стала впоследствии нормативной. Указанием на диалектную принадлежность может служить чередование дифтонгов *ou* / *oi*, которое мы также находим у Оливейры. И действительно, исследования в области современной португальской диалектологии подтверждают этот факт [Veloso Pratas Dias 2014].

Слова *alifantes* (слоны), *chaelhas* (деревянные гвозди), *empencilhos* (преграды) встречаются в местности Баррозан, находящейся в субрегионе Алту-Траз-уж-Монтеш. Также к северной диалектной зоне относится слово *caubros* (переклады, балки). Оно зарегистрировано в исторической провинции Минью (северо-запад Португалии) [de Pratt 1911, 150], [Braga Barreiros 1937, 140, 152, 158], [Oliueyra 1555 a, f. 252 r.], [Oliueyra 1580, 130, 138].

Центрально-южная диалектная зона (Эстремадура) представлена словом *boticaio* – лавочник, аптекарь. Признаком южных диалектов является стяжение дифтонга [o<sup>u</sup>] в закрытый монофтонг [o]. Этот процесс наблюдался уже в XVI в., когда жил Ф. де Оливейра. Об этом свидетельствуют слова *oguez* (ювелир), *oguezaria* (ювелирная мастерская) [Oliueyra 1536, D vij v.], [Leite de Vasconcellos, 1890-1892. 19; 1897-1899, 146].

Приведённые примеры диалектизмов показывают, что в языковой практике португальского лингвиста отражены диалектные особенности разных частей Португалии. Это объясняется тем, что Оливейра, будучи уроженцем Севера страны, много путешествовал по Португалии и подолгу жил в разных её регионах.

### ***Устная речь на уровне фоносинтаксиса***

Выше были процитированы слова Оливейры о том, что португальцы говорят неторопливо. Однако это не означает, что португальская устная речь того времени была лишена некоторой динамичности. Сам автор свидетельствует, что португальцы любят сокра-

щать слова: «Tambem fomos amigos de cortar as vozes». Также автор пишет, что когда одно слово оканчивается на гласный звук, а другое слово начинается также на гласный, то эти гласные сливаются в один звук: «Quando hũa dição acaba em vogal e outra dição logo começa tambẽ em vogal fe ão ambas dhũ mefmo genero mefuranfe ambas e fazẽ hũa vogal» [Oliveyra 1536, B viij v.].

Как в печатных, так и рукописных текстах Оливейры содержится достаточно много примеров этого явления. Например, словосочетание até agora (до сих пор) в кразисе имеет вид ategora, ategora, ateehora. По такой же модели образованы estoutro, estoutro, estoutras, где este (этот) + outro (другой). Есть примеры таких комплексов, состоящих из трёх слов: comeestoutros – como esses outros (как эти другие); paras armas – para as armas (для вооружений) [Oliveyra 1536, B iiij v.], [Oliveyra 1555 a, f. xxxj, xxxij, xxxiij], [Oliveyra 1580, p. 3, 49, 84, 132]. Современные исследования также подтверждают, что существует различие между слоговой структурой письменной и устной речи [Meireles 2018].

### **Слова книжной и устной традиции**

Следы устной речи можно увидеть на примере этимологических дублетов. Благодаря наплыву латинизмов в португальский язык, как и в другие романские языки, образовались лексические пары, где один элемент – это латинизм, другой – португализм. Данная дихотомия имеет сопутствующий признак: книжная форма (латинизм) – устная форма (португализм).

Приведём ряд примеров таких лексических пар.

<i>Книжная форма (латинизм)</i>	↔	<i>Устная форма (португализм)</i>
atribuido – присвоенный	↔	atrevido – смелый, дерзкий
delicada – нежная, тонкая	↔	delgada – тонкая, худая
elemento – составная часть, стихия	↔	alimento – пища, питание
materia – вещество, материя	↔	madeira – дерево, древесина
providencia – предосторожность	↔	prudencia – благоразумие

### **Народный фольклор как проявление устной речи**

К чертам устной речи в текстах Оливейры можно отнести употребление пословиц. Пословицы, как известно, являются достоянием устного народного творчества. Оливейра опирается в своих сочинениях (в основном доктринальных текстах) на этот пласт в дидактических целях, для подкрепления своей аргументации. О том, что изречения с поучающим смыслом представляют собой пословицы, свидетельствуют авторские пояснения, такие как conforme ao proverbio (в соответствии с пословицей), legũdo o prouerbio ã diz (согласно пословице, которая гласит), diz o prouerbio vulgar (народная пословица гласит).

Например, в «Arte da guerra do mar» («Искусство войны на море») употребляется пословица, связанная с войной: «A boa guerra faz a boa paz» [Oliveyra 1555 a, f. x] – «Хорошая война делает хороший мир». В этом же военно-морском трактате встречаются пословица, дающая совет как стать искусным в морском деле: «vfa e fegaas mestre» – «Применяй на практике и станешь мастером». Другой пословицей Оливейра призывает не быть невеждой: «Mal julga o sego acerca das cores» – «Слепой не разбирается в цветах, красках». Кроме того, автор посредством пословицы критикует трусость: «Achaques aa corefma por nam gejuar» [Oliveyra 1555 a, f. lxvij] – «Быть больным в Великий пост, чтобы не поститься», «Achaqs al uernes por no aiunar le» [Oliveyra 1555 b, f. 251 v.] – «быть больным в пятницу, чтобы не поститься». В трактате «Liuro da fabrica das naos» («Книга о строительстве кораблей») мы находим пословицу, с помощью которой Оливейра допускает разные способы, применяемые в кораблестроении: «quantas são as cabeças tantos são os sentidos» – «сколько голов, столько и умов». Пословица «O auarento por hum pão perde cento» [Oliveyra 1580, pp. 49, 66] соответствует русской пословице «скупой платит



дважды». При помощи этой поговорки Оливейра порицает мастеров-корабелов, которые экономят на материалах.

### Заключение

В данной статье мы предприняли попытку исследовать признаки португальской устной речи XVI в. Источниками исследования послужили печатные и рукописные тексты португальского автора XVI в. Фернана де Оливейры. В начале исследования были рассмотрены факторы, влияющие на речь человека. Условно их можно обозначить как анатомический, физико-географический, этнический факторы, фактор хорошего или плохого бытия. Отдельно автор говорит об иноязычном влиянии. Однако это замечание касается заимствований. Следы устной речи были выявлены на примере фонетических и лексических диалектизмов. Также наличие признаков устной речи показано на уровне фоносинтаксиса (слияние двух-трех слов в одно). Уровень предложения, высказывания был продемонстрирован с помощью поговорок.

Проданный анализ позволяет сделать следующий вывод: письменные памятники португальского языка XVI века в печатной и рукописной формах репрезентативно отражают черты португальской устной речи в указанный период. Кроме того, складывающаяся литературная норма португальского языка содержит много элементов разговорного языка. Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение проблемы выработки и становления орфоэпической нормы португальского национального литературного языка на раннем этапе (XVI в.).

### Список использованных источников

1. Oliueyra F. de. 1536. Grammatica da lingoagem portuguefa / [Fernão Doliveira]. 1536. - Em Lixboa : e[m] cafa d'Germão Galharde, 27 Ianeyro 1536. - [38] f.
2. Oliueyra F. de. 1555. Arte da Guerra do mar / nouamente efcrita per Fernando Oliueyra ... Em Coimbra : Iohão Aluerez [sic] 4 Julho 1555. - [4], 9-80 f. ; 4° [21].
3. Oliueyra F. de. 1555 b. Ferdinandi Oliveri de Sancta Columba [1507-85] opera duo: 1555. Ars nautica, autographa. - Viagem de Fernão de Magalhães, secundum narrationem cuiusdam Jocii et Juppeltus ex aliis fontibus, Iufitanice. XVI [1555]. 1 deel, geschreven op papier, 255 fol ; ca. 310x215, ca. 298x190/195, ca. 305-205 mm. 255 f.
4. Oliueyra F. de. 1580. Liuro da fabrica das naos / [...] composto de nouo p[e]llo licenciado Fernando Oliueyra [Ca. 1580]. - [3] f., [164] p., enc. : papel, il. ; 31 cm, 164 p.
5. Leite de Vasconcellos J. 1897-1899. Dialectos extremenhos. Revista Lusitana. Vol. V. Lisboa: 137 – 147.

### Список литературы

1. Голубева Е.Г. 1981. Фонетика португальского языка. М., Высшая школа, 119 с.
2. Косарик М. А. 1991. Ранние португальские грамматики и трактаты о языке (к истории-лингвистических учений). Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 257 с.
3. Bechara E. 2010. Estudo da Língua Portuguesa: textos de apoio. Brasília, FUNAG, 420 p.
4. Braga Barreiros F. 1937. Vocabulário barrosão. Revista Lusitana. Vol. XXXV. Lisboa: 239– 303.
5. de Pratt O. 1911. Linguagem minhota. Revista Lusitana. Vol. XIV. Lisboa: 145–168.
6. Fonte J. Simões. 2014. As Vogais na Diacronia do Português: uma interpretação fonológica de três momentos da história da língua. Tese (Doutorado). São Paulo, UNESP, Araquara, 351 p.
7. Gomes Pereira A. 1911. Costumes e linguagem popular de Murça. Revista Lusitana. Vol. XIV. Lisboa: 82–87.
8. Meireles, V. 2018. Sequências vocálicas e o acento de palavra do Português. In: Uma História de Investigações sobre a Língua Portuguesa: Homenagem a Sílvia Brandão. São Paulo: Blucher: 183-192.
9. Queriquelli L.-M. 2016. Filologia portuguesa: Florianópolis, UNIASSELVI, 176 p.

10. Veloso Pratas Dias A.-P. 2014. A variação ou – oi em Portugal Continental: Delimitação das áreas geográficas com maior incidência do ditongo oi. *Diacrítica*. № 28/1. Série Ciências da Linguagem: 51–72.

### References

1. Golubeva E.G. 1981. *Fonetika portugal'skogo yazyka* [Portuguese Phonetics]. M., Vysshaya shkola, 119 p.
2. Kossarik M. A. 1991. *Ranniye portugal'skiye grammatiki i traktaty o yazyke (k istorii lingvistichestikh ucheniy)* [Early Portuguese grammars and treatises on language (on the history of linguistic teachings)]. Diss. ... cand. filol. sciences. Moscow, 257 p.
3. Bechara E. 2010. *Estudo da Língua Portuguesa: textos de apoio*. Brasília, FUNAG, 420 p.
4. Braga Barreiros F. 1937. *Vocabulário barrosão*. *Revista Lusitana*. Vol. XXXV. Lisboa: 239–303.
5. de Pratt O. 1911. *Linguagem minhota*. *Revista Lusitana*. Vol. XIV. Lisboa: 145–168.
6. Fonte J. Simões. 2014. *As Vogais na Diacronia do Português: uma interpretação fonológica de três momentos da história da língua*. Tese (Doutorado). São Paulo, UNESP, Araquara, 351 p.
7. Gomes Pereira A. 1911. *Costumes e linguagem popular de Murça*. *Revista Lusitana*. Vol. XIV. Lisboa: 82–87.
8. Meireles, V. 2018. *Sequências vocálicas e o acento de palavra do Português*. In: *Uma História de Investigações sobre a Língua Portuguesa: Homenagem a Silvia Brandão*. São Paulo: Blucher: 183-192.
9. Queriquelli L.-M. 2016. *Filología portuguesa: Florianópolis*, UNIASSELVI, 176 p.
10. Veloso Pratas Dias A.-P. 2014. A variação ou – oi em Portugal Continental: Delimitação das áreas geográficas com maior incidência do ditongo oi. *Diacrítica*. № 28/1. Série Ciências da Linguagem: 51–72.

### Ссылка для цитирования статьи

#### For citation

Архипов С.В. 2020. Черты португальской устной речи в памятниках письменной речи португальского языка XVI в. (по материалам произведений Ф. де Оливейры). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 39 (1): 75–82. DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-75-82

Arkhipov S.V. 2020. Features of spoken portuguese language in monuments of written language in portuguese from XVI century (on base of works written by F. de Oliveira). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39 (1): 75–82. (in Russian). DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-75-82

УДК 81'272

DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-83-89

**ПРОБЛЕМЫ АВТОХТОННЫХ ЯЗЫКОВ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ  
(НА ПРИМЕРЕ КАМЕРУНА И НИГЕРИИ)****PROBLEMS OF INDIGENOUS LANGUAGES IN WEST AFRICA  
(ILLUSTRATED BY CAMEROON AND NIGERIA)****Ю.С. Блажевич  
Yu.S. Blazhevich**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,  
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: blazhevich@bsu.edu.ru

**Аннотация**

Отличительной особенностью Африки является высокая степень языкового и культурного разнообразия. В многоязычном и диглосном обществе многочисленные миноритарные языки подвергаются опасности исчезновения, что ведет к обеднению всемирного культурного наследия. В этой связи возникла необходимость комплексного изучения специфики языковой ситуации для того, чтобы обозначить существующие проблемы, выявить их причины и наметить пути решения. Камерун и Нигерия выбраны для изучения существующих социолингвистических проблем в связи с тем, что их объединяет общее колониальное прошлое, а также схожие социолингвистические условия. Авторами дан анализ различных факторов экстралингвистического характера, представляющих угрозу для местных языков. Описаны лингвистические признаки умирания языка. Также выявлена проблема разделения языковых коллективов в результате искусственного насаждения границ в колониальных период, которое приводит к языковой диалектизации. Сформулированы необходимые условия для решения существующих проблем. Обнаружена зависимость витальности языка от наличия письменности и орфографической нормы, а также уровня функциональной нагрузки и жизнеспособности языка от его престижа в обществе. Обозначена роль языковой политики государства в создании условий, необходимых для повышения витальности языков, находящихся под угрозой исчезновения, путем увеличения их функциональной нагрузки.

**Abstract**

A distinctive feature of Africa is its high degree of linguistic and cultural diversity. In a multilingual and digloss society, numerous minority languages are at risk of disappearing, which leads to the impoverishment of the world cultural heritage. In this regard, there is a need for a comprehensive study of the specifics of the language situation in order to identify existing problems, identify their causes and identify solutions. Cameroon and Nigeria were chosen to study existing sociolinguistic problems because they share a common colonial past, as well as similar sociolinguistic conditions. The authors give an analysis of the various factors of extralinguistic nature, posing a threat to local languages. Linguistic signs of language dying are described. The problem of division of language collectives as a result of artificial planting of borders in the colonial period, which leads to language dialectization, is also revealed. The study reveals the dependence of the vitality of a language on the existence of a writing system and grammar. The dependence of the level of functional load and viability of the language on its prestige in society has also been shown. The important role of the national language policy in creating the conditions necessary to increase the vitality of the endangered languages by increasing their functional load has been discussed.

**Ключевые слова:** мультилингвизм, языковая политика, миноритарные языки, автохтонные языки, гибель языков, Камерун, Нигерия, Западная Африка.

**Keywords:** multilingualism, language policy, minority languages, indigenous languages, language death, Cameroon, Nigeria, West Africa

## Введение

Африка славится богатым языковым и культурным разнообразием, что дает возможность наблюдать за многими явлениями, связанными с взаимодействием языков и культур. Наибольший интерес в плане языкового разнообразия представляют собой Нигерия и Камерун. Оба государства расположены в Западной Африке, разделяют общую границу и историю. На суммарной территории данных стран сконцентрированы приблизительно 700–800 языков, что составляет около 12 % всех языков мира [Connel, 1998].

В этой ситуации монолингвизм становится очень редким явлением, ведь для успешной коммуникации житель многонациональной африканской страны, помимо родного языка, должен знать государственный язык и, как правило, наиболее распространенный язык межэтнического общения своего региона проживания. Таким образом, языковой репертуар африканцев зачастую состоит из европейского языка, а иногда и двух (языков бывших колониальных держав), автохтонного языка межэтнического общения и родного языка говорящего.

Несмотря на то, что языковое и культурное разнообразие Африки поражает воображение, многие языки находятся под реальной угрозой исчезновения. Организация ЮНЕСКО разработала Атлас языков мира, находящихся под угрозой вымирания, в котором все языки классифицированы по шкале от «находящихся в безопасности» до «вымерших». Благодаря этому источнику становится понятно, что каждый год категорию «вымерших» пополняют и языки Африки, а вместе с ними исчезают и культуры проживающих на территории Африки народов<sup>1</sup>.

Гибель языков может также означать исчезновение культур. Поскольку языки составляют часть мирового культурного наследия, задача их сохранения и витализации является важной и актуальной для всего мирового сообщества.

Целью данного исследования является описание и анализ специфики языковой ситуации, связанной с существующими проблемами местных камерунских и нигерийских языков. Для этого используется индуктивно-дедуктивный метод для осмысления и обобщения соответствующего теоретического и практического материала, а также сравнительно-сопоставительный метод, например, для анализа типов языковых ситуаций.

## Причины снижения витальности автохтонных языков Нигерии и Камеруна

Анализ публикаций на тему исчезающих языков показывает, что при изучении причин «гибели» языков одни исследователи занимаются выяснением социальных, экономических и иных экстралингвистических факторов, других интересуют сугубо структурные изменения в языках, находящихся под угрозой. По нашему мнению, при серьезном междисциплинарном исследовании важно учитывать оба подхода.

Классификации факторов, приводящих к гибели языков разнятся, но большинство исследователей [Batibo, 2005, 2008; Багана и др., 2014; Dressler, 2017] сходятся во мнении, что основными причинами являются следующие:

<sup>1</sup> UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. Available at: <http://www.unesco.org/languages-atlas/> (accessed 11.10.2019).

- уменьшение численности населения в результате гибели от болезней, природных катастроф, геноцида и военных конфликтов;
- расселение и миграции населения по различным социальным и экономическим причинам;
- урбанизация, при которой ребенок в качестве первого языка усваивает язык межэтнического общения в многоэтнической среде города, а родным языком может владеть на примитивном уровне;
- смешанные браки, при которых ребенок усваивает язык только одного из родителей;
- низкий статус языка в обществе, при котором снижение престижа этнического языка приводит к отказу от его употребления.

Как следует из данных факторов, ухудшение *витальности* языка связано с уменьшением количества его носителей как по причине их физической гибели, так и по причинам «оставления» языка или его «непередачи» следующему поколению.

Урбанизация наносит серьезный урон этническим языкам, поскольку многоязычие в городе требует использования государственного языка или языка межэтнического общения, отодвигая родной язык в сферу семейно-бытового общения [Simons & Lewis, 2013, p. 18].

Судя по всему, именно сохранившиеся традиции и уклад жизни замкнутых общин сельской местности обеспечивают передачу этнических языков от поколения к поколению, а значит и их сохранение. Важно, что языки в таких условиях сохраняют свою целостность, богатство и колорит, отражаемые в неповторимых фольклорных традициях. По сравнению с обедневшим языком рожденных в городах, речь такого носителя не ограничивается базовым набором фраз, а характеризуется умелым использованием более сложных оборотов и фразеологических выражений.

В многоязычном обществе мажоритарный язык может, например, обслуживать все сферы жизнедеятельности языкового коллектива, оставляя за этническими языками лишь семейно-бытовую сферу. Иногда использование родного языка происходит лишь при проводимых обрядах и ритуалах. Процесс такого значительного снижения функциональной нагрузки J. Fishman [1987] называет «фольклоризацией» языка. Оценку функциональной нагрузки можно проводить для определения миноритарных языков. Чем меньше сфер охватывает язык, тем меньшей является его функциональная нагрузка [Dorian, 1982].

Сужение сфер употребления языка влечет за собой потерю той части лексики, которая перестает употребляться, ведь она больше не нужна, поскольку разговор на эту тему ведется на другом языке. Происходят также значительные упрощения в области грамматики и синтаксиса [Crystal, 1985; 2000].

Основными языковыми показателями разрушения языка можно считать множественные заимствования из доминирующего языка, агрессивно вытесняющие исконную лексику, а также потерю продуктивности словообразовательных моделей, поскольку слова можно не создавать, а просто заимствовать из другого, престижного, языка [Dressler, 1982]. Важно отметить, что, когда язык претерпевает такие серьезные негативные изменения, его носитель начинает еще больше ощущать «ущербность» и без того «непрестижного» в его представлении языка, происходит еще более сильная деградация языка, а в конечном итоге и отказ от его употребления.

### **Способы повышения витальности автохтонных языков Нигерии и Камеруна**

Разорвать такой «замкнутый круг» способна продуманная языковая политика, повышающая престиж и функциональную нагрузку местных языков. Так, язык можно буквально «воскресить», если стимулировать его использование в обществе, например, в школьном обучении, на работе, в театре и других общественных местах [Fishman, 1977; 1991; 2002].

Еще одним важным условием для сохранения языков является наличие письменности и орфографической нормы. По различным оценкам около 80 % африканских языков не имеют унифицированных орфографических правил, что делает сложным их эффективное использование в учебном процессе [Adegbiya, 2001], некоторые языки до сих остаются бесписьменными.

Разработка письменности многочисленных языков остается важнейшей задачей, так как именно письменность значительно повышает витальность языков, расширяет сферы их использования, дает возможность их изучения в школах и университетах. Так, например, в Камеруне с 1970 года существует программа, благодаря которой письменность получили многие африканские языки. Наиболее известным проектом по изучению языков является проект PROPELCA (Programme de Recherche Opérationnelle pour l'Enseignement des Langues au Cameroun), в рамках которого ведется обучение детей родному языку с начальной школы (помимо изучения одного из официальных языков), а в старших классах для изучения добавляется еще один язык [Romaine, 2002; Rosendal, 2008].

«Трилингвальная» модель обучения как нельзя лучше отвечает потребностям африканцев, проживающих в многонациональном государстве, поскольку именно «трилингвизм» характеризует функциональное распределение языков в репертуаре среднестатистического африканца в многоязычном государстве. Такое распределение языков обычно выглядит как иерархия, где на первом (по престижности) месте, находится официальный язык, на втором – наиболее распространенный для данного региона язык межэтнического общения и на последнем месте – язык внутриэтнического общения (родной язык). Данная схема может меняться в зависимости от конкретных социолингвистических условий многоязычного общества. В любом случае, социолингвистическую ситуацию в Африке можно охарактеризовать как «мультилингвальную».

### **Государственные границы как причина языковой дивергенции**

Как уже было отмечено, Камерун и Нигерия имеют общую границу и разделяют общую колониальную историю. Современный этап существующих между ними отношений омрачился территориальным спором по поводу полуострова Бакасси в Гвинейском заливе, в результате которого полуостров отошел Камеруну.

В XIX веке на Африканском континенте страны-колонизаторы установили границы без учета особенностей существовавшего на тот момент социального и политического устройства, в результате чего многие племенные образования оказались оторванными друг от друга искусственно навязанными границами. Например, город Керева и одна часть племени мандара оказались на территории французской части Камеруна, а другая – в Северной Нигерии. После разделения племя, перемещенное за границу, отрывалось от своих корней и получало другое название. По сути, одним и тем же народом являются, например, хиги в Нигерии и отделенные от него капсики, а также к одному племени принадлежат матакам и вула [Kamwendo, 2003]. До сих пор скрытый протест по поводу насильственного разделения этнических групп проявляется в незаконных пересечениях границ между соседствующими государствами. Жители приграничных районов при прохождении постов могут жульничать, так один и тот же человек может называть себя камерунцем или нигерийцем в зависимости от того, что ему выгодно в данный момент.

В настоящий момент, по данным энциклопедии «Этнолог», более 30 языков распространены как в Камеруне, так и в Нигерии [Simons, Fennig, 2019]. Это языки афаде, алеге, бата, битаре, дзодинка, эфай, эйагам (он же экин ква, ква, аква, абаква), эвант, фульфульде (фула), фум, главда, гуде, гвоко, хауса, хиде, канури, кутеп и многие другие. После отхождения полуострова Бакасси Камеруну, эфик также пополнил список языков, на которых говорят в обеих странах [Edung, 2015]. На языках это отражается в виде *диа-*

*лектизации*, когда при недостатке общения между группами носителей язык каждой из разделенных групп развивается своим путем. В качестве примера могут служить диалекты языка фульфульде в Сенегале, Нигерии и Камеруне. В каждой из этих стран приняты собственные орфографические нормы, что значительно затрудняет взаимопонимание между носителями данных языков при письменном общении.

В перспективе происходящие изменения на различных языковых уровнях могут приводить к языковой *дивергенции* и возникновению новых отдельных друг от друга языков [Kamwendo, 2003].

### Заключение

Языковая ситуация в исследуемом регионе характеризуется доминированием бывших колониальных языков в самых важных сферах жизни общества в ущерб этническим языкам. Как правило, европейский язык обладает наивысшим социолингвистическим статусом, за ним следует язык-посредник, обеспечивающий общение между различными этническими группами, на последнем месте остаются языки, используемые лишь для внутриэтнического общения. Это позволяет говорить о существовании триглоссии.

Языки, обладающие низким языковым статусом, подвергаются опасности вымирания, поскольку ухудшение их витальности связано не только с уменьшением количества носителей, но и с «оставлением» языка или его «непередачей» следующему поколению в связи с его низким социальным статусом в существующей иерархии. Решением может стать серьезная языковая политика, повышающая престиж и функциональную нагрузку местных языков.

Проблема искусственных границ в Африке привела к насильственному разделению этнических групп. Это в свою очередь, угрожает процессом языковой диалектизации, при которой в изоляции от основного языкового коллектива язык разделенной группы развивается собственным путем, все сильнее удаляясь от «оригинала». Для решения этих проблем предлагается установить общие орфографические нормы для одного и того же языка, используемого на территории соседних государств, составить словари, унифицировать грамматические нормы таких языков, а также разработать протокол взаимодействия по вопросам культурного сотрудничества данных стран.

Таким образом, проведенное исследование обозначило ряд проблем, обусловленных историческими, политическими, социологическими, культурными и иными аспектами сложившейся социолингвистической ситуации. В результате проведенного анализа предложены меры для повышения витальности автохтонных языков в данном регионе. Сделанные выводы дают возможность расширить представление о существующей ситуации и могут служить базой для дальнейших исследований в области африканистики и социолингвистики.

### Список литературы

1. Багана Ж., Хапилина Е.В., Блажевич Ю.С. 2014. Английские заимствования в территориальных вариантах французского языка Африки. М., ИНФРА-М: 106 с.
2. Adebija E. 2001. Saving threatened languages in Africa: A case study of Oko. Ed.: J.A. Fishman. Clevedon, Multilingual matters: 284–308.
3. Batibo H. M. 2005. Language Decline and Death in Africa: Causes, Consequences and Challenges. Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd., 181 p.
4. Batibo H. M. 2008. Poverty as a Crucial Factor in Language Maintenance and Language Death: Case Studies from Africa. In: Language and Poverty. Ed.: W. Harbert, S. McConnell-Ginet, et al. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd: 23–36.
5. Connell B. 1998. Moribund Languages of the Nigeria-Cameroon Borderland. In: Endangered Languages in Africa. Ed.: M. Brenzinger. Cologne, Rüdiger Köppe: 207–225.



6. Crystal D. 1985. Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford, Basil Blackwell, 337 p.
7. Crystal D.A. 2000. Language Death. Cambridge, Cambridge University Press, 198 p.
8. Dorian N. C. 1982. Language loss and maintenance in language contact situations. In: The Loss of Language Skills. Ed.: R. D. Lambert and B. F. Freed. Rowley, Newbury House: 44–59.
9. Dressler W.U. 1982. Acceleration, retardation, and reversal in language decay? In: Language Spread: Studies in Diffusion and Social Change. Ed.: R.L. Cooper. Bloomington, Indiana University Press: 321-336.
10. Dressler W.U. 2017. Independent, Dependent and Interdependent Variables in Language Decay and Language Death. *European Review*, 26 (1): 120–129.
11. Edung M.T.U. 2015. The Culturo-Linguistic Factor as a Facilitator of Peace in Present-Day Nigeria – Cameroun Border Relations. *Journal of Language and Communication*, 2 (2): 50–64.
12. Fishman J.A. 1977. The spread of English as a new perspective for the study language maintenance and language shift. In: The spread of English: The International Sociology of English as an Additional Language. Ed.: J.A. Fishman, R.A. Cooper et al. (ed.). Rowley, Newbury House: 108–135.
13. Fishman J.A. 1987. Language spread and language policy for endangered languages. In: Proceedings of the Georgetown University Roundtable on Language and Linguistics. Washington Georgetown University Press: 1-15.
14. Fishman J.A. 1991. Reversing Language Shift. Clevedon. UK, Multilingual Matters, 431 p.
15. Kamwendo G. 2003. On Cross-Border Languages and Cross-Border Collaboration between Malawi and Mozambique. *Portuguese literary and cultural studies. Reevaluating Mozambique*, 10: 87–103.
16. Romaine S. 2002. The Impact of Language Policy on Endangered Languages. *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*, 4 (2): 94–212.
17. Rosendal T. 2008. Multilingual Cameroon Policy, Practice, Problems and Solutions. *Gothenburg Africana Informal Series*, 7: 65 p.
18. Simons G.F., Fennig C. D. *Ethnologue: Languages of the World*. Available at: <https://www.ethnologue.com/country/CM> (accessed: 11.10.2019).
19. Simons G.F., Lewis M.P. 2013. The world's languages in crisis. A 20-year update. In: Responses to Language Endangerment: In honor of Mickey Noonan. Eds.: E. Mihas et Al. John Benjamins Publishing company. Amsterdam / Philadelphia: 3–20.

### References

1. Baghana J., Khapilina E.V., Blazhevich Yu.S. 2014. Angliyskie zaimstvovaniya v territorial'nykh variantakh frantsuzskogo yazyka Afriki [English borrowings in territorial variants of the French language in Africa]. M., INFRA-M: 106 p.
2. Adegbija E. 2001. Saving threatened languages in Africa: A case study of Oko. Ed.: J.A. Fishman. Clevedon, Multilingual matters: 284–308.
3. Batibo H. M. 2005. Language Decline and Death in Africa: Causes, Consequences and Challenges. Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd., 181 p.
4. Batibo H. M. 2008. Poverty as a Crucial Factor in Language Maintenance and Language Death: Case Studies from Africa. In: Language and Poverty. Ed.: W. Harbert, S. McConnell-Ginet, et al. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd: 23–36.
5. Connell B. 1998. Moribund Languages of the Nigeria-Cameroon Borderland. In: Endangered Languages in Africa. Ed.: M. Brenzinger. Cologne, Rüdiger Köppe: 207–225.
6. Crystal D. 1985. Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford, Basil Blackwell, 337 p.
7. Crystal D.A. 2000. Language Death. Cambridge, Cambridge University Press, 198 p.
8. Dorian N. C. 1982. Language loss and maintenance in language contact situations. In: The Loss of Language Skills. Ed.: R. D. Lambert and B. F. Freed. Rowley, Newbury House: 44–59.
9. Dressler W.U. 1982. Acceleration, retardation, and reversal in language decay? In: Language Spread: Studies in Diffusion and Social Change. Ed.: R.L. Cooper. Bloomington, Indiana University Press: 321-336.
10. Dressler W.U. 2017. Independent, Dependent and Interdependent Variables in Language Decay and Language Death. *European Review*, 26 (1): 120–129.
11. Edung M.T.U. 2015. The Culturo-Linguistic Factor as a Facilitator of Peace in Present-Day Nigeria – Cameroun Border Relations. *Journal of Language and Communication*, 2 (2): 50–64.



12. Fishman J.A. 1977. The spread of English as a new perspective for the study language maintenance and language shift. In: *The spread of English: The International Sociology of English as an Additional Language*. Ed.: J.A. Fishman, R.A. Cooper et al. (ed.). Rowley, Newbury House: 108–135.
13. Fishman J.A. 1987. Language spread and language policy for endangered languages. In: *Proceedings of the Georgetown University Roundtable on Language and Linguistics*. Washington Georgetown University Press: 1-15.
14. Fishman J.A. 1991. *Reversing Language Shift*. Clevedon, UK, Multilingual Matters, 431 p.
15. Kamwendo G. 2003. On Cross-Border Languages and Cross-Border Collaboration between Malawi and Mozambique. *Portuguese literary and cultural studies. Reevaluating Mozambique*, 10: 87–103.
16. Romaine S. 2002. The Impact of Language Policy on Endangered Languages. *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*, 4 (2): 94–212.
17. Rosendal T. 2008. *Multilingual Cameroon Policy, Practice, Problems and Solutions*. Gothenburg Africana Informal Series, 7: 65 p.
18. Simons G.F., Fennig C. D. *Ethnologue: Languages of the World*. Available at: <https://www.ethnologue.com/country/CM> (accessed: 11.10.2019).
19. Simons G.F., Lewis M.P. 2013. The world's languages in crisis. A 20-year update. In: *Responses to Language Endangerment: In honor of Mickey Noonan*. Eds.: E. Mihás et Al. John Benjamins Publishing company. Amsterdam / Philadelphia: 3–20.

### **Ссылка для цитирования статьи**

#### **For citation**

Блажевич Ю.С. 2020. Проблемы автохтонных языков в Западной Африке (на примере Камеруна и Нигерии). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 39 (1): 83–89.

DOI: 10.18413/2687-0940-2020-39-1-83-89

Blazhevich Yu.S. 2020. Problems of indigenous languages in West Africa (illustrated by Cameroon and Nigeria). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 39 (1): 83–89. (in Russian). DOI:10.18413/2687-0940-2020-39-1-83-89

УДК 811.161.1  
DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-90-99

**ФОРМАТ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО РАДИО  
КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ РАДИОЖУРНАЛИСТА  
(НА ПРИМЕРЕ РАДИО «ЕВРОПА ПЛЮС»)**

**ENTERTAINMENT RADIO FORMAT  
AS A FACTOR DEFINING THE SPEECH CULTURE OF A RADIO JOURNALIST  
(USING THE EXAMPLES OF "EUROPA PLUS" RADIO)**

**А.В. Ельникова, Е.А. Беспалова  
A.V. Elnikova, E.A. Bepalova**

Юго-западный государственный университет,  
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Southwest State University,  
94, 50 Let Oktyabrya St, Kursk, 305040, Russia

E-mail: elnikova2000@icloud.com, kbespalova@yandex.ru

**Аннотация**

Радикальные преобразования, предопределившие изменения типа и концепции отечественного радиовещания, перестроившие содержание вещания и отношения с аудиторией, отразились и на жанровой структуре современного радио – востребован непринужденный стиль ведения программ, выбор которого может быть обусловлен форматом радиостанции. При этом профессиональная компетентность специалистов, вступающих в диалог с массовым слушателем и во многом формирующих речевую культуру своих многочисленных собеседников, зачастую является сомнительной. Названная область является достаточно новой для изучения, требует отдельного рассмотрения. В связи с этим авторами проведен анализ влияния формата развлекательного радио на коммуникативные качества радиожурналиста и используемые им приемы организации эфира. На основе наблюдения за эфирами утреннего шоу «Бригады У» радио «Европа Плюс», обобщения и интерпретации полученных данных проанализированы специфика речевой культуры ведущего развлекательной радиостанции. Показано, что рамки речевой компетентности ведущего определяет задача производства развлекательного медиатекста. Описаны коммуникативные роли-функции ведущих; типичные коммуникативные стратегии и тактики, используемые в эфире. Рассмотрены проявления речевой культуры ведущих развлекательного шоу на радио, выявлены ее слабые и сильные стороны. В результате выявлены содержательные, структурные и языковые особенности построения коммуникации на развлекательном радио.

**Abstract**

Far-reaching reforms, predetermined changes in the type and concepts of local radiobroadcasting and restructured the content of broadcast and the relationship with the audience, reflected on the genre structure of modern radio. Nowadays relaxed style of broadcasting is popular and the choice of this style may be due to the format of the following radio station. At the same time, the professional competence of specialists who enter into a dialogue with a mass audience and mainly form the speech culture of their numerous interlocutors is often questionable. This area is new enough to study and requires individual consideration. In connection with this, the authors analyzed the influence of the entertainment radio format on the communicative qualities of a radio journalist and the techniques used for organizing the broadcast. On the basis of the observation of morning shows "Team U" to radio "Europe Plus", consolidation and interpretation of obtained data the specificity of the speech culture of the entertainment radio station's host is analyzed. It is shown that the scope of the speech competence of the presenter is determined by the task of pro-

ducing entertainment media text. The article describes the communicative roles and functions of hosts; typical communication strategies and tactics which are broadcast. The article considers the manifestations of the speech culture of the entertainment show hosts on the radio, and reveals its weaknesses and strengths. As a result, the content, structure, and language features of building communication on entertainment radio are revealed.

**Ключевые слова:** речевая коммуникация, организация эфира, радиожурналистика, развлекательный формат радио.

**Key words:** speech communication, broadcast organization, radio journalism, entertainment format of radio.

---

## Введение

Новые социально-политические условия, технологические возможности предопределили смену функций радиожурналиста, изменение характера взаимоотношений ведущего и аудитории и, как следствие, изменение требований к коммуникативной и речевой культуре радиожурналиста. Важнейшими навыками на радиостанциях любого формата (и особенно развлекательного) является умение организовывать, вести и контролировать «живой», общеинтересный диалог в прямом эфире. Радикальные преобразования, предопределившие изменения типа и концепции отечественного радиовещания, перестроившие содержание вещания и отношения с аудиторией, отразились и на жанровой структуре современного радио. Идет обратное движение от сложных жанровых форм к обычному речевому общению, размываются границы жанров, корректируются критерии эффективности коммуникации в отношении классических радиожанров.

Профессиональная компетентность специалистов, вступающих непосредственно в диалог с массовым слушателем и во многом формирующих речевую культуру своих многочисленных собеседников, зачастую является сомнительной. При этом значительно снижается интерес слушателей к образованным, интеллигентным ведущим, мастерски владеющим голосом и речевыми нормами. Востребован живой, непринужденный стиль ведения программ, выбор которого может быть обусловлен форматом радиостанции или противоречить ему. Названная область является достаточно новой для изучения, требует отдельного рассмотрения.

Цель данной работы – выявление и описание специфики коммуникативных навыков журналиста радио развлекательного формата, особенностей его речевого этикета на основе наблюдения, обобщения полученных данных, качественной интерпретации данных.

### Формат развлекательного радио и условия успешной коммуникации

Специфика радиойной коммуникации является важным направлением современной медиалингвистики. Ее изучению посвящено множество научных трудов [Сомова, 2002; Босый, 2006; Język w media, 2012; Коньков, 2016; Беспалова, Ельникова 2019; Зубко, 2019]. Особенности развлекательного радиийного радиодискурса на сегодняшний день описаны фрагментарно, основные направления исследования только формируются [Болотова, 2000; Фашанова, 2012; Чернышов, 2013], поэтому при проведении исследования важно учитывать тенденции, которые доминируют в теории медиа в целом [Васильев, 2003]. Принципиально значимы представления о том, что на радио существенны два полярных речевых замысла – фатика и информатика, где, согласно оценке Т.Г. Винокур, под фатикой понимается «вступление в общение, имеющее целью предпочтительно само общение» [1993, с. 136]. Примером реализации фатической функции коммуникации (общение ради общения) является small talk [Степыкин, 2010; 2014]



Речевую компетентность можно характеризовать как тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность, предопределенную спецификой радиодискурса: информационно-аналитического или развлекательного.

В качестве исследовательской базы были выбраны прямые эфиры утренних программ «Бригады У» радио «Европа плюс» и их распечатки. «Европа плюс» – первая в России коммерческая радиостанция, созданная 30 апреля 1990 года, на сегодня вещающая на русском языке в восьми странах ближнего зарубежья. Ее содержательный контент составляют музыкальные и речевые программы фатических жанров.

Основу формата вещания музыкально-развлекательной радиостанции составляют шуточные диалоги, музыкальные заставки, джинглы, отбивки, афоризмы популярных ведущих, телефонные разговоры со слушателями и др., что фактически провоцирует, «требует» от ведущих отступления от некоторых норм, обязательных для соблюдения в других СМИ. Как замечает Т.П. Куранова, «первое впечатление, которое возникает у человека, впервые услышавшего речь ведущего информационно-музыкальной радиостанции, – это, как правило, удивление тому, как долго, оказывается, можно говорить, когда сказать, по сути дела, нечего» [Куранова, 2010, с. 213].

«Бригада У» изначально позиционирует себя как коллектив, гарантирующий высокопрофессиональный развлекательный контент. «В арсенале "Бригады У" есть все, что нужно для хорошего начала дня: неслабые шутки, отвязные розыгрыши, свежие темы, музыки больше, чем в айпoде. Новости такие, что френдлента отдыхает. А по пятницам – вообще сплошное веселье. "Бригада У" легко заменяет двойной капучино, апельсиновый фреш и полчаса отжиманий. Утро с Джемом, Ильей (сейчас его заменил Вэл) и Вики – 100 % гарантия отличного настроения на весь день» ("Европа плюс", 07.12.2018). Джем, Илья и Вики – эфирные имена журналистов, ведущих эту программу.

Как видим, рамки речевой компетентности ведущего в данном случае определяет задача производства развлекательного медиатекста. Радиоведущий в прямом эфире должен создавать авторский текст, креолизованный по фактуре, диалогичный по природе, а по тематической доминанте его «можно отнести к медиатопикам, объединяющим в себе ряд совершенно различных тем» [Чичерина, 2007, с. 164].

Залогом эффективности коммуникации в таком радиийном формате являются следующие параметры речевой грамотности: осознание цели, языковое воплощение, общая тональность текста и т.д. В соответствии с этими требованиями выстраивается не только рекламная заставка, но и программы названной группы журналистов. В ходе работы были прослушаны 30 утренних эфиров программы «Бригада У», и в каждом из них отмечена установка на развлечение адресата, что проявлено в подчеркнуто эмоциональной, взволнованно-позитивной тональности диалога. В студии работает слаженный коллектив, и хотя текст программы рождается спонтанно, строится по преимуществу на разговорных конструкциях, оценочных, императивных предложениях, в репликах преобладают яркие выразительные средства.

Известно, что «радиокоммуникация протекает в особых условиях, среди которых можно отметить дистантность, опосредованность, отсутствие визуализации, массовость аудитории, всеохватность, высокую скорость передачи информации, необратимость, одномоментность, непрерывность, линейность» [Нестерова, 2011, с. 37]. Но благодаря ярким индивидуальностям ведущих эти проблемы довольно удачно разрешаются. Несмотря на неподготовленный характер речи, ее демонстративную неофициальность, стремление «говорить обо всем, что приходит в голову» – качества, которые еще несколько десятилетий были невозможны на отечественном радио, считались признаком профессиональной некомпетентности, – «Бригада У» успешно лидирует в своей жанрово-тематической нише, сохраняя высокие места в рейтингах популярности, так как выполняет главную задачу – удовлетворяет потребность в общении.

Коммуникативный замысел задает набор речевых приемов, трансформирует границы языковой нормы, диктует выбор тех или иных вербальных средств. Коммуникативная установка радиоведущего во многом зависит от профессиональной роли журналиста на радио (информатор, аналитик, модератор), при этом она основывается на общих стандартах речевой культуры радиожурналиста [Беспалова, Карцева, 2016]. В нашем случае радиоведущий выполняет роль развлекателя, способствуя релаксации аудитории, что предопределяет особенности его речи. Эффективная коммуникация в программе «Бригады У» подразумевает способность радиоведущих поддерживать (или имитировать) оживленный, непринужденный диалог на общеинтересные темы со слушателями, которые не ставят себе цели получить какую-либо информацию, а слушают программу для поддержания музыкального или разговорного занимательного «фона».

Таким образом, неинформативная беседа составляет основу коммуникации в данной программе. Эту разновидность общения И.А. Стернин определяет как «взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [Стернин, 1996, с. 14]. Цель такой беседы – «светская болтовня», поэтому темы вовсе не обязательно связываются с актуальной информационной повесткой. Более того, они легко меняются в зависимости от общего хода беседы, что, конечно же, требует от ведущих коммуникативной мобильности.

Необходимо учитывать тот факт, что на радио фактически нет «запретных» тем, стерлись грани между подходящими и неподходящими предметами для обсуждения, так что И.А. Стернин даже предлагает выделить новый жанр радиожурналистики – «треп» в эфире [Стернин, 1996, с. 10]. Такой формат общения требует от ведущих умения «установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, то есть проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [Дементьев, 1999, с. 37]. Для установления непринужденного контакта со слушателем в таких случаях требуется определенное речевое поведение, освоение ряда коммуникативных ролей-функций: «говорю "от себя", как отдельная личность (не несу ответственности за других); обособляю свой групповой опыт (говорю, как принято "у нас"); нейтрализую разные речевые опыты (выравниваю неравные отношения); формирую при этом бесконфликтную стиливую фигуру ("перевожу", строю синонимический ряд)» [Рабенко, 2014, с. 52].

### **Коммуникативные особенности организации эфира радио «Европа Плюс»**

Специфика речевого общения команды «Бригада У» во многом обусловлена временем выхода программы – это утреннее шоу, призванное помочь весело начать день, «будить Россию». Отсюда и особые формы приветствия: *«Пора просыпаться! "Бригада У" – уже в студии Европы Плюс»* (08.02.2019); *«Утро должно начинаться с позитива – Включай "Бригаду У"»* (01.02.2019); *«Эксклюзив! "Бригада У" и #Swanky Tunes создали этот опасный трек для тех, кому надо быстро проснуться! Встречайте!»* (19.01.2019); *«В "Бригаде У"! Итальянцы! Мы помним о вас! Встречайте! Итальянская версия тренда Фиги панталони!»* (29.01.2019) и др.

Музыкальные заставки переплетаются в эфире с речью ведущих, которые анонсируют события, читают СМС-сообщения и сообщения из социальных сетей, принимают звонки слушателей в прямом эфире, разыгрывают билеты на концерты и развлекательные мероприятия. Доминирующей стратегией в таких случаях является побуждение к действию, привлечение внимания, активное включение аудитории в процесс саморазвлечения.

Радиоведущие предлагают присылать сообщения, звонить, высказываться по поводу, спеть в эфире и т.д. Как указывает В.А. Егошкина, данные «коммуникативные стратегии реализуются в речи ведущих посредством использования следующих тактик: приглашение слушать эфир (или иным образом участвовать в передаче), анонс программы или ее

отдельных компонентов (специальных мероприятий), тактика приглашения к совместным действиям, реализуемая за счет шаблонных выражений ("давайте мы", "оставайтесь с нами", "давайте вместе", использования императивных форм глаголов ("участвуйте в наших проектах", "звоните в эфир" и др.), тактики креативной адресации, подразумевающие использование нестандартных методов и форм обращения к слушателям, тактика самопрезентации ведущего или слушателя, эмоционально настраивающие тактики, диалоговые тактики [Егошкина, 2014, с. 186].

Это означает, что для успешного контакта с аудиторией ведущий должен уверенно владеть речевыми тактиками, лежащими в основе императивных жанров. Он должен уметь побуждать к определенному, выгодному для журналиста типу поведения, реагирования. К примеру, «Участвуй в игре "Королевская гонка в Бригаде У", получи путевку в Сочи и отправляйся вместе с Джемом, Ильей и Вики на легендарный чемпионат мира по шоссейно-кольцевым автогонкам! "Бригада У" ждет твоего звонка по телефону (495) 745-65-65. Пройди испытание на скорость в утреннем эфире Европы Плюс! На кону: билет на Сочи Автодром. Дерзай, и да пребудет с тобой жажда скорости!» (09.03.2019). Общеупотребительность таких форм подтверждают и другие примеры.

Отдельные разделы эфира строятся на прямом привлечении к регулярному прослушиванию программы. Аудитории настойчиво предлагают материальный стимул, участие в розыгрыше денежного приза для слушателей. Так, в структуру утреннего шоу «Бригады У» входит программа «Сейф», ежедневно слушателем предлагается «взломать сейф» и «забрать» деньги. По мере того, как растет сумма в сейфе, нарастает экспрессия приглашений позвонить в студию. Этот раздел существует в эфире долгое время, соответственно, сложилась огромное количество подводок-приглашений к участию: «В сейфе "Бригады У" скопилась внушительная сумма – 80 000 рублей!.. Угадай код и сорви большой куш!» (29.02.2019); «Хочешь тоже сорвать большой куш и попасть в галерею лучших "грабителей" на сайте "Бригады У"? Джем, Илья и Вики ждут твоего звонка каждый будний день в 9:35 по номеру (495) 745-65-65! Возможно, именно ты станешь одним из самых крутых взломщиков сейфа на Европе Плюс!» (04.03.2019) и др.

Речевая культура в программах такого формата предполагает и свободное, творческое оперирование обязательными, ритуальными компонентами: «спасибо за звонок», «оставайтесь с нами», «простите, но ваш ответ неверный», «сегодня не ваш день, деньги остаются в студии», «вы становитесь обладателем двух билетов», «выигрыш ждет вас», «спасибо за участие», «поздравляем победителя» и др. Важно, чтобы эти шаблонные формулы не повторялись в рамках одного эфира, соответствовали характеру собеседника, сопровождалась верной интонацией.

Анонсы мероприятий сложны тем, что требуют выделения одного из событий таким образом, чтобы завоевать внимание аудитории, которая слушает радио для развлечения, мало расположена к сосредоточению. Иначе говоря, в фатический текст вторгается информационный компонент и ведущий должен переключить аудиторию «на запоминание», а это требует тонкого владения ораторскими приемами привлечения внимания.

Важным коммуникативным навыком выступает и умение сортировать, отбирать и представлять в эфире присланные СМС-сообщения. Во-первых, нужно уметь охватить весь текст присланного сообщения, ведь отдельные обороты могут быть за пределами речевой нормы, вплоть до нецензурных выражений. В таких случаях, ведущие «Бригады У», как правило, отшучиваются, быстро импровизируют, переводя сообщение в рамки допустимого. Во-вторых, авторы сообщений могут скрываться за совершенно неудобочитаемыми никнеймами, что составляет серьезную сложность в прямом эфире. В таких случаях все трое ведущих переключаются на комментирование ника, языковое обыгрывание имени, выбранного виртуальным коммуникантом.

Кроме того, в структуру программы входит страничка «Кто здесь?». Принцип ее в том, что журналисты рассылают СМС-сообщения случайным слушателям и затем зачитывают в эфире ответы на них. Здесь эффективность коммуникации во многом зависит от знания аудитории, психологии общения. Чтобы получить интересные ответы, нужно очень точно рассчитать реакцию, выверить текст рассылаемого сообщения. К примеру, 26 апреля 2019 года зрители должны были прислать продолжение СМС-сообщения, в котором был такой текст: «оказывается, все не так, как есть на самом деле...». Комментарии ведущих были минимальны, на уровне эмоциональных эллиптических реплик, просторечных оборотов, которые и являлись основным инструментом удерживания внимания. Журналисты сознательно предельно упрощали комментарии, подстраиваясь под настрой авто-ров присланных СМС-сообщений и под общий формат шоу.

Не менее важные составляющие речевой культуры на развлекательном радио – умение вовлечь слушателя в музыкальные конкурсы, минимальные навыки владения голосом или способность обыграть собственное неумение петь. В рамках проекта «Музи Смузи» радиоведущие предлагают аудитории бесконечные музыкальные эксперименты по исполнению песенных хитов, угадыванию саундтреков, поэтическим импровизациям и т.д. Залогом эффективной коммуникации здесь выступает обаяние ведущих, их умение мгновенно расположить к себе дозвонившегося, который должен сразу же включиться в процесс развлечения слушателей. «В "Бригаде У"! Круто и немножко грустно. Но очень горячо! А ещё там в конце такой гармошечный вобл» (01.02. 2019).

Столь же виртуозного контроля над ситуацией и речевым поведением дозвонившихся требуют от ведущих программы «City battle» (варианты названия «street battle», «family battle»), в ходе которых разворачиваются шуточные состязания между слушателями из разных городов, так как здесь возможны и технические накладки (пропадает звук, посторонние шумы в эфире и др.), и проблемные собеседники.

Исследование показало, что принципиально значимым для эффективной коммуникации является умение быстро переходить от одного предмета обсуждения к другому. Учитывая, что в студии несколько ведущих, эта проблема решается довольно просто: слушатель далеко не всегда может уловить, когда происходит смена темы, диалог длится непрерывно, благодаря отработанным приемам использования речевых фатических жанров:

– воспоминание («Я в детстве, когда слышала "Пусть бегут неуклюже...", всегда думала, кто же эти неуклюжи, какие они?» (26.04.2019)),

– вопрос («Какого числа состоялся релиз? Да, может, он вообще еще не состоялся?» (26.04.2019)),

– сплетня («Для начала. Американец судится за право жениться на макбуке. Это уже вторая его попытка. Полгода назад он пытался жениться на любимом гаджете в штате Флорида. Там ему отказали...» (21.04.2019)),

– анонс («Я иду на... цирк дю Солей и на одно из их красочных шоу Varekai. По всему миру оно идет с большим успехом. В Монреале оно началось, и вот сейчас продолжается в Москве. С 14 апреля можно идти покупать билеты, а можно не покупать, а выигрывать их в "Бригаде У"...» (05.04.2019)),

– обещание, переход от общего к частному («О-о-очень красивый фильм... Все знают, кто он такой и всех его друзей знают и любят. Мне кажется, все в какой-то степени в детстве хотели быть... Давайте знакомиться с нашими... С нашими... С нашими! С нашими игроками»),

– введение в диалог примеров из личного опыта («А у меня одна подруга не только разделяет гаджеты на самочек и самок, но и дает им имена. У нее есть айфон Шар-

лиз Терон. *И я машину называю... Жучок... У меня навигатор съемный был – Глория»* (21.04.2019)).

В.А. Егошкина дает классификацию приемов смены темы [Егошкина, 2014, с. 182], и все перечисленные ею риторические ходы отмечены в прослушанных утренних эфирах «Бригады У»: использование вопросов, прогнозов, шуток, слухов и т.д., актуализации информации, известной ведущему, и обращение к собеседнику в студии, введение в диалог личного мнения говорящего, использование прецедентных текстов, использование домашней заготовки (факта неизвестного ранее, но имеющего отношение к обсуждаемому).

Как в передачах развлекательного формата в целом, так и в анализируемых программах речь ведущих спонтанна, она максимально сближается с разговорной. В репликах обычны неологизмы, жаргонные, сленговые выражения, просторечные слова, разговорные частицы, междометия. В ней частотны элементы разговорного синтаксиса, включая этикетные формулы, эллиптические конструкции, не редки случаи отсутствия грамматического согласования членов предложения, вопросно-ответного построения предложения, многократного употребления местоимений, использования вставных конструкций и др.

Независимо от предмета обсуждения, структурного раздела шоу от ведущих требуется неизменно жизнерадостный и непринужденный тон. В рассматриваемой программе он поддерживается за счет активного использования диалогических форм и «позитивных» эпитетов: «Привет! Все готовы к пятнице?», «Доброго вам утра, друзья!» «Отлично всем настроения», «Друзья, всем-всем удачной пятницы» и др.

«Сближение с аудиторией» чаще всего достигается через демонстративное «упрощение» речи, стилистическую подстройку под молодежный сленг, что становится возможным благодаря широкому использованию просторечных оборотов и единиц: «офигеть», «ужос-ужос», «блин», «клёво», «трэш», «прикольно», «класс», «ни чё себе», «ни фига себе» и др.

В широком использовании таких конструкций кроется одна из существенных проблем современных медиа – снижение речевой культуры. С одной стороны, книжная речь мало приспособлена для разговорно-развлекательных форматов, а разговорная ведет к «сильнейшему раскачиванию и расшатыванию литературной нормы» [Лаптева, 2007, с. 7]. С другой – необходимость вести «легкий» разговор в прямом эфире подталкивает журналиста развивать свою речевую индивидуальность с тем, чтобы выделиться, запомниться слушателям. Для Джема, Ильи и Вики таким приемом индивидуализации становятся диалоги между собой, сквозные «внутренние шутки», постоянная ирония в отношении друг друга и введение в программу четвертого ведущего – Ерочки, пса постоянно находящегося в студии, которого позиционируют в качестве равноправного участника эфиров.

Благодаря единой установке на непринужденность, утреннее ток-шоу «Бригады У» воспринимается не как набор случайных сообщений, включая рекламные объявления и музыкальные композиции, адресованные «невзыскательной» аудитории, а как целостный радиотекст, ориентированный на взаимодействие со слушателями, – особым образом организованное коммуникативное пространство радиоэфира.

Как видим, необходимым элементом коммуникативной культуры журналиста развлекательного радио является умение «говорить обо всем», что подразумевает применение оборотов разговорной речи, синтаксических конструкций, свойственных спонтанному говорению, стилистическую неоднородность высказываний, непринужденную интонацию, тематическую свободу, включая смену предмета разговора.

В целом уверенное владение культурой онлайн-коммуникации, свободное использование речевых тактик «подключения» аудитории к прослушиванию передачи и непосредственному участию в ней обусловлено спецификой развлекательного дискурса, форматом утреннего шоу, ориентацией на целевую аудиторию.



### Заключение

Уровень речевой культуры на той или иной радиостанции заметно связан с форматом вещания. Очевидна тенденция к снижению уровня речевой культуры радиоведущих музыкально-развлекательных радиостанций, проявляющаяся в постоянном нарушении орфоэпических, дикционных, стилистических, интонационных и других правил.

Специфика речевого общения на музыкально-развлекательном радио состоит в том, что ведущие создают иллюзию непрерывного диалога со слушателем благодаря императивным формулам, репликам, обращенным к соведущим, диалогам с дозвонившимися в студию. В отдельных эпизодах фатические функции совмещаются с информационными.

Признаком эффективной коммуникации в таких программах является то, что эфир воспринимается не как случайный набор занимательных «диалогов», а как единое органичное для своего формата коммуникативное единство, ориентированное на развлечение слушателя и создающее у него ощущение душевного комфорта, вызывающее живой эмоциональный отклик.

Спонтанность диалога, непредсказуемость общения, отсутствие предварительной подготовки могут приводить к использованию ведущими музыкально-развлекательной радиостанции «Европа Плюс» речевых оборотов, конструкций, нарушающих языковую норму, или нехарактерных для открытой публичной сферы, что обязывает радиожурналистов строже относиться к требованиям речевого этикета, заниматься повышением общей речевой культуры и контролировать себя в эфирное время.

Сделанные выводы вносят вклад в развитие разделов теории речевой коммуникации и медиалингвистики, связанных со сферой развлекательной радиожурналистики.

### Список литературы

1. Болотова Л.Д. 2000. Радиожурналистика. М., Издательство Московского университета, 480 с.
2. Босый П.Н. 2006. Современная радиоречь в аспекте успешности / неуспешности речевого взаимодействия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 23 с.
3. Беспалова Е.А., Ельникова А.В. 2019. Условия успешной речевой коммуникации радиожурналиста (на примере ведущего общественно-политической радиостанции). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 38 (2): 191–201. DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-2-191-201
4. Беспалова Е.А., Карцева О.В. 2016. Влияние фактора профессиональной специализации радиожурналиста на его коммуникативную культуру. В кн.: Новый взгляд на проблемы современного языкознания. Материалы VII Международной научной конференции школьников, студентов и аспирантов. Под ред. Н.А. Боженкова. Курск, Юго-Западный государственный университет: 24–29.
5. Васильев А.Д. 2003. Слово в российском телеэфире. М., Флинта, Наука, 224 с.
6. Винокур Т.Г. 1993. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., Наука, 172 с.
7. Дементьев В.В. 1999. Фатические речевые жанры. Вопросы языкознания, 1: 37–55.
8. Егошкина В.А. 2014. Прагмастилистическая специфика развлекательного радиодискурса. Коммуникативные исследования, 2: 181–188.
9. Зубко Д.В. 2019. Радиопублицистика России: проблемно-тематические и структурно-функциональные характеристики (2000–2018). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Москва, 34 с.
10. Коньков В.И. 2016. Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа. Мир русского слова, 3: 58–63.
11. Куранова Т.П. 2010. Языковая игра в речи ведущих радиопрограмм. Ярославский педагогический вестник, 1: 213–217.
12. Лаптева О.А. 2007. Живая русская речь с телеэкрана. М., Издательство ЛКИ, 517 с.
13. Нестерова Н.Г. 2011. Коммуникативно-прагматический потенциал оценки в речи радиоведущего. Вестник Томского государственного университета, 353: 30–33.

14. Рабенко Т.Г. 2014. Фатика и средства ее реализации в радиоэфире. Вестник Томского государственного университета, 3 (29): 50–59.
15. Сомова Е. Г. 2002. Языковая метафора в радиоречи. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Краснодар. 20 с.
16. Степыкин Н.И. 2010. Small talk как стереотип вербального поведения. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языковое существование человека и этноса, 5 (584): 207–217.
17. Степыкин Н.И. 2014. Small talk: рекомендуемые и конвенционально запрещенные темы (на материале английского языка). Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика, 4: 25–29.
18. Стернин И.А. 1996. Светское общение. Воронеж, Рико, 18 с.
19. Фашанова С.В. 2012. Языковая игра в радиодискурсе: коммуникативно-прагматический аспект. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 24 с.
20. Чернышов А.В. 2013. Медиамузыка: основы теории, практика и история. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 42 с.
21. Чичерина Н.В. 2007. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности. Известия российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, 47 (9): 159–166.
22. Język w mediach. 2012. Katowice, Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, 312 p. (in Polish).

### References

1. Bolotova L.D. 2000. Radiozhurnalistika [Radio journalism]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 480 p.
2. Bosyj P.N. 2006. Sovremennaya radiorech' v aspekte uspešnosti / neuspešnosti rechevogo vzaimodejstviya [Modern radio speech in terms of success / failure of speech interaction]. Abstract. diss. ... cand. filol. sciences. Tomsk, 23 p.
3. Bepalova E.A., El'nikova A.V. 2019. Conditions for successful speech communication of radio journalists (on the example of the leading socio-political radio station). Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities, 38 (2): 191–201. (in Russian). DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-2-191-201
4. Bepalova E.A., Karceva O.V. 2016. Vliyanie faktora professional'noj specializacii radiozhurnalista na ego kommunikativnyy kul'turu [Influence of the factor of professional specialization of a radio journalist on his communicative culture]. In: Novyj vzglyad na problemy sovremennogo yazykoznanija [A new look at the problems of modern linguistics]. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii shkol'nikov, studentov i aspirantov. Kursk, Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet: 24–29.
5. Vasil'ev A.D. 2003. Slovo v rossijskom teleefire [The word in Russian television]. M., Flinta, Nauka, 224 p.
6. Vinokur T.G. 1993. Govoryashchij i slushayushchij. Varianty rechevogo povedeniya [Talking and listening. Speech Options]. M., Nauka, 172 p.
7. Dement'ev V.V. 1999. Faticheskie rechevye zhanry [Fatal Speech Genres]. Voprosy yazykoznanija, 1: 37–55.
8. Egoshkina V.A. 2014. Pragmatilisticheskaya specifika razvlekatel'nogo radijnogo diskursa [Pragmatic stylistic features of entertainment radio discourse]. Kommunikativnye issledovaniya, 2: 181–188.
9. Zubko D.V. 2019. Radiopublicistika Rossii: problemno-tematicheskie i strukturno-funkcional'nye haraktersitiki (2000–2018) [Radio journalism of Russia: problem-thematic and structural-functional characteristics (2000–2018)]. Abstract. diss. ... cand. filol. sciences, Moscow, 34 p.
10. Kon'kov V.I. 2016. Mediarech': sodержanie ponyatiya i principy analiza [Media Speech: content of the concept and principles of analysis]. Mir russkogo slova, 3: 58–63.
11. Kuranova T.P. 2010. Yazykovaya igra v rechi vedushchih radioprogramm [Language game in speech of leading radio programs]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 1: 213–217.
12. Lapteva O.A. 2007. Zhivaya russkaya rech' s teleekrana [Live Russian speech from the TV screen]. M., Izdatel'stvo LKI, 517 p.

13. Nesterova N.G. 2011. Kommunikativno-pragmaticheskij potencial ocenki v rechi radiovedushchego [Communicative-pragmatic assessment potential in the speech of the radio host]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 353: 30–33.
14. Rabenko T.G. 2014. Fatika i sredstva ee realizacii v radioehfire [Fatika and the means of its implementation on the air]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 3 (29): 50–59.
15. Somova E. G. 2002. Yazykovaya metafora v radiorechi [Language Metaphor in Radio Speech]. Abstract. diss. ... cand. filol. sciences, Krasnodar, 20 p.
16. Stepykin N.I. 2010. Small talk kak stereotip verbal'nogo povedeniya. [Small talk as a Stereotype of Verbal Behaviour]. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Language Existence of Man and Ethnos, 5 (584): 207–217.
17. Stepykin N.I. 2014. Small talk: rekomenduemye i konvencional'no zapreshchennye temy (na materiale anglijskogo yazyka) [Small Talk: Recommended and Conventionally Forbidden Topics (in English)]. Proceedings of South-West State University. Series Linguistics and Pedagogics, 4: 25–29.
18. Sternin I.A. 1996. Svetskoe obshchenie [Secular communication]. Voronezh, Riko, 18 p.
19. Fashchanova S.V. 2012. Yazykovaya igra v radiodiskurse: kommunikativno-pragmaticheskij aspekt [Language game in radio discourse: communicative-pragmatic aspect]. Abstract. diss. ... cand. filol. sciences, Tomsk, 24 p.
20. Chernyshov A.V. 2013. Mediamuzyka: osnovy teorii, praktika i istoriya [Media Music: Fundamentals of Theory, Practice and History]. Abstract. diss. ... dokt. filol. sciences, Moscow, 42 p.
21. Chicherina N.V. 2007. Tipologiya mediatekstov kak osnova formirovaniya mediagramotnosti [Typology of media texts as the basis for the formation of media literacy.]. Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena, 47 (9): 159–166.
22. Język w mediach. 2012. Katowice, Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, 312 p. (in Polish).

**Ссылка для цитирования статьи**  
**For citation**

Ельникова А.В., Беспалова Е.А. 2020. Формат развлекательного радио как фактор, определяющий речевую культуру радиожурналиста (на примере «Европы Плюс»). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (1): 90–99. DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-90-99

Elnikova A.V., Bepalova E.A. 2020. Entertainment radio format as a factor defining the speech culture of a radio journalist (using the examples of "Europa Plus" radio). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 39 (1): 90–99 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-90-99



УДК 81  
DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-100-110

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ  
НОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ГРУППЫ «ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ»,  
ОБРАЗОВАННЫХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА  
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ NEW YORK POST  
И NEW YORK DAILY NEWS)**

**STRUCTURAL SEMANTIC PARTICULARITIES  
OF NEW LEXICAL UNITS OF CIVIC LIFE AT THE BEGINNING  
OF THE 2000'S AS REFLECTED IN THE NEWSPAPERS NEW YORK POST**

cc

**Е.И. Кригер  
E.I. Kriger**

Московский педагогический государственный университет,  
Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 86

Moscow State Pedagogical University,  
86 Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russia

E-mail: rusil2005@yandex.ru

**Аннотация**

В последние годы в СМИ появляется большое количество новых лексических единиц, образованных различными моделями и способами, которые нуждаются в классификации и описании. Новые слова в американских газетах недостаточно исследованы лингвистами, работ по неологии в американских СМИ крайне мало. В связи с этим автором проведен теоретический анализ словообразовательных ресурсов современного газетного языка с целью выявить наиболее продуктивные способы образования новых лексических единиц в тематической группе «общественная жизнь». Показана взаимосвязь между острыми социальными проблемами современного общества, его «болевыми точками» и потребностью создания новых лексических единиц для описания новых жизненных реалий. Исследована структурная семантика новых единиц с использованием компонентного анализа. Рассмотрены сокращения: слияние начального фрагмента одного слова и конечного фрагмента другого, непосредственно телескопы и бленды. Продемонстрирована частотность проявления конкретных способов словообразования: контаминации, аббревиации, сокращений, заимствований. Метафорический перенос для придания слову нового значения и сокращения представлены в качестве перспективных и плодотворных способов образования новых единиц. Результаты исследования вносят вклад в изучение неологии, а также в теорию словообразования английского языка на данном этапе его развития. Впервые сделан анализ новых лексических единиц в американской прессе с точки зрения их структурной семантики и прагматики, с учетом их коннотативного значения.

**Abstract**

In recent years, many new lexical units have appeared in the media, formed by various models and methods that need to be classified and described. New words in American newspapers are insufficiently studied by linguists, and there is very little work on neology in the American media. The purpose of this article is to conduct a theoretical analysis of the word-forming resources of the modern newspaper language and to identify the most productive ways of forming new lexical units in the thematic group "public life". In this regard, the author shows the relationship between acute social problems of modern society, its "pain points" and the need to create new lexical units to describe new realities of life. The structural semantics of new units is studied using component analysis. Abbreviations are considered:

merging the initial fragment of one word and the final fragment of another, directly telescopes and blends. The frequency of manifestation of specific ways of word formation is demonstrated: contamination, abbreviation, shortenings, borrowings. Metaphorical hyphenation for giving a word a new meaning and abbreviations are presented as promising and fruitful ways of forming new units. The results of the research make a real contribution to the study of neology, as well as to the theory of word formation of the English language at this stage of its development. For the first time, an analysis of new lexical units in the American press is made from the point of view of their structural semantics and pragmatics, considering their connotative meaning.

**Ключевые слова:** метафорический перенос, модель, новое значение, сокращения, способы.

**Keywords:** contamination, means, metaphor, model, new meaning.

## Введение

Быстро меняющаяся общественная жизнь и новые социальные условия обусловили появление большого количества новых слов, образованных разными способами. В современном языкознании проблеме словообразования в различные годы посвящены исследования как отечественных, так и зарубежных лингвистов [Тимошенко, 1976; Коровушкин, 1989; Павлов, 1999; Ермоленко, 2007; Лаврова, 2007; Акопянц, 2009; Хомяков, 2009; Хрущева, 2009; Вишнякова, 2014; Algeo, 1979; Metcalf, 2002]. Результатом их исследований явилось множество предложенных терминов для обозначения конкретных словообразований. В первую очередь это относится к сокращениям, которым присваиваются различные синонимы: аббревиатура, слова-слитки, бленды, контаминанты, слова-портмоне, сращения, слияния, слова-стяжения, слова-телескопы.

Несмотря на то, что проблема словообразования в американских СМИ наиболее подробно раскрыта в некоторых трудах лингвистов нашего времени [Голец, 2015; Бабитова, 2017; Ильясова, Амири, 2017], большое количество моделей и способов образования новых лексических единиц нуждаются не только в классификации, но и в структурно-семантическом анализе для прогноза длительности их жизненного цикла и дальнейшей фиксации их в словарях. В связи с этим цель автора – выявить структурно-семантические особенности новых лексических единиц в тематической группе «общественная жизнь». Для этого проведем теоретический анализ словообразовательных ресурсов языка, и определим наиболее продуктивные пути образования новых лексических единиц в СМИ в выделенной нами тематической группе «*общественная жизнь*».

### Структурно-семантические особенности лексических единиц группы «общественная жизнь»

Из 420 новых слов из газет США *New York Post*, *New York Daily News* для исследования было отобрано 200 новых лексических единиц группы «общественная жизнь». Рассмотрим основные пласты лексики, представленные в СМИ: люди и общество (*People and Society*), язык журналистики и публицистики (*The Language of Pundits*), социальный феномен (*Social Phenomena*). Структурный и семантический анализ проведем одновременно и последовательно для каждой лексической единицы. При этом необходимо учесть некоторые характерные особенности текстов газет США, такие как использование разговорной лексики (в том числе и молодежного сленга) в официальных и деловых по содержанию материалах.

#### *1. Люди и общество (People and Society)*

Тематическая категория «общественная жизнь» широко представлена в медийной сфере, и дает нам большое число новых единиц для анализа. Основная доля единиц образована по различным моделям контаминации. Рассмотрим эти модели.

В одной из самых популярных моделей происходит слияние начального фрагмента одного слова и конечного фрагмента другого: *Frappuccino* – *frappe* + *cappuccino* – фраппучино – напиток на основе кофе; *cosmoceutical* – *cosmetic* + *pharmaceutical* – космоцевтика, направление на стыке косметологии и фармакологии [Soo Youn, 2004].

Приведем еще несколько примеров контаминации: *alcopop* – *alco* – сокращение слова *alcohol*, *pop* – фрагмент от единицы *sodapop*. *Pop* – газированный. *Zoodle* – *zucchini* + *noodle* – блюдо из цуккини и лапши.

Интересным является тот факт, что все упомянутые бленды не являются оценочными и несут в себе только денотативное значение. Наоборот, *Fantabulous* – *fantastic* + *fabulous* – восхитительный, оценочное, с положительной коннотацией [Nina Metz, 2018].

С помощью аффиксации в указанной категории было обнаружено всего две единицы: *Locavore* – тот, кто питается преимущественно местным продуктом. Слово образовано с помощью латинской формообразующей частицы – *vore* – со значением «тот, кто ест». Первый элемент в слове обозначает специфику единицы, как в единицах *omnivore*, *carnivore*, *herbivore*.

**Заемствования**, представленные в данной сфере, лежат в плоскости кулинарии: *Sriracha* – название соуса из Тайланда. Соус назван как город в Тайланде. *Bibimbap* – заимствование из корейского, обозначающее рисовое блюдо по-корейски. *Bibimbap* используется как производящая основа для многих блюд.

Сокращения в данной сфере представлены несколькими единицами: *LOL* – *Laugh out loud* – громко смеюсь (это очень смешно); *TBH* – *To be honest* – честно говоря; *ИМО*, *ИМО* – *In my humble opinion, in my opinion* – по моему скромному мнению, по моему мнению [By Hamza Shaban, 2017].

Указанные единицы, используются в письменной речи при переписке и общении в социальных сетях и мессенджерах, таких как Facebook, Twitter, Vkontakte, WhatsApp, Viber. Иногда их можно встретить и в устной речи. Это говорит нам о потребности формирования единиц, пригодных для коротких и быстрых коммуникаций.

В словосочетаниях, представленных ниже компонентом *Korean*, происходит сокращение, и теперь появляются единицы с усеченным компонентом, такие как *K-pop* – *Korean pop*, *K-beauty* – *Korean beauty* – корейская косметика по уходу за кожей.

Единица *catfish* заслуживает особого внимания. Данное существительное, новое значение которого – «некто с оттенком, не то, чем кажется». Основное значение – рыба сом. *Catfish* образовано от *cat* + *fish* – *catfish* – рыба с усиками, образовалось как слияние двух слов, причем, слово *cat* в слове *catfish* выступает как описательное определение. Здесь имеет смысл вспомнить слово *cat burglar*, которое имеет значение взломщик, вордомушник, проникающий в квартиру через окно. По степени самостоятельности в данном слове соединены две свободные корневые морфемы. В настоящие дни слово *catfish* относится к категории сленга и приобрело **новое значение** – так называют людей, которые выдают о себе в сети Интернет ложный контент.

## 2. Язык журналистики и публицистики (*The Language of Pundits*)

Чаще всего новые лексические единицы возникают в языке журналистов и экспертов. Вначале рассмотрим словосочетания в данной тематической подгруппе, которые образованы по схеме «прилагательное плюс существительное» (*Adj+N*): *flyover states* – штаты, посещение которых игнорируются некоторыми политиками; *Libyan scenario* – ливийский сценарий – обозначение комплекса мер по выходу из кризиса по опыту Ливии, ставшее образцом решения политических кризисов в некоторых странах. Названные единицы несут в себе негативный оттенок.

В нашей подборке мы обнаружили немало новых лексических единиц, представленных словосочетаниями по схеме «существительное плюс существительное» (*N+N*), равно как и «прилагательное плюс существительное» (*Adj+N*): *Anchor baby* – ребенок,

обеспечивающий статус легальных эмигрантов своим родителям; *dog whistle* – собачий свисток, используется в сочетании *dog whistle politics* – политика скрытых посланий.

В двух указанных примерах задействована метафора для обозначения реалий политической жизни. Все три метафоры имеют негативную коннотацию.

Схема *N+N* отражена в группе сочетаний одним типом – *slut-shaming, body-shaming, odor-shaming*. Сочетания с компонентом – *shaming* всегда обладают негативной коннотацией.

Схемы образования новых единиц *N+N* и *Adj+N* являются продуктивными при формировании двухкомпонентных единиц.

Слово *bigly* вошло в использование в эпоху 45-го президента США Дональда Трампа. На первый взгляд кажется, что Трамп образовал наречие со значением «значительно», *in a big way, greatly*. К основе *big* добавился суффикс *-ly*. Этот вариант образования наречий в английском языке является самым продуктивным, например, как в словах *badly, rudely, happily*. Существует мнение, что изначально прозвучало нечто похожее на *big league*, но аудитория истолковала слово как наречие, образованное неправильно грамматически. В результате слово получило положительно-эмоциональную характеристику, всегда содержит шуточный компонент, принадлежит преимущественно к разговорной речи. Нередко используется в кавычках, чтобы передать аллюзию к первому оратору, кто употребил это слово.

*Trump isn't the only reason 2017 was the most bigly year in modern U.S. history* [By San Diego Union-Tribune editorial board, 2018].

В данном примере наречие *bigly* было нарочно использовано вместо прилагательных *remarkable, successful*, чтобы подчеркнуть значимость первого года президентства Трампа. С другой стороны, вся фраза содержит коннотативное значение, которое содержит отрицание – *isn't the only reason*, именно Трампа называют «виновником» всех перипетий в 2017 году. Такой эффект дает наречие *bigly* [Кригер, 2018].

Формально данная единица образована путем *аффиксации*, хоть и несет под собой неоднозначную историю своего формирования. Таким же способом образованы часто встречающиеся единицы из данной тематической группы, как *brexiteer, latinx, islamophobic, truthiness, truther, hater, unperson, transracial*.

*Latinx* – гендерно-нейтральный неологизм, который используется вместо слов женского и мужского рода *Latinos* и *Latina*. Таким образом, *Latinx* использует испанский суффикс *-x* для исключения конкретизации рода и гендера человека.

*Islamophobic* образовано путем аффиксации, а также с помощью элемента *phob-*, на греческом обозначающим *страх*, однако в современном английском словообразовании *phobia* приобрело значение ненависти и неприятия с суффиксом *-c*.

В нашей подборке присутствуют единицы, которые приобрели *новое значение*.

*Caliphate* – используется в качестве метафоры для обозначения Исламского Государства (организация, запрещенная в России).

*Snowflake* – новое значение слова «снежинка».

*Safe space* – безопасное место, как правило, в офисном пространстве.

*Woke* – применяется как прилагательное в конструкции *to be woke* – в значении «проснулся», «открыт ко всем новым течениям», «на вахте», «в теме». Используется синтетическая форма словоизменения глагола: *wake – woke – awakened*. Видоизмененное слово приобрело новое значение.

Из изложенного выше следует, что использование синтетической формы склонений и спряжений единиц является продуктивным способом образования новых слов. При этом необходимо отметить одну особенность: при приобретении словом нового значения чаще задействована метафора.

Графическое изменение новой единицы приводит к образованию **графических неологизмов**.

В нашем исследовании в данной подгруппе мы обнаружили два примера: *dox/doxx* – образовано от *documents – docs*, способ – усечение плюс графическое изменение единицы *docs*. Графический неологизм, обладающий нейтральной коннотацией; *yuge* – графический неологизм – от *huge*, несет в себе сарказм и негатив.

**Аббревиация** в данной тематической подгруппе представлена следующими единицами: *MAGA (KAGA), DACA*.

*MAGA (KAGA)* – *Make America Great Again (Keep America Great Again)* – «сделаем (сохраним) Америку снова великой»; *DACA* – *Deferred Action for Childhood Arrivals* – отложенные меры в отношении детей-иммигрантов.

По результатам исследования новых лексических единиц в данной тематической подгруппе было выявлено, что большое число единиц являются оценочными и несут в себе явное негативное значение.

### 3. Социальный феномен (*Social Phenomena*)

В этой тематической подгруппе широко представлены новые лексические единицы, образованные путем контаминации, например:

– *affluenza* – устал от состояния быть богатым. Означает негативное социальное поведение молодых богатых людей. Слово может выступать как существительное или прилагательное, например – *affluenza teen*. *Affluent* означает богатый, *influenza* – простуда.

– *Mansplainer, to mansplain* – *man + explain*. Единица, получившая свое распространение среди феминисток, снисходительная манера разговора, используя которую мужчина объясняет что-либо с помощью упрощенных формулировок. Единица обладает негативной оценкой.

Как уже отмечалось выше, контаминация в данной подгруппе показала себя как самый продуктивный способ образования новых единиц. Стоит отметить, что далеко не всегда новое контаминированное слово несет в себе коннотацию, что является нетипичным явлением, так как чаще всего социальный феномен предполагает выражение говорящим своего отношения к нему.

Несмотря на то, что в данной подгруппе контаминация является самым продуктивным способом образования новых единиц, они не всегда несут коннотацию. А социальный феномен, как правило, предполагает выражение говорящим своего отношения к обществу или человеку.

Для образования новых единиц в данной подгруппе используется **метафорический перенос, новое значение**. Например, в единице *breadcrumbing* применяется аллюзия к немецкой сказке про Гензеля и Гретель и сказке «Мальчик-с-пальчик». Значение единицы – подкармливать обещаниями.

Интерес представляет единица *hot desk*. Значение – офис, организованный по принципу ротации, то есть всегда в нем кто-то работает, пустым не простаивает. Образовано по аналогии с *hot cot, hot racking* – койка, в которой всегда спит солдат. *Hot desk* относится к бизнес сфере, поэтому слово не оценочное.

Проанализируем субстантивный комплекс *snail-mail*. Значение – обычная регулярная почта. В *snail-mail* заложено сравнение скорости доставки почтовой корреспонденции с медленной скоростью, как у улитки. Впервые выражение появилось в 1942 году в заголовке новостного материала о медленной доставке почты. В XXI веке *snail-mail* используется практически как антоним к *e-mail*, (электронная почта) и различным мессенджерам. Денотативное значение *snail-mail* – почта, традиционная в нашем понимании. Девяносто процентов коннотативного значения отрицательные, так как почта медленная, старомодная, занимает долгое время, и только 10 % коннотации положительной – надежная, олд-



скульная. В настоящее время существует более нейтральное *paper mail*. *Snail-mail* содержит шуточный, чуть ироничный, а также, презрительный, уничижительный и пренебрежительный компонент. Это словосочетание по своей сути является разговорным, сниженным, используемое на всей территории США, в том числе и в популярных медиа.

*Snail-mail delivery: A colonial relic postmarked 2018* [Thomas Dibacco, 2018].

В данном примере комплекс *snail-mail* выступает в роли описательного определения к слову *delivery*.

Интересен для рассмотрения субстантивный комплекс *word salad*. До XXI века словосочетание имело лишь одно значение в области психологии – бессвязная речь, бессмысленный набор слов, демонстрирующий синдром ментального расстройства. В наши дни слово приобрело второе значение – бессмыслица, ерунда, несколько совершенно разнородных вещей, не связанных между собой. Два его значения отражены в словаре Merriam-Webster. *Word salad* всегда имеет негативную оценочность, несет в себе презрительный, уничижительный компонент. Относится к разговорному, сниженному стилю. Используется в популярных медиа.

*His campaign manager, Faiz Shakir, offered up this word salad for why it's OK that Bernie is rich while attacking the system that made him rich.*

В нашем случае произошло расширение значения, при котором понятие, описывающее состояние пациента с точки зрения медицины, стало употребляться как элемент разговорного стиля, имеет место метафорический перенос.

Очень интересна для рассмотрения новая единица *hivemind*. Значение новой единицы *hivemind* – коллективный разум. Слово образовано от двух единиц – *Hive* и *mind*, способ образования – словосложение. Слово *hivemind* стало широко использоваться после выхода книги *Wisdom of Bees: What the Hive Can Teach Business about Leadership, Efficiency, and Growth*. Автор *Michael O'Malley*.

*Hivemind* имеет исключительно положительную коннотацию. Такие компоненты как продуктивность, слаженность, порядок входят в импликационал новой единицы. Слово не оценочное, относится к книжной лексике и научно-популярной литературе, используется образованными и продвинутыми людьми.

По результатам анализа нашей подборки можем сделать вывод, что метафорический и метонимический переносы являются частым способом образования новых единиц среди тематической группы «социальный феномен».

**Аффиксация** как способ словообразования играет заметную роль при образовании единиц в данной группе. Например, *bingeable* – *binge+able* – достойно частого пересмотра, например, телевизионных передач, а также *zomboid* со значением глупый, тупой, обладающий негативной коннотацией. *Seussian* – относящийся к доктору Сьюсу. В данной единице аффиксация образует новую часть речи – прилагательное.

В рассматриваемой группе присутствуют слова, которые для изменения значения используют синтетические формы изменения слова.

Рассмотрим новую единицу – *worstest*. Значение – «самый плохой». Превосходная степень прилагательного *bad* в английском языке – *the worst*. *Worstest* образовано при помощи суффикса *-est*. Данный факт указывает нам на потребность говорящего усилить негативный эффект данного слова путем некоторого дублирования информации – добавлением суффикса *-est*. Говорящий, используя это слово, делает ударение на том, что дела с чем-то обстоят очень плохо, но произносит это с иронией, с улыбкой. *Worstest* содержит отрицательную эмоциональную оценку, шуточный компонент достигается путем употребления неправильной формы слова. Слово также содержит презрительный, уничижительный и пренебрежительный компонент. Архисема – самый плохой. Лексическая единица сниженная, разговорная, почти слэнг. В 2017 году это слово вошло в Oxford English Dictionary.

В нашей подборке присутствует ряд лексических единиц, в которых повторяется фрагмент и прослеживается аналогия. Лексема приобретает новое значение и при этом

участвует в словообразовании новой лексики. Например, *hophead* – любитель пива, способ образования – сложение слов и сложение основ. *Hops* – хмель – основной ингредиент в пиве. В данном случае используется продуктивная модель сложения основ с формантом, как в словах *sneakerhead*, *pothead*. Единица *cheeseball* – глупый и вульгарный человек как *goofball*. *Ball* в данном случае словообразовательная частица, как и – *head*.

Единица *mumblecore* – значение – определенный, скорее «фестивальный» жанр фильма. *Mumble* – бормотание, *core* – формообразующая частица. Фрагмент с чем-то *core* впервые в словообразовании был применен в 1930 в слове *hardcore*. В нашем веке частица используется для образования новых единиц (*common core*, и т. д.).

В молодежном сленге появился пренебрежительный суффикс *-o*, который стал заметно продуктивным в качестве модели для образования таких единиц, как *rando*, *kiddo*, *weirdo*, *oldo*. Способ образования: сокращение + аффиксация.

Такое же частое распространение получил формообразующий компонент – *shaming*: *body-shaming*, *slut-shaming*. Востребованность шейминга в общественной жизни дает нам возможность рассматривать данный компонент как один из продуктивных, сообщающий вновь образованным единицам негативную составляющую.

Способ образования *ономатопея* представлен одной единицей в данном разделе: *to ping* – единица отражает имитацию звука.

Явление *оксюморон* представлено единицей *humblebrag*. Это составное слово, к котором заложено одновременно две противоположных по значению семы – скромный и хвалить (*humble*, *brag*) [Leslie Larson, 2015].

В нашем исследовании, как частично уже упоминалось, широко представлены единицы, выраженные *словосочетаниями*. Именно в данной тематической группе мы обнаружили самое большое количество сочетаний, образованных по схеме *N+N*.

*Snail-mail*, *word salad*, *couch potato* /*cot potato*, *bucket list*, *mic drop*, *squad goal*, *gal pal*, *show runner*. Единственный графический неологизм в данной категории представлен единицей *gal pal* – подруга. *Girl pal* преобразовалось в *gal pal*.

*Squad goal* – цель для маленькой группы, *squad* – маленькая группа, *goal* – цель, *show runner* – человек – ведущий шоу.

В рассматриваемой тематической группе присутствуют сочетания, образованные по схеме *Adj+N*, такие как *cultural appropriation*, *weak sauce*, *side eye*, *cheeseball*, *soft skills*, *back dimples*.

Отдельного внимания заслуживает словообразовательный фрагмент *-ball*. *Cheeseball* – глупый человек, без вкуса и стиля: *knucklehead* + *cornball*, *goofball*, *oddball*, *screwball*, *scuzzball*, *pumpkinhead*.

*Ball* – в данном случае словообразовательная частица, как и *-head*. Эти частицы являются очень продуктивными элементами, особенно в данной тематической группе. Изначально такие примеры представляли собой именно словосочетания, но в настоящее время они зафиксированы в словаре Merriam-Webster как одно слово. Как видно из примеров, формант *-ball* в большинстве несет в себе негативную составляющую, в то время как *-head* чаще имеет положительную коннотацию. Таким образом, два форманта используются для образования инвектив.

*Займствование* представлено одной единицей – *Vuvuzela* – стадионный рожок, используемый болельщиками. Слово пришло в английский из Южной Африки из языка зулусов. Единица образована от звукоподражания *vuvu* и суффикса, образующего отглагольное существительное, в буквальном переводе означает «зазывание». Единица образована с использованием *ономатопеи*.

**Усечение** как способ словообразования представлено двумя единицами. **Detox** – выводить токсины. Единица образована усечением от *detoxify* и может функционировать и как глагол, и как существительное.

**Chick lit** – *chick literature* – женская литература – **имеет место усечение второго компонента** словосочетания, причем описательное определение представлено словом **chick** – слэнговым вариантом *girl*.

Использование **постпозиции** представлено в нашей тематической группе двумя единицами: **beatdown** – побить кого-либо, как правило, в переносном смысле [Rosco Parascandola, 2019]. Единица **beat down** – образована с помощью постпозиции *down*. **Shout out, Shout-out n, Shout out v** – выкрик, выкрикивать что-либо, образовано с использованием постпозиции *out*.

**Manspreading** – привычка некоторых мужчин сидеть в общественном транспорте широко раздвинув ноги. **Man + spread** – образовано способом сложения слов с использованием двух независимых морфем.

Интересна фраза **wine o'clock – time to start drinking wine. Beer o'clock – time to start drinking beer**. Фраза **o'clock** выступает в качестве форманта для обозначения не точного времени, а для обозначения понятия, обозначающего процесс или действие для указанной темы.

Возникновение нового вида спорта дало нам не только новую единицу – **UFC** – Ultimate Fighting Championship – в значении «абсолютный бойцовский чемпионат», – но и название организации для проведения **MMA** – *Mixed Martial Arts* – вид спорта.

Таким образом, эти две новые единицы образованы путем аббревиации. В устной речи **UFC** – Ultimate Fighting Championship – используется и как аббревиатура, и как словосочетание из трех слов. **MMA** – *Mixed Martial Arts* произносится полностью.

### Заключение

Исследование тематической группы «общественная жизнь», одной из наиболее многочисленных по составу, дало следующие результаты. Контаминация остается одной из важных способов образования новых лексических единиц, преимущественно оценочного характера. В качестве популярного способа образования новых единиц следует отметить метафорический и метонимический перенос в словосочетаниях и сложных словах, которые носят оценочный характер.

Аффиксация занимает второе место по продуктивности образования новых слов с задействованием суффиксов **-x, -c, -y, -ness, -er**, заимствованного испанского суффикса **-sta** и префикса **un-**. Стоит отметить большое количество единиц, образованных с использованием формообразующих частиц, например, латинской **-vore**, а также английских **-head, -ball, -shaming**.

Заимствования как образование новых единиц довольно слабо представлены в нашей тематической группе, но слова известны всем из раздела спорта и кулинарии.

Большое количество новых единиц представляют собой двухкомпонентные сложные сочетания. Все единицы данной группы образованы по уже ранее существующим в языке схемам — «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное».

Широко представлены словосочетания, образованные по моделям *Adj+N, N+N*.

Как в двухкомпонентных существительных, так и в случае с приобретением единицей нового значения, что рассматривается как способ образования нового слова, может присутствовать метафорический и метонимический переносы. В этих единицах присутствуют оценочность и коннотативное значение.

В качестве значимого способа образования новых единиц следует отметить использование синтетических изменений формы слов – как прилагательных, так и глаголов.

Высокая продуктивность и популярность сокращений, образованных путем усечения второй части слова, объясняется стремлением к оптимизации языковых средств и доступности восприятия текста.

Значительную группу в словообразовании путем аффиксации составляют суффиксы, образующие существительное на базе других частей речи.

Основными структурно-семантическими особенностями новых лексических единиц в исследуемой тематической группе являются:

**А.** В каждой тематической подгруппе мы обнаружили новые двухкомпонентные сложные существительные. Чаще всего встречается форма А+N, N+N, то есть образование новых единиц происходит по уже существующим и зафиксированным в языке моделям.

**Б.** В некоторых тематических подгруппах, таких как «люди и общество», «социальный феномен», уже существующая единица приобретает новое значение. Эти единицы представлены трансноминативами, в которых сочетается новизна слова со значением, уже передававшимся в языке ранее другой формой, и семантическими инновациями, в которых новое значение обозначается формой, уже имевшейся в языке.

**В.** Как следствие, новые единицы в большинстве своем несут оценочность и коннотативное значение, нередко легко выявляется импликационал, присущий конкретной единице.

Рассмотренные нами примеры новых лексических единиц демонстрируют активную задействованность собственных ресурсов языка. Большую часть новых единиц можно рассматривать как ответ общества на ряд злободневных проблем, касающихся миграции, интеграции, войн, медицинского обслуживания и страхования, различия в образе разных социальных и этнических групп.

Научная новизна представленного в статье исследования заключается в определении частотных способов словообразования в современных американских СМИ и выявлении структурно-семантических особенностей новых слов.

### Список использованных источников

1. By San Diego Union-Tribune editorial board. Trump isn't the only reason 2017 was the most bigly year in modern U.S. history. URL: [www.nydailynews.com/sd-2017-most-consequential-year-2018/01/03/](http://www.nydailynews.com/sd-2017-most-consequential-year-2018/01/03/) (accessed: 17.12.2019)
2. Hamza Shaban. Facebook buys TBH, an app for teens. 2017; 17 октября. URL: [www.nydailynews.com/la-fi-tn-facebook-tbh-20171017-story.html](http://www.nydailynews.com/la-fi-tn-facebook-tbh-20171017-story.html) (accessed: 17.12.2019)
3. Leslie Larson. Josh Romney Faces ire humblebrag tweet. 2015; 29 ноября. URL: [www.nydailynews.com/news/politics/josh-romney-faces-ire-humble-brag-tweet-article/](http://www.nydailynews.com/news/politics/josh-romney-faces-ire-humble-brag-tweet-article/) (accessed: 18.12.2019)
4. Nina Metz. My worst moment. 2018; 31 июля. URL: [www.nydailynews.com/ct-ent-my-worst-moment-kristin-chenoweth/](http://www.nydailynews.com/ct-ent-my-worst-moment-kristin-chenoweth/) (accessed: 19.12.2019)
5. Rocco Parascandola. Brutal beatdown outside Brooklyn bodega leaves man in critical condition. 2019; 2 июля. URL: [www.nydailynews.com/new-york/nyc-crime/ny-brooklyn-bodega-beatdown-police-man-critical-2019/07/02/](http://www.nydailynews.com/new-york/nyc-crime/ny-brooklyn-bodega-beatdown-police-man-critical-2019/07/02/) (accessed: 21.12.2019)
6. Soo Youn. Anti-Aging biz boom. 2004; 24 мая. URL: [www.nydailynews.com/archives/money/anti-aging-biz-boom-celeb-doc-open-shop-madison-ave-article/](http://www.nydailynews.com/archives/money/anti-aging-biz-boom-celeb-doc-open-shop-madison-ave-article/) (accessed: 21.12.2019)
7. Thomas V. DiBacco. Snail-mail delivery: A colonial relic postmarked 2018. 2018; 23 марта. URL: [www.nydailynews.com/os-ed-snail-mail-from-colonial-times-to-2018-indeed2018/03/23](http://www.nydailynews.com/os-ed-snail-mail-from-colonial-times-to-2018-indeed2018/03/23) (accessed: 21.12.2019)
8. [http://www.nypost.com/\(2013-2019 гг.\)](http://www.nypost.com/(2013-2019 гг.))
9. [http://www.nydailynews.com/\(2013-2019 гг.\)](http://www.nydailynews.com/(2013-2019 гг.))

### Список литературы

1. Акопянц А.М. 2009. Прагмалингводидактические основы обучения иностранным языкам студентов-лингвистов (на материале английского языка). автореф. дис ... канд. филол. наук. Пятигорск, 37 с.
2. Бабитова Л.В. 2017. Языковые средства репрезентации американского политического блог-дискурса. Дис ... канд. филол. наук. Пятигорск, 215 с.
3. Вишнякова Е.А. 2014. Место аббревиации в словообразовательной системе современного английского языка. Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки, 6 (177), 21: 62–66.
4. Голец В.А. 2015. Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе (1990–2014 гг.). Дис... канд. филол. наук. Пятигорск, 138 с.
5. Ермоленко Ю.П. 2007. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 224 с.
6. Ильясова С.В. 2018. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия. М., ФЛИНТА – Наука, 328 с.
7. Кригер Е.И., 2018. Неологизмы в современной американской прессе. Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск), 3 (72): 434–437.
8. Коровушкин В.П. 1989. Сокращения в военном жаргоне англоязычных стран (XVII–XX вв.). Череповец, 147 с.
9. Лаврова Н.А. 2007. Структурно-семантические и функциональные аспекты контаминации (на материале современного английского языка). Дис. канд. филол. наук. М., 227 с.
10. Павлов Г.В. 1968. К вопросу о продуктивности отдельных словообразовательных моделей сокращенных слов в немецком языке. Вопросы романо-германской филологии. Ростов н/Д.: 52–60.
11. Тимошенко Т.Р. 1976. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 26 с.
12. Хрущева, О.А. 2009. Блендинг в системе словообразования. Вестник ОГУ, 11 (105): 95–101.
13. Хомяков В.А. 2009. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. М., ЛИБРОКОМ: 102 с.
14. Algeo J. 1977. Blends: A structural and systematic view. American Speech. Vol. 52: 47–64.
15. Metcalf Allan. 2002. Predicting New Words: The Secrets of Their Success. Boston: Houghton Mifflin.: 224 p.

### References

1. Akopyanz A. M. 2009. Pragmalingvodidakticheskiye osnovy obucheniya inostrannym yazykam studentov-lingvistov (na material angliyskogo yazyka). [Pragmalinguistics foundations of foreign language teaching language students (in the English language)]. Autoref diss ... kand. fil. nauk, Pyatigorsk, 37 p.
2. Babitova L.V. 2017. Yazykovye sredstva representacii amerikanskogo politicheskogo blog-diskursa. [Language means of representation of American political blog discourse]. Autoref diss ...kand. fil. nauk, Pyatigorsk, 215 p.
3. Vishnyakova E.A. 2014. Mesto abbreviacii v slovoobrazovatelnoi sisteme sovremennogo angliyskogo yazyka. [The place of abbreviation in the word-formation system of modern English]. Nauchnye vedomosti BelGU. Seria Gumanitarnye nauki, 6 (177), 21: 62–66.
4. Goletz V.A. 2015. Neologismy v sovremennoi angloyazychnoy molodezhnoi presse (1990–2014). [Neologisms in modern English-language youth press (1990–2014)]. PhD in Philological sci.diss. Pyatigorsk. 138 p.
5. Yermolenko, Y.P. 2007. Nominativnye modeli novykh slov metodom styazheniya v sovremennom angliyskom yazyke [Nominative models of forming new words using the contractions method in modern English]: Autoref diss... kand. fil. nauk. M., 24 p.
6. Ilyasova S.V. 2018. Yazyk SMI i reklamy: igra kak norma i kak anomalija. [The language of media and advertising: the game as a norm and as an anomaly]. M., FLINTA – Nauka. 328 p.



7. Kriger E.I., 2018. Neologizmy v sovremennoj amerikanskoj presse [Neologisms in the modern American press]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya (Gorno-Altajsk), 3 (72): 434–437.
8. Korovushkin, B. P. 1989. Sokrasheniya v voennom zhargone angloyazychnykh stran (XVII–XX). [Abbreviations in the military jargon of English-speaking countries (XVII–XX centuries.)]. Cherepovez. 147 p.
9. Lavrova N.A. 2007. Strukturno-semanticheskiye aspekty kontaminatsii (na material sovremennogo angliyskogo yazyka) [Structural and semantic and functional aspects of contamination (based on material of modern English)]. PhD in Philological sci.diss. M., 227 p.
10. Pavlov G.V. 1968. K voprosu o produktivnosti otdelnykh slovoobrazovatelnykh modelei sokrashennykh slov v nemezkom yazyke. Voprosy romano-germanskoj filologii. [To the question of productivity of separate word-formation models of abbreviated words in the German language]. Questions of Romano-Germanic Philology]. Rostov-na-Donu.: 52–60.
11. Timoshenko, T.R. 1976. Teleskopiya v slovoobrazovatelnoi sisteme angliyskogo yazyka. [Telescopes in the word-formation system of modern English]. Autoref. diss. kandidata filologicheskikh nauk. Kyev, 26 p.
12. Khrusheva O.A. 2009. Blending v sisteme slovoobrazovaniya. [Blending in the word formation system]. Vestnik OGU, 11 (105): 95–101.
13. Khomyakov V.A. 2009. Vvedeniye v izucheniye slenga – osnovnogo komponenta angliyskogo prostorechiya [Introduction to the study of slang – a main component of the English vernacular]. M., LIBROKOM:102 p.
14. Algeo J. 1977. Blends: A structural and systematic view. American Speech. Vol. 52: 47–64.
15. Metcalf Allan. 2002. Predicting New Words: The Secrets of Their Success. Boston: Houghton Mifflin.: 224 p.

#### **Ссылка для цитирования статьи For citation**

Кригер Е.И. 2020. Структурно-семантические особенности новых лексических единиц группы «общественная жизнь» образованных в начале XXI века (по материалам газет NEW YORK POST и NEW YORK DAILY NEWS). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (1): 100–110. DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-100-110

Kriger E.I. 2020. Structural semantic particularities of new lexical units of civic life at the beginning of the 2000's as reflected in the newspapers NEW YORK POST and NEW YORK DAILY NEWS. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 39 (1): 100–110 (in Russian). DOI 10.18413/2687-2020-39-1-100-110

УДК 81

DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-111-118

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ  
С КОМПОНЕНТОМ «ВОДА» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ****SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS  
WITH THE "WATER" COMPONENT IN THE CHINESE LANGUAGE****Чжао Пэнбо**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,  
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: chzhao@bsu.edu.ru, miqipaopao26@gmail.com

**Аннотация**

Фразеология как отрасль современного научного знания является одной из самых неисчерпаемых и интересных областей. И несмотря на то, что лингвистическая догма в то или иное время находилась на переднем крае методологии в развитии науки, фразеологические исследования все чаще приобретали максимальное количество дополнительных инструментов для объективного описания устойчивых выражений, на сегодняшний момент существуют лакуны в исследовании фразеологизмов с компонентом «вода» в китайском языке с учетом максимально доступного инструментария. С этой точки зрения попытка максимально объективного и всестороннего изучения языковых объектов является актуальной. Мы опираемся на положение о том, что фактический материал является хранителем исторических знаний и мудрости поколений. Изучение фактических данных позволит получить сведения об особенностях истории и культуры нации. Работа с фактическим материалом, в частности с фразеологическими единицами китайского языка, представляется достаточно сложной, вследствие чего требуется не только изучить экстралингвистические данные, но и систематизировать фразеологические единицы. Их классификация позволит уточнить семантические особенности и мотивационные характеристики, что даст возможность определить общие и частные основания для дальнейших типологических исследований и научных изысканий в сфере теории языка.

**Abstract**

Phraseology as a branch of modern scientific knowledge is one of the most inexhaustible and interesting areas. And despite the fact that linguistic dogma at one time or another was at the forefront of the methodology in the development of science, and phraseological studies increasingly acquired the maximum number of additional tools for an objective description of stable expressions, currently there are gaps in the study of phraseological units with the "water" component in Chinese, taking into account the maximum available tools. In this light, an attempt to maximize the objective and comprehensive study of linguistic objects is relevant. In this article we rely on the fact that factual material, in our case these are phraseological units with the "water" component in Chinese, are the custodians of historical knowledge and the wisdom of generations. Thus, the study of evidence will provide information about the features of the history and culture of the nation. Working with factual material, in particular with phraseological units of the Chinese language, is rather complicated, as a result of which it is required not only to study extralinguistic data, but also to systematize phraseological units. Their classification will make it possible to clarify semantic features and motivational characteristics, which will make it possible to determine general and particular grounds for further typological research and scientific research in the field of the theory of language.

**Ключевые слова:** фразеологические единицы, семантические особенности, лингвистика, лингвокультура, вода, лексикализованные сочетания, антропоцентризм.

**Keywords:** phraseological units, semantic features, linguistics, linguoculture, water, lexicalized combinations, anthropocentrism.

## Введение

Китайский язык или ханьюй (汉语 han yu) является одним из самых старых и самых сложных языков в мире. Он принадлежит к тибетской семье, имеет свои особенности, которые отличают его от других языков. Эти особенности предполагают, прежде всего, фонетический аспект, графическую сторону, представленную иероглифами, грамматику и лексическую структуру языка. Одним из важнейших разделов лексикологии китайского языка также является фразеология. Здесь можно сказать, что для китайского языка, также как и для русского, характерно богатство фразеологического фонда. Это объясняется тем, что фразеологическая единица китайского языка – это наследие прошлого, традиция и культура нации, облеченные в словесную форму. Язык и культура существуют в тесной взаимосвязи, поскольку язык является не только вербальным памятником окружающего мира, но и его интерпретатором. Таким образом, язык профилирует особые грани, специфическим образом запечатлевает внутренний мир человека и менталитет народа [Маслова, 2001]. Особенно четко связь языка и культуры прослеживается в семантике фразеологизмов, всестороннее изучение которых с учетом максимально доступной методологии дает ключ к разгадке тайн человеческого сознания. И несмотря на существующее количество обращений ученых к фразеологическому фонду языка с позиций разного инструментария, устойчивые выражения по своей сути являются неисчерпаемым источником знаний.

Настоящее исследование является научной разработкой, учитывающей антропоцентрическую направленность лингвистических знаний. Благодаря такому подходу, появляется возможность описывать значение фразеологических единиц с точки зрения хранящегося в семантике фразеологизмов лингвокультурного опыта.

Описать значение фразеологических единиц с точки зрения хранящегося в семантике фразеологизмов лингвокультурного опыта возможно лишь с учетом антропоцентрической направленности лингвистических знаний. Поскольку до сих пор отсутствуют подобные научные разработки, автором предпринята попытка проанализировать фразеологические единицы в современном китайском языке. Целью данной статьи является лингвистический анализ фразеологических единиц с компонентом «вода» и выявление особенностей их коннотативного значения. Поставленная цель требует решения следующих задач: изучить принцип антропоцентризма; рассмотреть подходы к определению понятия фразеологизма в различных научных школах; выявить фразеологические единицы с компонентом «вода» в китайском языке и провести их анализ.

## Методология

Изучение фактического материала проводилось при помощи сплошной выборки из источников фактического материала на основе комплексного использования различных методов, включая лингвистическое наблюдение, лексико-грамматический и функционально-семантический анализ.

Методологические основы настоящей статьи закладываются исходя из принципов антропоцентризма. Отмечая антропоцентризм в языке, А.А. Потебня полагает, что «язык развивается только в обществе, и при этом не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества, не только вследствие необходимости взаимного понимания как условия возможности обще-



ственных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытав-ши на других понятность своих слов» [Потебня, 1996, с. 87].

История антропоцентризма уходит далеко в прошлое лингвистических воззрений и берет начало в конце XIX века, когда И.А. Бодуэн де Куртенэ [1963] впервые говорит об антропофонике. Далее в унисон предложенной идее Э. Бенвенист развивает мысль о когерентности языка и мышления, указывает на продолжение мыслительной деятельности в языке, невозможности рациональной жизни индивида без языковой деятельности. Таким образом, развитие языка и развитие мышления настолько взаимосвязаны и неразрывны, что весь ход человеческой мысли очевиден в дискурсивном пространстве социума, что позволяет согласиться с мыслью о том, что «в мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком. И язык, таким образом, входит в само определение человека» [Бенвенист, 1974, с. 115].

Сказанное выше дает возможность постулировать естественность языковой среды для человека, ограничивать дискурсивное содержание и восприятие содержания рамками человеческого сознания. Таким образом, как план выражения, так и план контента не способны выходить за пределы этих рамок, что, соответственно, говорит о неразрывном восприятии языка человеческим сознанием, адекватности поступающей информации уровню сознания индивида. Именно учет представленного фактора говорит об антропоцентризме как о естественном методологическом принципе современных исследований. Принцип антропоцентризма приобрел достаточную популярность в работах Н.Ф. Алефиренко, В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Р.А. Будагова, А. Вежбицкой, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, 董珍兰 (Dǒng zhēnlán / Дун Чжэнлан), 刘凤花 (Liú fèng huā / Лю Фэнхуа), 马国凡 (Mǎ guó fán / Ма Гофань), 钟小佩 (Zhōng xiǎo pèi / Чжун Саопэй).

Активное применение этого принципа в современных лингвистических исследованиях вызвано не столько его популярностью, сколько объективностью и релевантностью, универсальностью и применимостью ко многим лингвистическим и нелингвистическим исследованиям, позволяющим наиболее максимально охватить любую сопряженную с объектом исследования информацию и вскрыть содержащуюся в языковом коде информацию.

Принцип антропоцентризма в силу собственной распространенности понимается учеными по-разному. Существует масса точек зрения на определение данного понятия: язык – это часть человека [Альбрехт, 1977, с. 120]; человек – предмет исследования лингвистических дисциплин [Харитонов, 2004, с. 11]; человек может быть ассоциирован с языковедческой наукой только в качестве языковой личности [Караулов, 1986, с. 105]; язык идентифицирует индивида [Гумбольдт фон В, 1985, с. 112]; язык служит человеческой цели «познания самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт фон В, 1985, с. 112].

Несмотря на разнообразие взглядов, перечисленных в представленных выше трактовках, этот принцип относительно идентичен для понимания и использования, также в части получения результатов и акцента принципиальной роли человека в языке. На этом основании антропоцентрический принцип следует считать одним из наиболее важных в современном научном мире, который сам по себе призывает интегрировать науку и человеческий фактор. Благодаря такому подходу появляется возможность доступа к тайнам человеческого сознания, скрытым в языковом коде лингвокультуры и обличенным в семиотическую систему.

### Основная часть

Фразеология как культурная сокровищница нации вплетена в языковую картину мира лингвокультуры. При этом фразеологические единицы разной степени сращённости содержат знания о культурном и историческом развитии страны и передают такие сведе-

ния в пределах лингвокультурной эволюции в неизменном виде. «Фразеология представляет собой непосредственное вербальное выражение не только окружающей человека действительности, но и ее духовное национально маркированное осознание» [Шанский, 1985, с. 40]. Фразеологическая единица не может иметь нейтральную коннотацию. Даже если ее словарная дефиниция эксплицитно не отражает отношение к описываемой ситуации, она актуализирует его в контексте, что профилирует эмоциональное состояние говорящего. Ценность устойчивого выражения заключается в его метафорическом характере, сущность которого возможно проследить посредством этимологического анализа и раскрытия внутренней формы. Последнее позволяет выявить мотивированность значения, вскрыть лингвокультурные особенности и обнаружить ценностные ориентиры и стереотипы нации [Телия, 1996, с. 23].

Таким образом, фразеологизм, будучи фиксированным вербальным памятником лингвокультурных образов, в основе которых кроются документально-исторические и фольклорно-художественные замыслы, религиозные и мифологические воззрения нации, формирует некоторую прецедентность и функционирует в качестве микротекста, емкого по содержанию и лаконичного в графическом аспекте.

Согласно мнению В.Н. Телия, фразеологический состав языка представляет собой «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 14]. «Вода», наряду с «огнем», «землей» и «воздухом», является одним из символических первоэлементов, составляющих мир. «Вода» – источник всего сущего во многих языках (в том числе и в исследуемых) – ассоциируется с рождением, жизнью, обновлением. Однако также «вода» символически связана с изменчивостью, хаосом, забвением, угрозой для жизни человека. Таким образом, «вода» – амбивалентный символ, который был актуален во все времена. Это приоритетное положение предопределяет фиксацию понятия воды в сознании человека и вербализацию в качестве фразеологических компонентов устойчивых выражений в разных лингвокультурах. Ниже обратимся непосредственно к описанию особенностей фразеологизмов в трудах ученых.

Понятие фразеологизма является достаточно сложным, что объясняет отсутствие единой трактовки. Разные научные школы по-разному определяют это понятие. В.В. Виноградов считает, что к фразеологизму можно относить лексикализованные сочетания и так называемые фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания, а также некоторые отдельные слова, имеющие переносное значение. Соответственно, к понятию фразеологизма, с точки зрения В.В. Виноградова, относятся также пословицы, поговорки, крылатые выражения и т.д. [Виноградов, 1977, с. 155].

А.А. Реформатский в своих исследованиях разграничил понятия идиоматики и фразеологии. С фразеологией учёный ассоциирует слова и словосочетания, характеризующие речь разных слоёв населения и определяющие тем самым собственную классовую и профессиональную принадлежность говорящих [Реформатский, 1967]. Эта точка зрения трактуется С.И. Ожеговым как довольно широкая, позволяющая без предела расширить объём фразеологии, включив в него, кроме выражений, словосочетания различной степени сращённости, а также слова с переносным значением [Ожегов, 1974]. Однако в таком случае, границы объектов фразеологии становятся неопределёнными и нивелируют границы фразеологических единиц.

В.Н. Телия, например, на материале русского языка определяет достаточно широкий спектр фразеологизмов и считает, что к последнему относятся словосочетания, имеющие свойства идиом; словосочетания, наделённые свойствами лексических коллокаций с аналитическим типом значения; различного рода «индивидуальные» сочетания, нечистые фразеологизмы, в которых одни из компонентов имеет полусвободное значение [Телия, 1996].

Лю Ён Хун отмечает, что «...китайские фразеологические единицы, особенно безэквивалентные, которые непонятны носителям русского языка, в основном пришли в ки-

тайский язык из текстов древних историков, философов, писателей, поэтов и отражают тысячелетние традиции китайского народа. Значительная часть фразеологизмов русского языка взята из библии, греческой мифологии, русской истории и русского фольклора» [Лю Ён Хун, 2001, с. 115].

Само понятие «фразеологизм» берёт начало в трудах Ш. Бали, в его произведениях «Очерки стилистики» (1905) и «Французская стилистика» (1909), в которых целые главы посвящены фразеологическим единицам. К ним ученый относил свободные (лишённые устойчивости), привычные (допускающие некоторые видоизменения) фразеологические ряды, позволяющие перегруппировку компонентов, и фразеологические единства, утратившие своё первостепенное значение и выражающие единое неразложимое понятие.

Фразеологические единицы стали предметом специального исследования в английском языке только в начале 1960-х годов [Телия, 1996,]. В качестве фразеологизмов в то время признавались выражения, воспроизводимые в готовом виде. При этом стабильность фразеологизмов определялась не только способностью к воспроизводимости в готовом виде, но и частое употребление в устойчивом структурно-семантической формате: полная неизменность, постоянство лексического состава, синтаксическая стабильность.

Далее проанализируем фразеологические единства, под которыми будем понимать организованные и семантически слитные образования, в состав которых входят не менее четырех знаменательных элементов.

Как было отмечено выше, в китайском языке фразеологическая единица ограничена структурно и количественно. Иными словами, такого рода комплексные отдельно оформленные образования включают четыре и более знаменательных элемента. При помощи сплошной выборки из источников фактического материала нами были отобраны фразеологические единицы с компонентом «вода» в китайском языке, которые, на первый взгляд, имеют много общих свойств, однако они отличаются по критериям коннотации и мотивированности значения.

Обратимся к описанию некоторых наиболее частотных фразеологических единиц и проведем их первичный лингвистический анализ на предмет оттеночности и обусловленности значения.

Фразеологизм китайского языка 如鱼得水 (Rú yú dé shuǐ «как рыба, добравшаяся до воды») [Лю Ён Хун, 2001, с. 66], несмотря на полную эквивалентизацию с русским, больше схож по значению с выражениями «воспрянуть духом», «вернуться к жизни», нежели с «чувствовать себя хорошо в определённой среде». В нем профилируется выражение облегчения, которое испытывает человек после очень серьезных трудностей, и акцентировано именно представление об облегчении душевного и физического состояния. Приведем пример, в котором еще раз подчеркивается положительная коннотация:

蛟龙得水 (jiāo lóng dé shuǐ) – «водяной дракон добрался до воды» [Large Sino-Russian Dictionary, 2019].

Другой фразеологизм 学如逆水行舟, 不进则退 (Xué rú nì shuǐ xíng zhōu, bù jìn zé tuì «учиться – значит грести против течения: стоит остановиться, как лодку относит назад»)¹, равно как и предыдущий, имеет положительную коннотацию, является мотивированным по значению. Относительно русских выражений «плыть против течения», «действовать самостоятельно, наперекор установившимся традициям, образцам» оно является условно идентичным, но более распространённым, описывающим последствия, а не иницирующим их домысливание, например:

¹ Здесь и далее, если не указано иначе: Большой китайско-русский словарь, 2019. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 14.06.2019).

逆流而上(nì liú ér shàng) – «подниматься вверх против течения» [Large Sino-Russian Dictionary, 2019];

顺水推舟(shùn shuǐ tuī zhōu) – «толкать лодку по течению» (торопиться делать что-либо, пока есть возможность; действовать сообразно обстановке. Необходимо отметить тот факт, что в китайском языке «вода» воспринимается как источник силы, стихийного бедствия, стихий. Такое положение обуславливает существование фразеологизмов с отрицательной коннотацией в китайском языке.

В выражении 洪水猛兽(hóng shuǐ měng shòu – «наводнение как хищный зверь») «вода» сравнивается с неукротимой силой хищника, катастрофой. Отрицательную коннотацию также имеет выражение 水深火热(shuǐ shēn huǒ rè, «вода все глубже, огонь все жарче»), описывающее ситуацию невыносимых страданий, трудностей, с которыми человек едва ли справится в одиночку, например:

山穷水尽(shān qióng shuǐ jìn) – «истощились горы и воды иссякли» а) дойти до крайности; в крайней нужде, в безвыходном положении; б) исчерпать все средства; оказаться беспомощным, куда ни кинь, всюду клин;

穷山恶水(qióng shān è shuǐ) – «бесплодная земля и непокорная река», суровая природа, тяжелые природные условия;

势如水火(shì rú shuǐ huǒ) – «как вода и огонь», не терпеть друг друга, быть на ножах;

水火不容(shuǐ huǒ bù róng) – быть несовместимыми, как вода и огонь.

Нарушение такого свойства воды, как прозрачность, означает «лживость, недружелюбие». Так, выражение 浑水摸鱼(hún shuǐ mō yú «ловить рыбу в мутной воде») характеризует неблагоприятную, недружелюбную атмосферу, которая затрудняет действие человека для достижения собственной цели.

«Вода» также может ассоциироваться со спокойствием. Речь идёт об отсутствии течения и безмятежном состоянии, что профилировано в выражении 心如止水(xīn rú zhǐ shuǐ «сердце как стоячая вода»). Выражение является мотивированным и имеет положительную коннотацию.

Экстралингвистические данные также свидетельствуют о том, что «вода» может быть соотнесена со «временем» в аспекте его скоротечности. Приведем примеры:

流年似水/ 似水流年(liú nián sì shuǐ / sì shuǐ liú nián) – «время проходит, как вода течёт», характеризует юность, которая ускользает, как текущая вода;

覆水难收(fù shuǐ nán shōu) / 反水不收(fǎn shuǐ bù shōu) – «вылитую воду трудно собрать», сделанного не воротишь, прошлому возврата нет (Large Sino-Russian Dictionary, 2019);

水枯石烂(shuǐ kū shí làn) – «[пока] вода [не] высохнет и камни [не] сгниют», обычно в клятвах, значит навсегда, на веки вечные, до скончания века.

Кроме положительного значения следует отметить и отрицательную коннотацию понятия, когда «вода» сравнивается с деньгами и показывает скорые траты, не умение человека обращаться с деньгами: 花钱似水(huā qián sì shuǐ – «тратить деньги как текущую воду»).

### Заключение

По результатам проведенного анализа, который базируется на принципе антропоцентризма и позволяет учитывать человеческое начало в языке, можно утверждать, что представленные нами фразеологические единицы с компонентом «вода» в современном китайском языке профилируют понимание воды как стихии, которая в жизни человека иг-

рает важную роль, являясь источником силы, что вполне согласуется с экстралингвистическими знаниями. Согласно таким знаниям и анализу фактического материала, воде предписывались также очистительные и лечебные свойства, однако эта стихия внушала страх, когда речь шла о наводнениях и потопах, которым невозможно было противостоять. Также вода ассоциируется со скоротечностью времени, спокойствием, что безусловно находит отражение в фразеологизмах и проявляется на уровне оттеночности знаний положительной или отрицательной коннотации.

Как следует из анализа фактического материала, все перечисленные коды лингвокультуры вербализованы соответствующими фразеологическими единицами, которые в свою очередь, независимо от лингвистической коннотации допускают вариации в плане некоторых лингвокультурных особенностей, что естественным образом связано с культурой нации.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка проанализировать фразеологические единицы в сопоставлении с русским языком. Работа вносит определенный вклад в систему фразеологических единиц, даёт материал для дальнейших исследований при разработке проблемы перевода фразеологических единиц с китайского языка.

Результаты исследования могут быть полезны для студентов и преподавателей, изучающих современный китайский язык, а также для аспирантов, занимающихся исследованиями, опирающимися на принципы антропоцентризма.

### Список литературы

1. Альбрехт Э. 1977. Критика современной лингвистической философии. М., Прогресс, 159 с.
2. Бенвенист Э. 1974. Общая лингвистика. М, Прогресс, 404 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. 1963. Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х томах. М., Издательство Академии наук СССР, 391 с.
4. Виноградов В.В. 1977. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В кн.: Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., Наука:140–161.
5. Гумбольдт фон В. 1985. Язык и философия культуры. М., Прогресс, 448 с.
6. Караулов Ю.Н. 1986. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. В кн.: Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. Отв. ред.: В.Г. Костомаров. М., Русский язык: 105–126.
7. Маслова В.А. 2001. Лингвокультурология. М., Академия, 208 с.
8. Ожегов С.И. 1974. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., Высшая школа, 352 с.
9. Потебня А.А. 1999. Полное собрание трудов: мысль и язык. М., Лабиринт, 300 с.
10. Реформатский А.А. 1967. Введение в языковедение. М., Просвещение, 536 с.
11. Телия В.Н. 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Шк. языки русской культуры, 284 с.
12. Харитоновна И.В. 2004. Системное исследование языка: философско-методологический аспект. Автореф. дис. докт. филос. наук. Москва, 32 с.
13. Шанский Н.М. 1985. Фразеология современного русского языка. М., Высшая школа, 160 с.
14. Hong Liu Yong. 2001. Cultural Studies of Russian and Chinese Phraseologisms, Ukhan': izdatel'stvo Ukhan'skogo universiteta Khuachzhun (in Chinese).

### References

1. Albrecht E. 1977. Kritika sovremennoy lingvisticheskoy filos [Criticism of modern linguistic philosophy Albrecht]. М., Progress, 159 p.
2. Benvenist E. 1974. Obshchaya lingvistika [General Linguistics]. М., Progress, 404 p.



3. Boduen de Kurtene I.A. 1963. Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu [Selected Works on General Linguistics]. In 2 volumes. M., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 391 p.
4. Vinogradov V.V. 1977. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language]. In.: Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. M., Nauka: 140–161.
5. Gumbol'dt fon V. 1985. Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]. M., Progress, 448 p.
6. Karaulov Yu.N. 1986. Rol' pretsedentnykh tekstov v strukture i funktsionirovanii yazykovoy lichnosti [The role of precedent texts in the structure and functioning of a linguistic personality]. In.: Nauchnye traditsii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury [Scientific traditions and new directions in the teaching of the Russian language and literature]. Doklady sovetskoy delegatsii na VI kongresse MAPRYaL. Ed.: V.G. Kostomarov. M., Russkiy yazyk: 105–126.
7. Maslova V.A. 2001. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. M., Academy, 208 p.
8. Ozhegov S.I. 1974. Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi [Lexicology. Lexicography. A culture of speech]. M., Vysshaya shkola, 352 p.
9. Potebnya A.A. 1999. Polnoe sobranie trudov: mysl' i yazyk [Complete Works: Thought and Language]. M., Labyrinth, 300 p.
10. Reformatskiy A.A. 1967. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to linguistics]. M., Prosveshchenie, 536 p.
11. Teliya V.N. 1996. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M., Shk. yazyki russkoy kul'tury, 284 p.
12. Kharitonova I.V. 2004. Sistemnoe issledovanie yazyka: filosofsko-metodologicheskii aspekt [Systematic study of the language: philosophical and methodological aspect]. Abstract. dis. dokt. filos. nauk. Moscow, 32 p.
13. Shansky N.M. 1985. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of the modern Russian language]. M., Vysshaya shkola, 160 p.
14. Hong Liu Yong. 2001. Cultural Studies of Russian and Chinese Phraseologisms, Ukhan': izdatel'stvo Ukhan'skogo universiteta Khuachzhun (in Chinese).

### Ссылка для цитирования статьи

#### For citation

Пэнбо Чжао. 2020. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «вода» в китайском языке. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 39 (1): 111-118. DOI: 10.18413/2687-0940-2020-39-1-111-118

Pengbo Zhao. 2020. Semantic features of phraseological units with the “water” component in the Chinese language. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 39 (1): 111-118 (in Russian). DOI:10.18413/2687-0940-2020-39-1-111-118

УДК 81.42

DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-119-129

**КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРАКЦИИ  
В МАРКЕТИНГОВОМ ДИСКУРСЕ****COGNITIVE BASES OF INTERACTION  
IN A MARKETING DISCOURSE****Д.А. Черемохина, И.М. Чеботарева  
D.A. Cheremokhina, I.M. Chebotareva**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 208015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,  
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Cheremohina@bsu.edu.ru; Ichebotareva@bsu.edu.ru

**Аннотация**

Знаковым коммуникативным феноменом современности является маркетинговый дискурс, образование и функционирование которого слабо изучены в современной лингвистике. Важным вопросом этой области знания является определение роли когнитивных факторов дискурсопорождения в сфере продаж услуг. Авторами представлена попытка описания специфики коммуникативной ситуации в условиях деловых переговоров, а также обозначены лингвокогнитивные факторы формирования маркетингового дискурса (в частности, дискурса продажи услуг). Возможность проведения деловых переговоров, по мнению авторов, обусловлена наличием общих смыслов в когнитивной базе клиента и представителя компании. Концептуальный анализ ключевого для маркетингового дискурса концепта «выгода» позволил выявить точки пересечения интересов адресата и адресанта. Успех сделки становится возможным, если базовые индивидуальные смыслы концепта совпадают у обоих коммуникантов. Однако нередко в области персонального у коммуникантов реализуются смыслы с противоположным значением, что обусловлено личным опытом или этнокультурной спецификой. В таком случае представитель институционального дискурса стремится трансформировать ядро концепта «выгода», используя при этом аргументацию и лингвистические средства языкового манипулирования. Результатом исследования стала схема, отражающая механизмы образования дискурса продаж, а также теоретические выводы о значимости традиционных для русской культуры («польза», «материальный интерес» и др.) и коммуникативно обусловленных ситуацией переговоров (например, «простая схема») смыслов.

**Abstract**

Changes in the economic situation in society have influenced the features of the functioning of the language. A special type of thinking is being formed - marketing. On the example of communication in the conditions of business negotiations, the features of verbalization of marketing thinking are considered. The process of discourse formation in the field of business negotiations is analyzed. The communicative area in which the interests of a company representative and a client intersect is defined as a sales discourse. The possibility of conducting business negotiations is due to the presence of common meanings in the cognitive base of the client and company representative. A conceptual analysis of the «Profit» concept, which is crucial for marketing discourse, made it possible to identify the «intersection points» of interests of the communicants. The success of the transaction becomes possible if the nuclear meanings of this concept are the same for both communicants. However, much more often in the nuclear part of the concept, represented in the client's speech, meanings with a negative value appear due to personal experience or ethnocultural specifics. In this case, the representative of the institutional strive to transform the core of the concept of «Benefit», using argumentation and linguistic means of language manipulation.

**Ключевые слова:** маркетинговый дискурс, дискурс продаж, дискурсообразование, концепт, концептуальный смысл, когнитивная трансформация.

**Keywords:** marketing discourse, sales discourse, discourse formation, concept, conceptual meaning, cognitive transformation.

## Введение

В центре современного научного познания находится человек: исследователей интересует, как в языке проявляется его личность, как он выражает свои интересы, цели и желания. Ответы на эти вопросы имеют и практическую ценность: зная механизмы речепорождения и речевосприятия, мы можем спланировать идеальный коммуникативный акт для достижения прагматического эффекта. Для исследования акта коммуникации принято пользоваться термином *дискурс*. Т.А. Ван Дейк отмечал: «Понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. "Дискурс" – одно из них» [Teun Van Dijk, 1998, p. 46].

Преимущества дискурсивного анализа в условиях формирования антропоцентрического подхода были обозначены еще в середине 50-х годов XX века в работе З. Харриса [Harris, 1952]. Представители американской лингвистической школы и сегодня активно применяют этот метод для анализа языковых явлений разной природы [Langacker, 2008; Chafe, 2015; Givon, 2017]. Утвердился термин *дискурс* и в отечественной науке о языке. Динамический характер дискурса позволил ему органично вписаться в традиционную оппозицию «язык – речь», которая в новых антропоцентрических исследованиях предстала как «язык – дискурс – речь». В нашей работе под дискурсом понимается динамическое образование, репрезентирующее коммуникативное действие, а также вербально закрепленный результат этого действия.

Подробно исследовал дискурс и описал его типологические характеристики В.И. Карасик. В работе «О типах дискурса» он выделял два типа – персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный): «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [Карасик, 2000, с. 6]. Каждый из типов дискурса имеет свои разновидности, отличающиеся лексическими средствами, степенью субъективности участников, а также целью коммуникативного акта. К персональному дискурсу исследователь относит бытовое и бытийное общение, в котором личность реализует свой речетворческий потенциал, удовлетворяет потребность в коммуникации. В институциональном типе дискурса речетворчество индивида ограничивается его социально-ролевым статусом.

В коммуникативной среде условно можно выделить политический, дипломатический, юридический, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, научный типы дискурсов. Этот список может меняться под воздействием экстралингвистических факторов: в каждом типе может быть выделена собственная разновидность дискурса с присутствующим только ему набором лексических, грамматических и стилистических особенностей, а также прагматических установок. Кроме того, социальные институты исторически изменчивы, они меняют свои функции, расширяют коммуникативные границы (например, некоторые ведомства создают виртуальные дискурсы, в которых размещают важную информацию, отвечают на вопросы и т.д.).

Знаковым для нашего времени является формирование и активное функционирование маркетингового дискурса, разновидностью которого является дискурс продаж. Подъем предпринимательской активности в сфере продажи услуг, по замечанию А.П. Репьева, требует формирования особого типа мышления – маркетингового: «Маркетинговое мышление – это не мышление в чистом виде, а сочетание умения мыслить и чувствовать "по-маркетинговому" с умением принимать творческие решения» [Репьев, 2015, с. 58]. Этот



особый тип мышления, на наш взгляд, является когнитивной основой маркетингового дискурса, в котором прагматика современности реализуется в сочетании творческого и схематичного, личного и общественного.

Объектом нашего исследования и выступает этот тип дискурса – маркетинговый. В исследовательской литературе можно встретить несколько терминологических вариантов этого дискурса: маркетинговый дискурс [Гусейнова, 2009], дискурс маркетинговых коммуникаций [Пирогова, 2011], дискурс предметной области «Маркетинг» [Петрушова, 2011]. Следует отметить, что в нашей статье мы используем термин *маркетинговый дискурс* в узком значении, понимая его как последовательность речевых интеракций, определяемых требованиями ситуации деловых переговоров. Мы говорим о дискурсе продаж страховых услуг, который формируется в процессе деловых переговоров с потенциальным покупателем при учете экстралингвистических факторов. Таким образом, предметом нашего исследования выступает речевое поведение коммуникантов в типовой ситуации деловых переговоров.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучить особенности дискурсопорождения в сфере продаж услуг и определить роль когнитивных факторов в этом процессе. Нас интересует, как в новых экономических условиях функционирует язык, как меняется языковое сознание участников коммуникации и как формируется маркетинговый дискурс. Цель исследования – определить лингвокогнитивные факторы формирования маркетингового дискурса (в частности, дискурса продажи услуг) и обозначить специфику коммуникативной ситуации в условиях деловых переговоров.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что порождение дискурса продаж как разновидности маркетингового дискурса определяется столкновением и взаимодействием институционального и персонального в жанре деловых переговоров, которые рассматриваются нами как интеракция с особой маркетинговой прагматикой. Мы считаем, что существование дискурса продаж как типовой формы маркетингового дискурса обусловлено когнитивными факторами, имеющими этнокультурные и общеязыковые истоки.

### Материалы и методы исследования

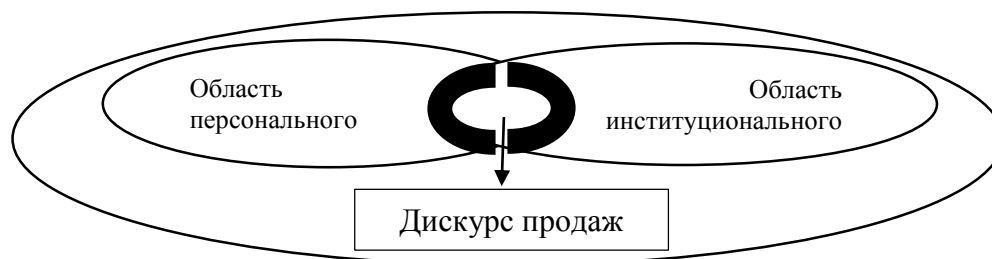
Материалом исследования явились письменные результаты работы на тренингах, которые проводились компанией «Дженсер», являвшейся до 2018 года лидером по продажам автомобилей и услуг, связанных с допродажным и сервисным обслуживанием (в том числе, страхованием автомобилей). Анализируемые в статье фрагменты дискурса продаж разработаны автором по коммуникативным ситуациям, представленным в заданиях тренингов «Особенности работы с продуктом. Продажа услуг» (август 2013, г. Белгород) и «Активные продажи услуг в автоцентре» (апрель 2014, г. Белгород).

Особенности материала исследования определили методологическую основу работы. Одним из ведущих методов является *метод концептуального анализа*, основанный на выделении доминирующего концепта, который, с одной стороны, обуславливает наличие «точек контакта» коммуникантов, а с другой – столкновение интересов участников переговоров. Многие общие выводы и положения в нашей работе сформированы благодаря анализу частных лингвистических проявлений, что составляет суть *метода индуктивного анализа*. Важен для достижения цели нашего исследования и *сопоставительно-описательный метод*, позволяющий провести сравнение по различным показателям речевого поведения коммуникантов.

### Результаты и их обсуждение

Дискурс продаж услуг (как разновидность маркетингового дискурса) образуется при участии двух сторон: клиента (покупателя) и представителя компании (продавца услуги). Коммуникация проходит в жанре деловых переговоров, которые представляют собой интеракцию покупателя и продавца. Клиентом в данном случае создается область

бытового дискурса, ему, например, нужно застраховать свой автомобиль, потому что истекает срок действия полиса. Покупатель услуги может использовать тот набор языковых средств, который, на его взгляд, оптимально подходит для решения этой практической задачи. Выбор способов репрезентации своих потребностей определяется и набором экстралингвистических факторов: образованием, настроением, прошлым опытом. Продавец, наоборот, ограничен в способах репрезентации информации. В ситуации деловых переговоров он выступает представителем компании и должен соответствовать ее имиджу. Таким образом, коммуникативная область, создаваемая продавцом, соответствует институциональному типу дискурса. Представим эту идею схематично (см. рисунок):



Дискурсообразование в жанре деловых переговоров  
Discourse formation in the genre of business negotiations

Все рассматриваемые в нашей статье примеры деловых переговоров являются результатами работы на тренинге. Следует отметить, что тренинг – это «система тренировок для совершенствования в какой-либо сфере жизни, для снятия отрицательных воздействий и т.п.» [Скляревская, 2007, с. 999]. В основе тренингов по продажам услуг лежат теоретические знания по психологии и психолингвистике, а также набор практических заданий, позволяющих закрепить полученную информацию. Нас интересует результаты работы на тренинге, то есть тексты «идеальных» с точки зрения маркетинга диалогов.

Рассмотрим следующий пример:

– Мне кажется, что ваша страховка – вещь абсолютно бесполезная! Я и так все деньги вкладываю в машину, а вы еще из меня их на всякие глупости вытягиваете!

– Приобретение автомобиля – действительно важное дело. Хотите понять, в чем польза страхования для вас и вашей семьи?

Обратим внимание на лингвистические средства выражения позиций покупателя и продавца.

#### Позиция покупателя

- Лексика с отрицательной оценкой (*бесполезная, глупости*);
- Стилистически окрашенная лексика (*вытягивать деньги* – разговорный стиль);
- Противительные конструкции (*Я и так..., а вы..*);
- Усилительная частица (*абсолютно*);
- Восклицательные предложения.

**Вывод:** перед нами «живая», неподготовленная речь, выражающая нежелание приобрести услугу. Языковые средства оформления соответствуют разговорному стилю речи. Это область персонального дискурса.

#### Позиция продавца

- Лексика с положительной оценкой (*важное, польза*);
- Канцеляризм (*приобретение автомобиля*);
- Закрытый вопрос с указанием ценности для клиента и его семьи;
- Прием парафраза, демонстрирующий лояльность и согласие с позицией клиента.

**Вывод:** перед нами речь, построенная по схеме «понять природу сомнений – нейтрализовать эмоцию недоверия (согласиться) – проговорить желание (парафраз)». Языковые средства соответствуют официально-деловому стилю. Это область институционального дискурса

Приведенный пример доказывает, что клиент может использовать языковые средства разных уровней и оформлять высказывание, используя стилистически окрашенные элементы, в то время как для сотрудника такое речевое поведение недопустимо: придерживаясь социального статуса представителя компании, он должен тщательно выбирать лингвистический арсенал для формирования лояльности клиента. Итак, маркетинговый дискурс формируется при взаимодействии и столкновении институционального и персонального в жанре деловых переговоров.

Мы говорим о двух противоположных процессах взаимодействия и столкновения (оппозиции) потому, что не всегда интеракция протекает так, как это предполагается «идеальной» схемой, описанной в тренинге. Рассмотрим когнитивные причины возможных столкновений.

Необходимым средством общения является речь, которая в концепции когнитивной лингвистики представляет собой высший уровень категоризации и концептуализации информации. Именно в речи репрезентирован весь ментальный комплекс знаний и представлений человека, который в терминисистеме когнитивной лингвистики называется концептосферой, а «квант» этого знания – концептом. Чумак-Жунь И.И. вслед за Е.С. Кубряковой утверждает, что концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, а также всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Чумак-Жунь, 2009, с. 12]. Возможно ли трансформировать те или иные концептуальные смыслы для достижения нужного прагматического эффекта? Считаем, что такие трансформации возможны, и объясняются они спецификой формирования самого концепта. «При формировании концепта в человеческом сознании происходит синкретичное соединение двух сущностных основ: с одной стороны, это 1) культурные архетипы социума, в котором существует индивид (*когнитивная база*), а с другой, это 2) его индивидуальное сознание» [Черемохина, 2015, с. 46]. Для достижения практической цели коммуникации представитель компании (адресант институционального дискурса) должен «подключиться» к когнитивной базе адресата, выявить возможные негативные смыслы ключевого концепта и трансформировать их. На наш взгляд, ключевым концептом, который обеспечивает интеракцию на пересечении областей институционального и персонального в дискурсе продаж, является концепт «Выгода».

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова лексема «выгода» трактуется следующим образом: «ВЫГОДА, *ж.* Прибыль, польза, извлекаемая из чего-н., преимущество, интерес (чаще материальный). *Коллективное хозяйство дает много выгод. Нет никакой выгоды покупать дешевую одежду. Это не в моих выгодах (мне невыгодно). Иметь, получать выгоду*»<sup>1</sup>. Похожее толкование находим и в Малом толковом словаре русского языка: «ВЫГОДА, *-ы, ж.* Польза, преимущество; Прибыль. *Это дело вряд ли даст выгоду. Думать о собственной выгоде. Поменяться с выгодой для себя*»<sup>2</sup>. Опираясь на данные толковых словарей, выделяем концептуальные смыслы исследуемого концепта: «польза», «материальный интерес».

Следует отметить, что понимание *выгоды* как индивидуальной прибыли, личного интереса сформировалось в недрах русского национального сознания и имеет древние истоки. Вспомним русские пословицы «Своя рубашка ближе к телу», «Своя рука – владыка»<sup>3</sup>, в которых отражена черта русского человека, часто ставящего собственное благополучие выше интересов других людей. Конечно, есть в русской истории и периоды отрицания индивидуализма, периоды признания ценности коллективизма и стремления к общей

<sup>1</sup> Ушаков Д.С. 2005. Большой толковый словарь современного русского языка. М., Альта-Пресс, с. 114

<sup>2</sup> Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. 1990. Малый толковый словарь русского языка: Ок. 35 000 слов. М., Русский язык, с. 74.

<sup>3</sup> Русские пословицы и поговорки. 1988. М., Художественная литература, с. 281

возвышенной цели. Тем не менее, сегодня, под натиском рыночной экономики и конкуренции, одним из когнитивных факторов организации деловых переговоров в маркетинговом дискурсе является актуализация традиционного для русского менталитета смысла «личный интерес».

Народная мудрость выражает еще одну важную мысль, которая часто лежит в основе сомнений и возражений в ситуации деловых переговоров: «Выигрыш с проигрышем на одних санях ездят»<sup>1</sup>, «Не гонись за большим – маленькое потеряешь»<sup>2</sup> и т.д. Современное: «Если это предложение действительно такое выгодное, то почему Вы мне его предлагаете? Наверное, это уловка!», – типичное для русского человека восприятие информации о выгодных предложениях. Таким образом, добавим еще несколько возможных концептуальных смыслов анализируемого концепта – это смыслы «обман» и «скрытая цель».

Успешная интеракция в дискурсе продаж определяется совпадением положения концептуальных смыслов в структуре основного концепта. Рассмотрим, какие смыслы репрезентируются в репликах из области персонального и какое положение в структуре концепта они занимают.

1) – *Когда по телефону я с Вами разговаривала, цена была одной, а теперь вдруг выросла на пять тысяч. Ничего себе «стабильная» компания.*

2) – *Я машину четыре года страховал из-за кредита, сейчас погасил. ДТП не было, страховка мне больше не нужна.*

3) – *Мы переехали, у меня теперь гараж есть, страховка от угона больше не нужна. Зачем мне деньги выбрасывать?*

4) – *Я о вашей компании «XXX» такого в интернете читалась! А вы мне ее предлагаете!*

5) – *Я слышал, что при страховом случае страховые делают все, лишь бы не заплатить! Не вижу смысла страховаться!*

6) – *У моих знакомых был очень неприятный случай с этой страховой компанией! К ним я не хочу обращаться!*

7) – *У меня 18 лет стажа, зачем мне еще дополнительная страховка?*

8) – *Вы все рассказываете, конечно, очень заманчиво, но я сильно сомневаюсь в том, что все это соответствует реальности.*

9) – *Эта система страховая очень сложная: я все равно не смогу воспользоваться ей! Куда-то звонить, договариваться. Я лучше в знакомый сервис поеду и быстро все сделаю, если что-то случится.*

Основываясь на анализе приведенных примеров, считаем, что в приядерную часть концепта «выгода» попадают как традиционные для нашей этнокультуры, так и характерные только для этого типа дискурса концептуальные смыслы. К традиционным относим концептуальные смыслы: «материальный интерес» (пример 1 можно перефразировать следующим образом: «мне выгодно там, где дешевле»), «личный интерес» (примеры 2, 3, 7, в которых вербализируется мысль «лично мне выгодно жить без подобных услуг, потому что у меня нет перед вами обязательств, и я в себе уверен») и «обман» (в примерах 8 и 6 представлена мысль «выгода там, где нет скрытых смыслов, а им нужно только продать, поэтому меня обманут»). В примерах 5 и 9 обращаем внимание на новый концептуальный смысл, не отмеченный нами ранее, – «простая схема» (имеется в виду, что для клиента выгодно то предложение, реализация которого не потребует от него больших усилий).

Конечно, концептуальные смыслы репрезентируются не изолированно. Мы выделили лишь те, которые, на наш взгляд, в указанных примерах входят в приядерную часть

<sup>1</sup> Русские пословицы и поговорки. 1988. М., Художественная литература, с. 56

<sup>2</sup> Русские пословицы и поговорки. 1988. М., Художественная литература, с. 213

концепта. В каждой из реплик вербализовано несколько концептуальных смыслов, например, в реплике 4 (*Я о вашей компании «XXX» такого в интернете начиталась! А вы мне ее предлагаете!*) в ядро концепта, вероятно, попадут смыслы «обман» и «простая схема», а периферию составят смыслы «материальный интерес» (если обманут, то материальной выгоды тоже не будет) и «личный интерес» (обманут именно меня, это неприятно).

Концепт «выгода» (с указанными концептуальными смыслами) в области пересечения областей институционального и персонального подвергается направленному процессу трансформации, который изменяет представления клиента об услуге и формирует готовность приобрести ее.

1) – *Когда по телефону я с Вами разговаривала, цена была одной, а теперь вдруг выросла на пять тысяч. Ничего себе «стабильная» компания.*

– *Действительно, вопрос финансовой стабильности страховой компании очень важен. Хотите узнать, почему изменилась цена?*

В данном случае смысл «материальный интерес» в приядерной зоне концепта «выгода» находится рядом со смыслом «обман». Задачей представителя компании является формирование лояльности клиента, которое достигается с помощью закрытого вопроса и последующего объяснения причин подорожания. Возможно, что после уточнения некоторых фактов (дата звонка, страховая компания, личные данные водителей и т.д.), представления клиента о том, что его обманывают, сместятся на периферию концепта, а дополнительные персональные предложения специалиста компании сформируют новые концептуальные смыслы, такие как «личный интерес» («это предложение только для Вас») или «простая схема» («Вам близко к нам ехать»).

2) – *Я машину четыре года страховал из-за кредита, сейчас погасил. ДТП не было, страховка мне больше не нужна.*

– *Очень хорошо, что есть опыт безаварийной езды! Хотите понять, какие дополнительные преимущества будут доступны для Вас как для опытного водителя?*

«Личный интерес» клиента в данном примере заключается в отсутствии обязательств перед банком и, следовательно, перед страховой компанией. В дискурсе продаж актуализируется внимание на дополнительных преимуществах «только для вас», этот концептуальный смысл остается в приядерной зоне концепта, но насыщается новыми оттенками значения: у вас нет обязательств – значит у вас будет другой тариф по страхованию; вы опытный водитель – значит есть возможность получить дополнительную скидку; вы страховали свой автомобиль в нашей компании несколько лет – значит для вас доступны услуги для постоянных клиентов.

3) – *Мы переехали, у меня теперь гараж есть, страховка от угона больше не нужна. Зачем мне деньги выбрасывать?*

– *Хорошо, что есть место для хранения автомобиля. Гараж, действительно, обеспечивает защиту от угона. Хотите узнать, какие дополнительные преимущества Вы получите от полиса КАСКО?*

В основе реплики клиента лежит прием отрицания. Частица *не* (*не нужна*) и фразеологизм «выбросить деньги на ветер», представленный в области персонального усеченной разговорной формой «деньги выбросить», репрезентируют негативное отношение к предлагаемому продукту. Клиент уверен, что его личный интерес заключается в отсутствии дополнительных трат на ненужную услугу. Задача представителя компании в данном случае заключается в трансформации смыслового содержания этого концептуального смысла. Предположим, что в качестве аргументов для приобретения страховки адресант области институционального будет использовать предложения, обеспечивающие в себе материальную выгоду и формирующие уверенность в защите автомобиля не только от угона, но и от других страховых случаев (например, специальные продукты с франши-

зой). Таким образом, концептуальный смысл «личный интерес» остается в приядерной зоне концепта «выгода», но, вероятно, в дискурсе продаж изменяет свое смысловое содержание.

4) – *Я слышал, что при страховом случае компании делают все, лишь бы не заплатить! Не вижу смысла страховаться!*

– *Понимаю, Вы хотите быть уверенным, что страховая компания выполнит свои обязательства! Рассказать о страховых компаниях, с которыми мы сотрудничаем?*

Мнение о том, что добиться компенсации по страховому полису очень сложно, выражается и в следующем диалоге:

5) – *Эта система страховая очень сложная: я все равно не смогу воспользоваться ей! Куда-то звонить, договариваться. Я лучше в знакомый сервис поеду и быстро все сделаю, если что-то случится.*

– *Действительно, важно понимать, как действовать в страховой ситуации. Хотите узнать, что нужно делать, чтобы быстро получить выплату и отремонтировать свой автомобиль у официального дилера?*

Когнитивный диссонанс в области пересечения дискурсов возникает из-за несовпадения концептуального смысла «простая схема» области персонального и этого концептуального смысла в области институционального дискурса. Уверенность клиента в том, что даже после покупки страхового продукта он не сможет им воспользоваться, вербализируется на уровне лексики и грамматики: отрицательные частицы с усилением (*не, лишь бы не, все равно не*), прилагательное *сложная*.

Реплика клиента в диалоге № 6 построена на противопоставлении, которое актуализирует еще один оттенок значения смысла «простая схема» – выгодно, если быстро.

Представитель области институционального в данном случае соглашается с важностью «простой схемы» и дополняет приядерную зону концепта «выгода» новыми смыслами. Так, после аргументации страхового предложения (например, клиенту может быть предложена услуга «аварийный комиссар», которая позволит ему не ездить в страховую компанию и экономить время, решая все вопросы в салоне официального дилера) в приядерной зоне концепта, вероятно, появятся смыслы «удобное решение» или «надежная компания».

Рассмотрим еще один пример.

б) – *Вы все рассказываете, конечно, очень заманчиво, но я сильно сомневаюсь в том, что все это соответствует реальности.*

– *Уверенность в страховой компании очень важна. Хотите узнать, какие гарантии выплат Вы получаете при приобретении страхового продукта?*

Обращаем внимание, что реплики из области институционального дискурса построены по общей схеме и включают, в отличие от области персонального, положительно окрашенные языковые единицы, акцентирующие внимание на преимущества для клиента. Концептуальный смысл «обман» должен быть вытеснен на периферию концептуального поля смыслом или смыслами с положительным значением. Например, представитель компании может сформировать новое знание о страховой компании, оперируя фактами и примерами из своей практики. Кроме того, доверие клиента в этом случае формируется и с помощью экстралингвистических факторов: опрятный внешний вид, приятный голос и т.д. В результате деловых переговоров в приядерной зоне концепта «выгода» окажутся смыслы «простая схема» или «личный интерес».

Подведем итог. В процессе деловых переговоров формируется особое коммуникативное образование – дискурс продаж. Особенность этого типа дискурса заключается в том, что он совмещает в себе две противоположно заряженные области с разными когнитивными установками, но объединенные общей концептуальной зоной концепта «выгода».

На пересечении областей институционального и персонального приядерные концептуальные смыслы подвергаются направленному процессу трансформации со стороны более сильного дискурса (таким мы считаем дискурс, формируемый представителем компании, поскольку он относится к институциональному типу). Эта трансформация заключается в том, что концептуальные смыслы концепта «выгода», которые репрезентируются клиентом и выражают его негативное отношение к предлагаемому продукту, *могут* 1) смещаться на периферию (диалоги 1 и 6), тогда в приядерной зоне концепта оказывается другой концептуальный смысл с положительным значением; 2) оставаться в приядерной зоне концепта, но с новым оттенком значения, формирующим лояльность клиента (диалоги 2 и 3); 3) оставаться в приядерной зоне вместе с новыми концептуальными смыслами, под воздействием которых теряется отрицательное коннотативное и смысловое содержание концепта (диалоги 4 и 5).

Таким образом, традиционные представления о выгоде в маркетинговом дискурсе являются когнитивной основой интеракции. В области пересечения интересов институционального и персонального обязательно делается акцент на пользу для клиента. Для речевой манипуляции представителем компании выбираются важные для русского менталитета сферы влияния: семья, безопасность, финансовая стабильность, простота и скорость реализации сделки.

### Заключение

Современная экономическая ситуация оказывает влияние на изменение картины мира человека, что, безусловно, отражается на особенностях функционирования языка. Маркетинговое мышление, которое сформировалось под воздействием рыночной экономики, определяет отбор языковых средств и уместность их использования в разных бытовых и официальных ситуациях, в том числе в ситуации деловых переговоров. Изучение лингвистических особенностей интеракции и механизмов дискурсообразования в ситуации деловых переговоров оказалось возможным при взаимодействии коммуникативного и когнитивного подходов к языковым фактам, которые являются результатами работы на тренингах и представляют собой образцовый текст, решающий маркетинговые задачи.

Типологические признаки маркетингового дискурса определяют уникальность этого коммуникативного образования. Адресат и адресант, становясь участниками переговоров, занимают разные социально-ролевые позиции: представитель компании использует средства официально-делового стиля, тщательно выбирая лингвистический арсенал для формирования лояльности клиента, который в свою очередь не ограничен в языковых средствах репрезентации своих потребностей и может оформлять высказывание, используя стилистически окрашенные элементы разговорного стиля. Интеракция в таком случае формируется путем взаимодействия и столкновения институционального и персонального в жанре деловых переговоров.

Коммуникативная область, в которой пересекаются интересы представителя компании и клиента, определяется нами как дискурс продаж. Возможность дискурсообразования обеспечивается наличием в сознании носителей языка общих концептуальных смыслов, объединенных в концепте «выгода». Исследование показало существование некоторых традиционных для русской культуры смыслов («польза», «материальный интерес» и др.), а также смыслов коммуникативно обусловленных ситуацией переговоров (например, «простая схема»). Представитель компании стремится выявить индивидуальные представления о выгоде, репрезентированные в репликах клиента. «Неудобные» концептуальные смыслы подвергаются намеренному процессу трансформации и смещаются на периферию концептуальной области или, оставаясь в приядерной зоне, изменяют свое значение.

Таким образом, считаем гипотезу исследования доказанной. Результаты исследования подтвердили, что порождение дискурса продаж определяется столкновением и взаимодействием институционального и персонального в жанре деловых переговоров, возможность осуществления которых обусловлена когнитивными факторами, имеющими этнокультурные и общеязыковые истоки.

### Список литературы

1. Гусейнова И.А. 2009. О когнитивных основах маркетингового дискурса. В кн.: Бизнес-коммуникация и языки для специальных целей: опыт, стратегии, проблемы. Материалы международной научно-практической конференции (Минск, 14-15 мая 2009 г.). Под ред.: В.С. Слепович. Минск, БГЭУ: 3–4.
  2. Карасик В.И. 2000. О типах дискурса. В кн.: Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, Перемена: 5–6.
  3. Петрушова Е.В. 2011. Когнитивно-прагматические характеристики дискурса предметной области «Маркетинг». Дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 325 с.
  4. Пирогова Ю.К. 2011. Феномен давления дискурса в текстах маркетинговых коммуникаций. В кн.: Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. Под ред.: М.Н. Володиной. М., Академический проект: 208–217.
  5. Репьев А.П. 2015. Маркетинговое мышление. М., Библос, 510 с.
  6. Скляревская Г.Н. 2007. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., Эксмо, 1136 с.
  7. Черемохина Д.А. 2015. Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта (дискурс власти и дискурс В.С. Высоцкого). Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 170 с.
  8. Чумак-Жунь И.И. 2009. Поэтический концепт и его статус в типологии концептов. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 14: 11–20.
  9. Chafe W.L. 2015. A Grammar of the Seneca Language. Oakland, California, University of California Press, XVI, 234 p.
  10. Givon T. 2017. The Story of Zero, John Benjamins Publishing Company, 430 p.
  11. Harris Z. 1952. Discourse Analysis. Language, 28 (1): 1–30.
  12. Langacker R.W. 2008. Cognitive Grammar: A Basic Introduction Oxford, Oxford University Press, 562 p.
  13. Teun Van Dijk. 1998. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, Sage. Available at: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (accessed: 25.09.2019).
- 
1. Guseynova I.A. 2009. O kognitivnykh osnovakh marketingovogo diskursa [On the Cognitive Basics of Marketing Discourse]. In: Biznes-kommunikatsiya i yazyki dlya spetsial'nykh tseley: opyt, strategii, problem [Business communication and languages for special purposes: experience, strategies, problems.]. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Minsk, 14-15 maya 2009 g.). Ed.: V.S. Slepovich. Minsk, BGEU: 3–4.
  2. Karasik V.I. 2000. O tipakh diskursa [About types of discourse]. In.: Karasik V.I., Slyshkin G.G. Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, Peremena: 5–6.
  3. Petrushova E.V. 2011. Kognitivno-pragmaticheskie kharakteristiki diskursa predmetnoy oblasti «Marketing» [Cognitive-pragmatic characteristics of the discourse «Marketing»]. Diss. ... cand. philol. sciences. Krasnodar, 325 p.
  4. Pirogova Yu.K. 2011. Fenomen davleniya diskursa v tekstakh marketingovykh kommunikatsiy [The phenomenon of the pressure of discourse in the texts of marketing communications]. In.: Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v XXI veke [Language and Media Discourse in the 21st Century]. Pod red.: M.N. Volodinoy. M., Akademicheskii projekt: 208–217.
  5. Rep'ev A.P. 2015. Marketingovoe myshlenie [Marketing thinking]. M., Biblos, 510 p.



6. Sklyarevskaya G.N. 2007. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Actual vocabulary]. M., Eksmo, 1136 p.
7. Cheremokhina D.A. 2015. *Kognitivno-pragmaticheskie faktory mezhdiskursnogo konflikta (diskurs vlasti i diskurs V.S. Vysotskogo)* [Cognitive-pragmatic factors of inter-discourse conflict (power discourse and discourse of V.S. Vysotsky)]. Dis. ... cand. philol. sciences. Belgorod, 170 p.
8. Chumak-Zhun' I.I. 2009. *Poeticheskiy kontsept i ego status v tipologii kontseptov* [Poetic concept and its status in the typology of concepts]. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*, 14: 11–20.
9. Chafe W.L. 2015. *A Grammar of the Seneca Language*. Oakland, California, University of California Press, XVI, 234 p.
10. Givon T. 2017. *The Story of Zero*, John Benjamins Publishing Company, 430 p.
11. Harris Z. 1952. *Discourse Analysis*. *Language*, 28 (1): 1–30.
12. Langacker R.W. 2008. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction* Oxford, Oxford University Press, 562 p.
13. Teun Van Dijk. 1998. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, Sage. Available at: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (accessed: 25.09.2019).

### **Ссылка для цитирования статьи**

#### **For citation**

Черемохина Д.А., Чеботарева И.М. 2020. Когнитивные основания интеракции в маркетинговом дискурсе. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания..* 39 (1): 119–129. DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-119-129

Cheremokhina D.A., Chebotareva I.M. 2020. Cognitive bases of interaction in a marketing discourse. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 39 (1): 119–129. (in Russian). DOI 10.18413/2687-0940-2020-39-1-119-129

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

## INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Архипов С.В.** – старший преподаватель кафедры Лингвистики и профессиональной коммуникации Московского государственного университета пищевых производств, г. Москва, Россия
- Беспалова Е.А.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Юго-западного государственного университета, г. Курск, Россия
- Блажевич Ю.С.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия
- Ельникова А.В.** – студент направления подготовки 42.03.02 Журналистика, факультет лингвистики и межкультурной коммуникации Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия
- Ерошенкова Е.И.** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия
- Зеленина Е.В.** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры Лингвистики и перевода Тульского государственного университета
- Кригер Е.И.** – аспирант кафедры фонетики и лексики английского языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия
- Куянцова Е.А.** – кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Национального университета им. Т. Шевченко, г. Луганск, ЛНР
- Литовская А.С.** – аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия
- Привалова И.В.** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского, г. Саратов, Россия
- Пэнбо Чжао** – ассистент кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия
- Чеботарева И.М.** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия
- Черемохина Д.А.** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия
- Черниенко Ю.А.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотековедения и информационных технологий факультета социально-культурных и информационных технологий Алтайского государственного института культуры, г. Барнаул, Россия
- Чикикна Ю.Ю.** – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель декана по воспитательной и социальной работе факультета естественных наук, доцент кафедры географии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, ЛНР